

ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2017, № 9

Санкт-Петербург
2017

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2017, № 9

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Бор В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук (г. Москва, Россия), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Багаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Даниила Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2017

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter B, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2017

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities
«University», 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала «Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Аврутин Ю.Е., Булавчик В.Г., Клишков В.Б., Федоров А.Б., Хабибулин А.Г., Числов А.И.</i>	Профессору Алиеву Якубу Ломалиевичу – 60 лет	11
---	--	----

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

От редакции	О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция»	16
<i>Алиев Я.Л., Аманацкий Ю.В.</i>	Столетие большевистской революции 1917 года: мифы и уроки истории	34
<i>Хабибулин А.Г.</i>	Методологические основания правопонимания: единство юридической практики, теории и философии права	45
<i>Белозерова О.А.</i>	Генерал А.Н. Куропаткин во главе Маньчжурской армии в начальный период русско-японской войны (1904 – 1905) и «двоевластие» на театре военных действий	49

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность

<i>Астафичев П.А.</i>	Разграничение ответственности органов местного самоуправления перед населением и государством	69
<i>Аубакирова И.У.</i>	Абсолютизм и процесс становления современного государства	73

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

<i>Хамроев Ш.С.</i>	«Свобода договора» как правовой инструмент организации рыночного хозяйства	84
---------------------	--	----

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

<i>Андрейцо С.Ю.</i>	О некоторых проблемах защиты прав беженцев в России	90
----------------------	---	----

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

<i>Егоршин В.М., Кондрат И.Н., Сурков К.В., Числов А.И.</i>	Новый взгляд на науку оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Вихрова В.А., Игнащенко Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность» (М.: Граница, 2017. 424 с.) [4]	96
---	---	----

**Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право.
Налоговое право**

<i>Кондрат Е.Н.</i>	Некоторые вопросы истории и современность борьбы с правонарушениями в финансовой сфере: международно-правовое обеспечение	102
---------------------	---	-----

**Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная
и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат**

<i>Бородина С.В., Петров А.В.</i>	Русское уголовное судопроизводство: прошлое и настоящее время	112
<i>Клецина Е.Н., Кондрат И.Н.</i>	Суд первой инстанции: актуальные проблемы охраны прав потерпевшего	123
<i>Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В.</i>	Социально-экономические права и свободы осужденных в контексте правового статуса личности	143

**Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право.
Иностранное право**

<i>Маджидзода Д.З., Холикзода А.Г.</i>	Объект науки прав человека: некоторые общие размышления применительно к современному Таджикистану	159
--	---	-----

**Философия права. Правовая культура и правосознание.
Социология права и юридическая психология**

<i>Исмагилов Р.Ф.</i>	Преступление и покаяние в философии права Ф.М. Достоевского. Лекция	167
<i>Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г.</i>	Понятие государственного суверенитета в контексте проблемы обеспечения национальных интересов России	176
<i>Ананских И.А., Денисов А.М.</i>	Философия права И. Канта как одна из предпосылок учения Фридриха Карла фон Савиньи	185
<i>Исмагилов И.Р., Лежнева О.Ю.,</i>	Государство как истина гражданского общества в философии права Г.В.Ф. Гегеля	191
Информация для авторов		198

CONTENTS

<i>Avrutin Yu.E., Bulavchik V.G., Klishkov V.B., Fedorov A.B., Khabibulin A.G., Chislov A.I.</i>	Professor Aliyev Yakub Lomaliyevich – 60 years old.....	11
--	---	----

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>From the editorial office</i>	About the discussion caused by the article-presentation doctor of law, professor, Honored worker of science of the Russian Federation V.V. Lazarev “Law and revolution”	16
<i>Aliev Ya.L., Amanatskiy Yu.V.</i>	Century of the revolution of 1917: myths and lessons of history	34
<i>Khabibulin A.G.</i>	Methodological foundations of legal understanding: unity of legal practice, theory and philosophy of law	45
<i>Belozeroва O.A.</i>	General A.N. Kuropatkin led the Manchurian army in the initial period of the Russo-Japanese War (1904-1905) and "dual power" in the theater of operations	49

**Constitutional and municipal law. Constitutional litigation.
Administrative law and administrative activities.**

<i>Astafichev P.A.</i>	Differentiation of the responsibility of municipal authorities before the population and the state	69
<i>Aubakirova I.U.</i>	Absolutism and the process of formation of a modern state	73

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Khamroev Sh.S.</i>	«Freedom of contract» as a legal instrument for organizing a market economy	84
-----------------------	---	----

**Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law.
Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law.
Legislation and enforcement process**

<i>Andreytso S.Yu.</i>	On some problems of protection of the rights of refugees in Russia.....	90
------------------------	---	----

**Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure.
Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities**

<i>Egorshin V.M., Kondrat I.N., Surkov K.V., Chislov A.I.</i>	A new view of the science of operational-search activity. Review on the Monograph written by Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignaschenkov Y.Y. and Salnikov V.P. under the title «Operational-search activity and military security» (M.: Granitza, 2017. 424 p.)	96
---	---	----

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

<i>Kondrat E.N.</i>	Some issues of the history and modernity of combating offenses in the financial sphere: international legal support.....	102
---------------------	---	-----

**Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities.
Advocacy and notary system**

<i>Borodina S.V.</i>	Russian criminal proceedings: past and present	112
<i>Petrov A.V.</i>		
<i>Kleshchyna E.N., Kondrat I.N.</i>	Court of first instance: actual Problems protection of the rights of the victim.....	123
<i>Bryleva E.A., Oganesyan S.M., Sal'nikov M.V.</i>	Socio-economic rights and freedoms of convicts in the context of the legal status of a person.....	143

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

<i>Madzhidzoda D.Z., Holikzoda A.G.</i>	Object of human rights science: some general reflections applied to modern Tajikistan	159
---	---	-----

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

<i>Ismagilov R.F.</i>	Crime and repentance in the philosophy of law of F.M. Dostoevsky. Lecture	167
<i>Klimenko O.A. Mirzoev A.K. Prokofiev K.G.</i>	The concept of state sovereignty in the context of the problem of ensuring the national interests of Russia	176
<i>Ananskikh I.A., Denisov A.M.</i>	Philosophy of law I. Kant as one of the prerequisites of the teachings of Frederick Charles von Savigny.....	185
<i>Ismagilov I.R., Lezhneva O.Yu.</i>	The state as the truth of civil society in the philosophy of law of G,V,F. Hegel.....	191

Information for the authors.....		198
----------------------------------	--	-----

ЧИСЛОВ Александр Иванович,
профессор кафедры кадрового и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции (г. Тюмень, Россия)
E-mail: 944343@gmail.com

АВРУТИН Юрий Ефремович,
профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, полковник полиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

БУЛАВЧИК Владимир Григорьевич,
профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор военных наук, профессор, полковник (г. Санкт-Петербург, Россия)

КЛИШКОВ Владимир Борисович,
начальник кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

ФЕДОРОВ Александр Борисович,
профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, полковник полиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
Заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-лейтенант полиции (г. Москва, Россия)

ПРОФЕССОРУ АЛИЕВУ ЯКУБУ ЛОМАЛИЕВИЧУ – 60 ЛЕТ

Аннотация. Поздравление в связи с 60-летием профессора кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктора юридических наук, профессора Якуба Ломалиевича Алиева. Приводятся основные факты биографии ученого и его научные публикации.

Ключевые слова: Я.Л. Алиев; профессор; ученый; Санкт-Петербургский университет МВД России; корпоративный традиционализм полиции; режим законности.

**AVRUTIN Yu.E.
BULAVCHIK V.G.
KLISHKOV V.B.**

**FEDOROV A.B.
KHABIBULIN A.G.
CHISLOV A.I.**

PROFESSOR ALIYEV YAKUB LOMALIYEVICH – 60 YEARS OLD

Профессоры Я.Л. Алиев и В.П. Сальников со своим учеником, офицером полиции из Монголии Таванжином Габресерелом

Руководители факультета подготовки иностранных специалистов Санкт-Петербургского университета МВД России. 1 ряд слева направо: полковник М.Ф. Гаврильченко; доктор педагогических наук, профессор, генерал-майор Н.Н. Силкин; кандидат педагогических наук, полковник В.А. Шуваев. 2 ряд: генерал-майор полиции А.Ф. Бакуменко; доктор юридических наук, профессор, полковник полиции Я.Л. Алиев; кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции К.М. Сарсенов

The summary. Congratulations in connection with the 60-child professor of the Department of Criminology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor Yakub Lomalievich Aliev. The main facts of the biography of the scientist and his scientific publications are given.

Key words: Ya.L. Aliev; Professor; scientist; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; corporate traditionalism of the police; rule of law.

3 августа 2017 года исполнилось 60 лет со дня рождения известного ученого, профессора кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктора юридических наук, профессора, полковника полиции Алиева Якуба Ломалиевича. Он родился в многодетной семье в городе Есили Казахская ССР, состоящей из 11 детей, сыновья в которой служили и служат в правоохранительных органах и спецслужбах. В 1975 году был признан в армию. Службу проходил в мотострелковом полку в городе Ахалкалаки в Грузии. С 1978 года началась его трудовая деятельность. В 1982 году поступил в Бакинскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР им. Н.К. Ризаева, которую успешно закончил в 1984 году. Службу продолжал на должностях участкового инспектора милиции, оперуполномоченного отдела уголовного розыска в органах внутренних дел Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР, работал прокурором-криминалистом. Зарекомендовал себя грамотным и умелым сотрудником, последовательным и решительным борцом с преступностью. В 1985 году лично задержал особо опасного рецидивиста, получив при этом тяжелое ранение.

Принимал непосредственное участие в борьбе с профессиональной и организованной преступностью на Северном Кавказе, неоднократно внедрялся и оперативно разрабатывал преступные сообщества, участвовал в ликвидации преступных банд. За эффективную оперативную работу награжден правительственными наградами, отдельные из которых вручались офицеру в Мариинском дворце, где ему поручалось выносить знамя Ленинграда.

В трагическую ночь на 21 июня 2004 года, когда был совершен террористический акт в отношении силовиков Ингушетии и погибло более ста сотрудников МВД, прокуратуры, спецслужб, был убит родной младший брат Якуба майор ФСБ России Умар. В последующем Якуб Ломалиевич в его честь назвал своего сына.

Специфика службы, работа с подчиненными требовали дальнейшего продолжения профессионального образования, совершенствования умений и навыков. В 1985 году молодой офицер был направлен на учебу в Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР.

С первых же дней пребывания в училище лейтенант милиции Я.Л. Алиев выделялся среди слушателей факультета активной жизненной позицией, повышенным интересом к учебе, стремлением узнать больше, чем это было предусмотрено программой. В то время его можно было часто застать в библиотеке вуза за чтением монографий и научной периодики. Особое внимание он уделял дисциплинам общеправового и криминологического циклов: теории государства и права, истории государства и права, уголовному праву, уголовному процессу, криминологии, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности. У преподавателей этих учебных дисциплин молодой слушатель выделялся. Именно ему чаще других они поручали выступить с докладами и сообщениями на семинарах и конференциях. К ним Якуб Ломалиевич всегда находил интересный материал, а в ходе выступления выделял проблемные вопросы и доходчиво излагал по ним свою, оригинальную точку зрения, вызывая коллег на дискуссии, используя свой хотя и не очень продолжительный, но богатый и результативный опыт оперативной работы по борьбе с организованной преступностью. Преподаватели, отмечая его успехи в учебе, советовали ему задуматься о научной карьере. Но по окончании учебы он предпочел оперативную работу. Однако, продолжая оставаться на передовых рубежах борьбы с преступностью, Якуб Ломалиевич проявлял интерес и к научным исследованиям. В 1993 году с должности заместителя начальника ОВД г. Назрань МВД Ингушской республики он поступил в адъюнктуру при Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России. В этот период важную роль в судьбе

Я.Л. Алиева сыграл тогдашний заместитель начальника института по научной работе доктор юридических наук, профессор Виктор Петрович Сальников. Именно он стал научным руководителем молодого ученого. Итогом его пребывания в адъюнктуре явилась успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Формы соучастия и отражения их в действующем уголовном законодательстве» [4]. После защиты диссертации Якуб Ломалиевич продолжил службу в институте, но уже на научно-педагогическом поприще. В 2000 году ему было присвоено ученое звание доцента. Служба в институте, преподавательская деятельность давали обширный материал для дальнейшей научной работы, возможность выйти на проблемы общероссийского масштаба. Эта возможность была реализована в 2003 году защитой диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: «Корпоративный традиционализм полиции и режим законности» [1]. К этому времени в активе ученого числилось уже более ста научных работ по актуальным проблемам борьбы с преступностью и укреплению правопорядка. Он пользовался заслуженным авторитетом у курсантов и слушателей, коллег и руководства вуза. В 2006 году Якуб Ломалиевич был удостоен ученого звания «профессор».

В настоящее время Якуб Ломалиевич – профессор кафедры «Криминологии» Санкт-Петербургского Университета МВД России. На протяжении многих лет проводит занятия по дисциплинам: «Криминология», «Правоохранительные органы», «Уголовно-исполнительное право», «Предупреждение преступлений и административных правонарушений ОВД», «Предупреждение коррупции в ОВД и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников ОВД».

Профессор Я.Л. Алиев пользуется заслу-

женным авторитетом у научной общественности. Предметом его исследований являются исторические традиции полиции и их использование в подготовке полицейских кадров России и зарубежных стран [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 24; 25]. Несколько лет он возглавлял факультет подготовки иностранных специалистов университета.

Якуб Ломалиевич активно участвует в международных, общесоюзных и межвузовских научно-практических конференциях, в разработке и реализации программ усиления борьбы с преступностью, в подготовке научно-педагогических кадров. Под его руководством подготовлено 10 кандидатов наук. Член диссертационного совета Д999.125.02 Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Результаты научных исследований Я.Л. Алиева находят свое отражение в соответствующих публикациях [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 26]. Среди них монографии «Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность» [3], «Соблюдение законности в контексте предупреждения преступности сотрудников ОВД» [2]; учебник «Криминология» [28], научно-практическое издание «Криминологический мониторинг состояния преступности и мер ее предупреждения на федеральном и региональном уровне» [23].

Более чем тридцатипятилетний служебный путь полковника полиции Я.Л.Алиева (звание полковника он имеет уже более 20 лет) отмечен многими государственными и ведомственными наградами. Он женат, совместно с супругой Заремой воспитывает сына Умара и дочь Марину.

В свои 60 лет Якуб Ломалиевич полон сил и энергии. Друзья и коллеги, ученики желают ему здоровья и благополучия, дальнейших успехов на ниве служения отечественной юридической науке, реализации всех его творческих планов и замыслов.

Список литературы

1. Алиев Я.Л. Корпоративный традиционализм полиции и режим законности: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2003. – 295 с.
2. Алиев Я.Л. Соблюдение законности в контексте предупреждения преступности сотрудников органов внутренних дел. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – 113 с.
3. Алиев Я.Л. Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 134 с.

4. Алиев Я.Л. Формы соучастия и отражения их в действующем уголовном законодательстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: 1996. – 150 с.
5. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
6. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.
7. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Демократизация и укрепление связи с народом – ведущая традиция в прогрессе полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 37-52.
8. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
9. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Правовая реальность и формирование традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 61-75.
10. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
11. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.
12. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
13. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 7-15.
14. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции, кадры полиции и юридическая наука // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 142-158.
15. Алиев Я.Л., Сальников С.П. Корпоративный традиционализм полиции: прошлое и настоящее (актуальность проблемы) // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 88-96.
16. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
17. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86.
18. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
19. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
20. Алиев Я.Л., Брылева Е.А., Хлусов Т.М. Органы внутренних дел и их функции советского периода: некоторые фрагменты // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 161-173.
21. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
22. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
23. Алиев Я.Л., Клишков В.Б., Пасынков В.В. и др. Криминологический мониторинг состояния преступности и мер по её предупреждению на федеральном и региональном уровне: Методические рекомендации. – СПб.: СПбУ МВД России, 2017. – 132 с.
24. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 165-183.
25. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
26. Алиев Я.Л., Сальников С.П., Султыгов М.М. Недопустимость удвоения ответственности при совершении правонарушения – важнейшая гарантия защиты прав сотрудников полиции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 25-28.
27. Криминология: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». – 4-е издание, переработанное и дополненное / Эриашвили Н.Д., Аминов И.И., Антоян Е.А., Саркисян А.Ж., Алиев Я.Л., Клишков В.Б., Бакрадзе А.А. – М.: Юнити-Дана, 2-16. – 311 с.
28. Органы государственной власти в России. конституционно-правовой аспект: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Политология», «Государственное и муниципальное управление». 4-е издание, переработанное и дополненное / Эриашвили Н.Д., Габричидзе Б.Н., Белоновский В.Н., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Калгина А.А., Прудников А.С., Алиев Я.Л., Маюров Н.П., Кирсанов А.Ю., Газлов Д.В., Галузо В.Н.. – М.: Юнити-Дана, 2016. – 352 с.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

О ДИСКУССИИ, ВЫЗВАННОЙ СТАТЬЕЙ-ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ЛАЗАРЕВА «ПРАВО И РЕВОЛЮЦИЯ»

Аннотация. Приводится обзор дискуссии, ведущейся на страницах журнала, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». Анонсируются новые статьи на данную тему.

Ключевые слова: право; революция; дискуссия; политическая власть; легитимность; правопонимание.

FROM THE EDITORIAL OFFICE

ABOUT THE DISCUSSION CAUSED BY THE ARTICLE-PRESENTATION DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED WORKER OF SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION V.V. LAZAREV "LAW AND REVOLUTION"

The summary. An overview of the discussion on the pages of the magazine caused by the article-presentation of the Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, V.V. Lazarev's "The Right and the Revolution". Announce new articles on this topic.

Key words: law; revolution; discussion; political power; legitimacy; legal understanding.

Во втором номере нашего журнала была опубликована статья-презентация в художественных образах профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [41].

Редакция высказала предложение о том, что статья может вызвать дискуссию по таким вопросам: совместима ли революция с правом; являлась ли «кончина» Российской Империи прогрессивным явлением; Майдан-1917 в Петрограде и Майдан-2014 в Киеве – идентичны ли они; возможно ли право без права и вне права; способны ли женщины в кастрюлях «сварить» право; каковы были причины, задачи, цели... и итоги февральской революции с позиции права; что такое принуждение к праву; все «по праву», но вне закона, и наоборот; ведет ли двоевластие

и двоеправие к беззаконию... и др.

Мы не ошиблись. Уже в очередном, третьем номере, в контексте предложенной дискуссии были опубликованы статьи заведующего кафедрой теории государства и права ведущего юридического вуза России – Московской государственной юридической академии (университета) (МГЮА (У)), доктора юридических наук, профессора А.В. Корнева «Правопонимание в эпоху революций» [35]. Свой взгляд на рассматриваемые вопросы высказал также авторитетный петербургский ученый, доктор юридических наук, профессор Р.Б. Булатов «О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г.» [35].

Редакция получает много предложений для

участия в развернувшейся дискуссии как от отечественных исследователей, так и ученых из зарубежных стран, в том числе из США.

В четвертом номере были предложены три статьи:

- Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада [45];
- Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном [3];
- Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем [16].

Вызвало определенный интерес участие в дискуссии руководителя экспертного центра «Национальная безопасность», доктора юридических наук Николая Дмитриевича Литвинова. Автор подошел к Февральской революции 1917 года в России как к завершающему этапу криминальной политики западных стран по ликвидации легитимной власти в Российской империи. Автор нескольких книг по проблемам терроризма, Н.Д. Литвинов сформулировал в статье, как в общем-то во многих из его книг, выводы, которые вызвали серьезные вопросы, с которыми порой трудно согласиться. Но они высветили под определенным углом те стороны жизни России, которые казалось бы и известны, но слабо изучены. Он, например, полагает, что за деятельностью правящего дома Романовых, начиная со времен Петра Первого, западное общество установило политический контроль. По его мнению, многие негативные события в истории России связаны именно с вмешательством извне в действия правящего дома Романовых. Слишком резко и однобоко он трактует участие России в разделе Речи Посполитой, и т.д.

Что касается Февральской революции, автор подчеркивает юридическую некорректность акта об отречении царя. Государь был вправе отречься от самого себя и передать корону своему сыну, но он не вправе был решать этот вопрос за сына, официального наследника престола по действующему законодательству, и передавать корону брату Михаилу Александровичу. Передача Верховной власти великому князю Михаилу была незаконна, великий князь Михаил не мог отказаться 3 марта 1917 года от власти, так как ею не обладал. Он не вступал в наследование престолом.

По мнению Н.Д. Литвинова, акт, незаконно

подписанный великим князем Михаилом в нарушение Основных Законов, являлся единственным юридическим основанием перехода власти к «законно» созданному Временному правительству. Конституция была упразднена, связь между новой властью и старым порядком – разорвана. Февральский переворот носил негативный характер.

Н.Д. Литвинов весьма критически относится к Государственной думе России до событий 1917 года. Он рассматривает ее как субъекта февральского государственного переворота 1917 года, при этом так оценивает Думу первого созыва: старая Дума оказалась еще более левой и оппозиционной царскому правительству. В ее состав входили более 100 человек из революционно-террористических организаций. В конечном счете Государственная Дума превратилась в скопище этнических группировок, различного рода экстремистских партий, которые враждебно относились к России. Четвертая Государственная Дума, например, в период первой мировой войны проводила ярко выраженную оппозиционную политику, что, конечно, ослабляло национальную безопасность России.

27 февраля 1917 года деятельность Государственной думы Российской Империи была прервана указом императора Николая Второго. Вся дальнейшая ее деятельность противозаконна. По существу ее решение о создании Временного комитета Государственной Думы, а затем и о создании Временного правительства – нелегитимны. Бывшие депутаты, по мнению Н.Д. Литвинова, совершили государственный переворот с захватом государственной власти. Он вносит в диспут проблему дерусификации государственной и политической элиты России.

Совершенно нетрадиционно, и далеко не так, как принято, оценивает Н.Д. Литвинов создание и деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. По его мнению, данное незаконное общественное объединение никак нельзя рассматривать как легитимную власть. Он трактует Петроградский Совет как «незаконную экстремистскую организацию антироссийской направленности». По его мнению, оба органа представляющих с февраля 1917 года в России «двоевластие», являлись нелегитимными проявлениями власти террористических группировок прозападной направленности.

В контексте статьи Н.Д. Литвинова весьма

интересна позиция члена редакционного совета нашего журнала, первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; члена бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации А.И. Александрова. Он, как широко известный, авторитетный специалист в области уголовной и уголовно-процессуальной политики [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 21; 29]. ведет речь о самом главном в этой сфере, затрагивает те вопросы, которые сформулировал в своей презентации профессор В.В. Лазарев. Материал, предлагаемый профессором А.И. Александровым, будирует творческие мысли и позиции современников в интересах обеспечения легитимной и справедливой политической власти в нынешней России.

В дискуссию включилась кандидат юридических наук из Перми Елена Алексеевна Брылева. По ее мнению, к ответам на вопросы, вызываемые статьей профессора В.В. Лазарева «Право и революция», следует подходить, руководствуясь позицией, предложенной профессором В.М. Шафировым, о понимании права. Проанализировав дискуссию о правопонимании, она поддерживает вывод В.М. Шафирова о том, что «Конституция находится над законом и олицетворяет право». Поэтому к ответу на вопросы редакции журнала в развернувшейся дискуссии необходимо подходить через содержание Конституции Российской Федерации.

В пятом номере журнала была предложена позиция известного российского ученого и политического деятеля, одного из авторов ныне действующей Российской Конституции, политика, волей судьбы находившегося в центре политических событий рождения новой России [76; 78], проректора Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, и.о. декана Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Сергея Михайловича Шахрая [77]. Он как бы продолжил мысль Е.А. Брылевой о том, что к ответу на обсуждаемые вопросы следует подходить через смысл

действующей Российской Конституции, на что обращает внимание и профессор В.М. Шафиров [74].

Анализируя различные типы правопонимания, В.М. Шафиров отмечает, что катализатором решения задачи синтеза различных концепций (школ) правопонимания в отечественной теории права стала Конституция России 1993 г. По его мнению, впервые в нашей истории концепция правопонимания была положена в основу и закреплена в Конституции, притом на базе человекоцентристской методологии [73].

С.М. Шахрай предложил подходить комплексно к изучению нашей истории, в том числе и революции, 100-летний юбилей которой грядет. Здесь необходимы совместные усилия политологов, социологов, экономистов, историков, философов, футурологов, и конечно юристов. Ответы на вопросы, сформулированные не только редакцией журнала, но и самой жизнью, по его мнению, очень значимы в первую очередь для элит [30; 42; 44]. Так он четко сформулировал свой подход к проблеме: «Лучше спорная конституция, чем бесспорная революция».

Интересно и справедливо оценил профессор С.М. Шахрай намерения Временного правительства сохранить прежний, основанный на результатах Судебной реформы 1864 г. «юридический быт» России [11; 14; 18; 34; 36; 46; 49; 50; 52; 53; 70; 80; 83]. В то же время он пришел к выводу о том, что Октябрь полностью отказался от старого права, законности, юридических институтов, и за последующую свою 70-летнюю историю не смог сформулировать национальную идею соотношения права и справедливости [23; 25; 27; 72; 81; 82]. Созданная новой властью конституционная, правовая и правоприменительная системы были недостижимы для основ гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Возвращение «домой к праву», к идеалам и идеям судебных уставов 1864 года стало возможным, по мнению С.М. Шахрая, лишь с начала 90-х годов XX века. Уроки недавней истории помогли избежать нашей стране – Союзу ССР – новой революции, гражданской войны и «большой крови» в начале 90-х годов. Общественный энтузиазм и нарастающее напряжение удалось направить не на баррикады, а в конституционное русло: на споры по конституционным проектам и предвыборную борьбу. Это спасло Россию от кровопролития.

Существенный интерес вызывают мысли С.М. Шахрая по поводу легитимации государственной власти, его позиция по поводу отречения от власти императора Николая II совпадает с мнением Н.Д. Литвинова [45]. Действительно, отречение от власти Николая II сразу и за своего сына выглядит «странным» с юридической точки зрения. Прав С.М. Шахрай, когда полагает, что история не дала Учредительному собранию шанс заявить о легитимности новой, постмонархической власти. Прав он и тогда, когда пишет о «минах замедленного действия», олицетворяющих игнорирование требований легитимации любой государственной власти.

Весьма любопытно звучат слова автора и по поводу национальной основы построения федерации. Возможно, эта основа также выступает «миной замедленного действия», способной изнутри взорвать такое сообщество.

Очень благожелательны заключительные мысли С.М. Шахрая. Давно пора вернуть в нашу общую историю всех тех, кого мы забыли.

Доктор юридических наук, профессор В.Б. Малинин из Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина и доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор Ратгерского университета Ю.Г. Фельштинский (Нью-Брансуик, США) посвятили свою статью в пятом номере журнала проблеме денег и революции [48]. Они обосновывают необходимость наличия больших денег для совершения революции, показывают, откуда революционеры брали деньги на организацию революционного движения в России, начиная с 1905 года и до Октября 1917 г. Предлагаемый в статье материал о конкретных фактах «приобретения» денег революционерами порой выглядит тенденциозно и не всегда подкреплен конкретными ссылками на источники, но его нельзя игнорировать как авторскую гипотезу.

С каждым годом все больше и больше «всплывает» фактов некорректного «приобретения» денег на нужды революции из заграничных (враждебных для России) источников, в результате экспроприации имущества у собственников и просто благодаря откровенным уголовным преступлениям, включая убийства. Предлагаемый материал еще раз свидетельствует о том, что эволюционный путь развития общества всегда более предпочтителен, нежели революционный, и задача современной мировой цивилизации

заключается в необходимости предотвращения революционного движения, где бы оно не возникло и от кого бы то не исходило.

В шестом номере журнала предложил извлечь уроки из Февральской революции 1917 г. в России профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацкий [10]. В результате Февральской и Октябрьской революций Россия за столетний свой юбилей пережила, по его мнению, триумф и падение: две мировых войны, две революции, слом вековых устоев, жестокие социальные эксперименты, массовые репрессии, и в то же время – построение нового государства, эпоха великих надежд, невиданного энтузиазма, творческого труда, время выдающихся открытий и достижений промышленности, науки, образования, литературы. Мы бы добавили – в космосе, в энергетике, военно-промышленном комплексе, мировоззрении и сознании людей, всей государственной идеологии [61]. Можно ли сопоставить эти, казалось бы, взаимоисключающие общественные явления?

Ю.В. Аманацкий обращает внимание читателя на то обстоятельство, что к началу второго десятилетия XX века Россия подошла как государство, претендующее на роль сверхдержавы, как лидер по целому ряду показателей общественного, экономического, финансового, демографического и других направлений развития. К 1913 г. она занимала первое место в мире, обогнав США по темпам экономического и промышленного развития. Великобритания, Германия, Франция, Япония и другие страны были далеко позади. Происходило полное перевооружение российской армии и флота. Представитель Санкт-Петербургского университета МВД приводит пророческие слова известного французского экономиста и политического обозревателя, редактора журнала «Экономист Европы» Эдмона Тери, который предупреждал: «Если дела европейской нации будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., – Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Конечно, у России к 1917 году были не только значительные достижения, но и существенные проблемы. О них также в статье идет речь.

Оценивая события февраля-марта 1917 года, Ю.В. Аманацкий приходит к выводу о том, что

они послужили «запалом для смуты, превзошедшей по масштабу потрясений ту, которую наша страна пережила и преодолела тремя веками раньше», т.е. он считает анализируемые события сравнимыми со Смутой 1611-1612 годов.

Если из Смуты XVII века Россия вышла благодаря национальному патриотизму народа, вооруженной инициативой Минина и Пожарского, то в 1917 году судьба страны была повернута в другую сторону иными энтузиастами, преследующими цели не возрождения и развития России, а разжигания костра мировой революции и слома всех национальных государственных механизмов повсеместно в мировом сообществе.

Автор статьи вновь ставит перед собой и нами вопросы:

- 1) Что произошло, как называть происшедшие события, как могло случиться, что такая процветающая страна, какой стала Россия к 1914 году, пала в кровавую бездну саморазрушения?
- 2) Как после всех жертв народ смог воспрянуть и победить сильнейшего врага – фашизм?
- 3) И наконец, а был ли в самом деле у России шанс сохранить стабильность, успешно развиваться и избежать надвигающейся катастрофы?

Ответы на каждый из трех вопросов, безусловно, интересны. Редакция предлагает обратиться на эти вопросы внимание и поговорить.

Ю.В. Аманацкий обращает внимание на то, что 23 и 24 февраля 1917 г. наблюдалось очень активное стачечное движение женщин. На фоне массовых забастовок возникли их протестные демонстрации, вызванные в первую очередь проблемами производства, доставки и продажи черного хлеба для семей рабочих. Бастующие сорвали великолепно организованное производство хлеба на заводе «Айваз», в связи с чем количество забастовщиков моментально увеличилось с 30 до 90 тысяч человек. По данным Охранного отделения, только лишь за один день 23 февраля из-за стачек прекратили работу 50 фабрично-заводских предприятий.

Во второй половине этого дня бастующие присоединили к себе рабочих военных заводов: Патронного, Снарядный цех морского ведомства, Оружейный, завод «По Воздухоплаванию».

Многие женщины оторвались от кухонных кастрюль и включились в активное револю-

ционное движение. Вот почему автор статьи обратился к презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [41, стр. 51] и статье редакции журнала по поводу вопроса о возможности женщин «сварить право в кастрюлях» [51]. Право в кастрюлях они сварить не способны, резюмирует он, а создать опасность для правопорядка, а следовательно, и для права в целом, вполне способны. Что и произошло в февралемарте 1917 года в Петрограде. Редакция соглашается с такой позицией исследователя.

Ю.В. Аманацкий подробно рассказывает о том беспределе, который творился в эти дни на Путиловском заводе, как избивали и калечили полицейских, что творилось в казармах солдат Петроградского гарнизона, как начался военный мятеж и какие жертвы он повлек за собой. Солдаты убивали офицеров, жертвами суда Линча пали сотни полицейских и городских. Он приводит слова очевидца того времени, генерала К.И. Глобачева: «те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни... не поддаются описанию. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально разрывали на части. Некоторых распинали у стен. Некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям... Одного... пристава привязали веревками к кушетке и вместе с ней сожгли живьем».

Исследователь говорит о предательстве интересов империи, монархии, а следовательно, и Отечества, со стороны начальника штаба Ставки генерала М.В. Алексева, а за ним и генералитета армии. При этом он поддерживает позицию, сформулированную ранее в статье участвующего в дискуссии заведующего кафедрой теории государства и права МГЮА(У), профессора А.В. Корнева [35, стр. 29]. Рассуждает о процедуре отречения Императора Николая II от короны и нелегитимности приобретения власти теми, кто к ней пришел, совершив государственный переворот. Здесь он солидаризируется с участвующими в дискуссии доктором юридических наук Н.Д. Литвиновым [45, стр. 29] и проректором МГУ им М.В. Ломоносова, профессором С.М. Шахраем [77, стр. 18].

Читателям интересна и приведенная им оценка февральских событий, сделанная нашим выдающимся соотечественником, очевидцем тех событий, философом И.А. Ильиным: «Крушение монархии было крушением самой России,

– считал великий философ, – отпала тысячетлетняя государственная форма, но водворилась не “российская республика”, как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа, а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, – большое и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель». И.А. Ильин увидел в февральско-мартовских событиях страшные предвидения наших гениальных писателей А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского о бесах и бесовщине, бесчестии и оскудении духа, противопоставленном господстве зла над добром, несправедливости, прикрываемой своим антиподом, над гуманизмом и добротой.

Ю.В. Аманацкий предлагает для обсуждения вывод потомка белых эмигрантов, князя Д.М. Шаховского о том, что рассматриваемые революционные события являются «геноцидом русского народа», который привел к утрате не только элиты, но и самого драгоценного для России того периода сословия, на котором она строилась – русского крестьянства.

Ученый информирует читателей о московской научной конференции, состоявшейся в феврале 2017 года, и тех вопросах, которые там прозвучали.

- февральские события 1917 г. – трагедия для народа, снесение государства как института, легитимной, признанной народом формы организации общества;
- эти события отражали интересы не народа, не общества в целом, а потребности узких социальных групп, крупного капитала и олигархии;
- инициации Февральского переворота вызвали в стране неуправляемый хаос, объективную угрозу российскому суверенитету, которая и была реализована;
- политическая элита тогдашней России не пошла на то, чтобы свои частные интересы подчинить интересам Отечества.

В конечном счете все указанные выводы сводятся к главному: российская политическая элита не смогла, а возможно, не захотела работать на благо страны, решать системные и не такие уж страшные проблемы, которые тогда имелись.

А это привело к подмене диалога резней, кровопролитием, гражданской войной.

Роль и предназначение политических элит нельзя недооценивать [28; 31; 43].

В данном случае идет речь об ответственности элит за судьбу Родины. К сожалению, в те дни столетней давности российская элита не смогла сдержать народ и спасти его от революции, хаоса, трагедии и мучений, как пишет участник дискуссии профессор С.М. Шахрай. Не смогли они весь общественный энтузиазм и нарастающее напряжение направить не на баррикады, а на обсуждение конституционных проблем и на предвыборную борьбу. Необходимо было все это течение направить в конституционное русло [77, стр. 18].

По мнению Ю.В. Аманацкого, в феврале-марте был совершен государственный переворот и началась Красная смута. Плодом Февраля стал Октябрь. Именно Февраль выступил спусковым крючком Русской смуты.

Исследователь анализирует внутренние и внешние причины государственного переворота и приходит к неутешительному выводу.

С горечью надо признать, констатирует он, что революцию сделали не только народ, иностранные агенты, постарались все: государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам бредни о царской семье, генералы и даже монархисты. Получается, заключает Ю.В. Аманацкий, в наших бедах виноваты в первую очередь мы сами. И с этим приходится согласиться.

Февральские события 1917 г. – не стихийное выступление рабочих, а целенаправленная подрывная акция группы лиц, в которую входили военные генералы, руководство заводами, банкиры и политики, во главе с А.Ф. Керенским. Действовала эта группа планомерно, как считает Ю.В. Аманацкий, в интересах американских и западных банкиров, иностранных разведок, стремясь вывести А.Ф. Керенского на первые роли и придать ему образ вождя революции.

Февральский переворот, полагает ученый, устранение державного лица разрушили последнюю преграду, которая оберегала общество от лавинообразного распада и разложения. Февраль спровоцировал великую Русскую смуту.

В стране произошла «дегуманизация

общественного сознания, утрата устойчивых моральных ценностей и ориентиров».

Завершая свои размышления, Ю.В. Аманацкий приводит позицию главного научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук В. Лаврова, прозвучавшую на московской конференции. На вопрос, была ли альтернатива революции 1917 года, он ответил: Альтернативой революциям 1917 года было жесткое подавление Февральской революции. После такого подавления страна оказалась бы в числе победителей в Первой мировой войне, получила бы Константинополь, Босфор и Дарданеллы в соответствии с договорами с Великобританией и Францией, продолжилось бы успешное экономическое развитие России. В целом она стала бы самой мощной военно-экономической державой в мире. Не было бы ни красного террора, ни ГУЛАГа, ни насильственной коллективизации, и, вполне возможно, мощной России удалось бы предотвратить Вторую мировую войну.

Такой ответ историка может вызвать несогласие специалистов; если это так, просим имеющимся мнением поделиться с читателями журнала.

Вместе с тем, с нашей точки зрения бесспорно другое замечание Ю.В. Аманацкого. Он полностью солидарен с автором действующего Основного закона России о том, что пусть будет спорная Конституция, чем бесспорная революция [77, стр. 17]. Весь смысл его статьи – это призыв всех к недопущению новой революции.

Профессор В.И. Крусс в шестом номере журнала предложил нам к событиям столетней давности и последовавшим за этим процессам подойти с позиций изобразительно-поэтического художественного творчества [38]. Дискутируя на разных уровнях восприятия реальности, сегодня многие, в том числе и ученые, переживают анализируемые события, обдумывая, размышляя не только в условиях прозаического восприятия, но и в творческо-художественном воплощении.

В презентации В.И. Крусса совместно с тверскими дизайнерами представлена экспозиция «Кумачовые витражи», проходившая в Центральном выставочном зале города Твери, посвященная столетнему юбилею революционных событий 1917 года и 20-летию Тверских дизайнеров. Инициатором дизайнерского исполнения арт-инсталляции выступила художник-дизайнер

Ольга Котенёва-Пушко, а политико-правовое содержание в поэтической форме подготовил профессор В.И. Крусс. Экспозиция вызвала живой интерес у жителей города Твери и его гостей. Редакция журнала предлагает арт-инсталляцию читателям. Она была инспирирована обсуждаемой в нашем журнале статьей-презентацией профессора В.В. Лазарева «Право и революция».

Арт-инсталляция будирует мысли у тех, кто с ней знакомится, и вызывает определенные вопросы. Ответы на вызываемые вопросы и сами вопросы редакция надеется увидеть на страницах журнала. Более того, мы считаем необходимым представление в журнале со стороны профессора В.И. Крусса не только арт-инсталляции, блестяще «вписанной» в формат витража, с ее политико-правовым содержанием, в представляемом номере, но и в «пакете» с ней соответствующей научной статьи в будущем номере, с соответствующими коннотациями.

Профессору В.И. Круссу с коллегами-дизайнерами в арт-инсталляции удалось не только учесть ситуационный неологизм, вызванный архитектурной конструкцией фронтона Центрального выставочного зала в Твери (три пролета по восемь окон), но и вместить в архитектуру философии текст «Кумачовые витражи», что под силу лишь признанному поэтическому мастеру. Тем более, ситуация требовала «вписывания» не более двух строк в витраж. Получилось яркая по форме и глубокая по содержанию авторская концепция событий столетней давности и последовавшей за ними противоречивой истории нашего Отечества.

Предлагаемой арт-инсталляцией В.И. Крусс как бы солидаризируется с профессором Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацким в том, что события 1917 года повлекли за собой в стране последствия достаточно противоречивые: с одной стороны – отход от закона и права, уничтожение наработанного за прошедшие столетия правового материала, игнорирование достижений правового прогресса и национальной культуры в целом, ее носителей, физическое и нравственное уничтожение отечественной элиты, русской православной церкви, массовые репрессии, ГУЛАГ...; с другой стороны:

И все-таки – надежда,
а не злоба. Колокола.

Невиданный патриотизм и повсеместный массовый героизм по существу всего советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Уходить на закат.
 В Сталинград.
 Превращаться в свечение.
 Русский значит – солдат.
 Ополчение.
 1941-1943.

Победа над фашизмом, восстановление народного хозяйства, покорение космоса, обеспечение атомного паритета с США, создание и сплочение мировой системы социализма, организация Варшавского договора и подъем на неимоверную высоту военно-промышленного комплекса, обеспечение господства государственно-правовой идеологии...

С одной стороны, как показывает в арт-инсталляции профессор В.И. Крусс:

Все, кто не веровал
 в блошек подкованных
 В списках расстрелянных,
 мобилизованных.
 1918-1921

Или:

Лагеря Вы мои, лагеря;
 Завязали глаза кумачом.
 Хорошо бы совсем
 без царя;
 полоснули по жиле
 серпом.
 1937

С другой:

Как это стало возможно?
 Как мы такое смогли?
 Тебе салютует, Боже,
 советская часть Земли.
 1943-1945.

Или:

Надышаться бы впрок!
 Целина как испарина.
 И весенний шнурок
 на ботинке Гагарина.
 1957-1961

А между этими историческими вехами... 1945-1961 гг. опять же не все однозначно. Жизнь без войны, но Колыма и Соловки остались. Освобождение от потерь в военное лихолетье еще не избавляло от зэковского лагеря. Кубанское плодородие. Жизнь колхозного двора (не всегда безоблачная), переполняющая сердца рядовых советских граждан гордость за истинные мировые свершения Курчатова, Королева..., оставление под «американской брюшиной»

острова Свободы – Куба, плач «кузькиной матери» после сказанных слов на трибуне ООН; и в то же время горечь распространенной по всей стране (но на небольшой ее территории, объективно подходящей для этого) кукурузы; лишение декадентов гражданства и оправка их на чужбину; в то же время рубль наш, почти золотой, а «в хоккей мы канадцев порвали», застой в стране и афганские сквозняки...

Сколько много противоречий в нашей жизни! И они не закончились завершением Советской истории. События, начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, не избавили нас от противоречивой жизни. Скоро мы будем отмечать 25-летие действующей Российской Конституции, которая определила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), 200-летие великого русского гения, писателя и философа Федора Михайловича Достоевского, который предупреждал нас еще в XIX веке о Бесах, стремящихся уничтожить мировую цивилизацию и сам мир. К сожалению, они и сегодня еще не извелись, не ушли из нашей жизни. Они орудуют на Украине, в Европе, в Америке, пытаются вызвать повсеместную ненависть к нашей стране и российскому народу, навязать нам свои так называемые западные ценности [12; 13; 17; 19; 20; 24; 54; 56; 58; 59; 60; 62; 63; 64; 65; 66; 67; 68; 71], явно нам не подходящие. Они пробрались кое-куда и внутри Российского государства – на Болотную площадь, девицы из Pussy Right – на амвон главного православного храма России, к Вечному огню, чтобы пожарить на нем шашлык. А сколько их много на площадках СМИ, театров и кино, откуда они поливают грязью нашу российскую действительность и народного Лидера, стремятся развязать новую Смуту, разжечь костер безумных потрясений, ввергнув в пучину бессмысленных испытаний российских людей.

Почему же так происходит? Этот и многие другие вопросы возникают в результате дискуссии, развернувшейся благодаря статье-презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция», которая актуализировала многие материалы, представленные в номерах 3-5 нашего журнала, а теперь и сюжеты, предложенные профессором В.И. Круссом в шестом номере в арт-инсталляции «Кумачовые витражи» и профессором Ю.В. Аманацким в его статье.

В шестом номере нашего журнала, публикуя

арт-инсталляцию В.И. Крусса, редакция высказала пожелание автору дополнительно к творческо-художественному поэтическому восприятию проблемы предложить и свое ее видение в прозаическом понимании. Такова судьба статьи профессора В.И. Крусса и доцента И.А. Крусс, обеспечивающая подход к анализу юбилейных проблем, связанных с крахом Российской Империи, через интеллектуально-нравственные искания двух выдающихся людей России рубежа XIX – XX веков – писателя Л.Н. Толстого и революционера-анархиста М.А. Бакунина. Итогом изучения данных исканий в седьмом номере журнала исследователи предложили собственный вывод о том, что решающей причиной социально-политической катастрофы начала XX века явилась глубинная деформация духовной составляющей правосознания российского народа – его сознательный или безотчетный переход от православия к атеизму, преимущественно вульгарному и воинствующему богоборчеству [39].

Совершенно правы В.И. Крусс и И.А. Крусс, когда формулируют непонимание с позиций здравого смысла, почему в одночасье и легко отреклись от «пафоса верности государству» и Императора не только радикальные революционеры, но и другие общественно-политические силы России. Почему «вдруг» чуть ли не все «государственные, общественные, религиозные институты, весь народ» оказались в состоянии «национального обморока»? Почему великая держава в погоне за «призрачными идеалами свободы» превратилась в структуру, не способную противостоять силам разрушения и зла? Почему в России не нашлось силы, способной противостоять «новой духовности», фактически – уничтожению государственности?

Это те проблемные вопросы, которые поставили ученые из Твери, и на которые предложили свои ответы.

Очень значимые проблемы. О них вели речь и другие участники дискуссии. Профессор С.М. Шахрай говорил об ответственности российской элиты за события столетней давности; профессор Московского государственной юридической академии (университета) им. О.Е. Кутафина А.В. Корнев и профессор Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацкий писали о предательстве армейского генералитета во главе с начальником штаба Ставки М.В. Алексеевым своего Императора

Николая Второго... Предали российского императора, как справедливо указывает доктор юридических наук Н.Д. Литвинов, не только генералы, но и депутаты Государственной Думы.

Участники дискуссии и В.И. Крусс вместе с И.А. Крусс обратили внимание читателей на предупреждения о возможной Смуте в России из уст гениев писателей и философов А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского. Редакция журнала вспомнила о Достоевских Бесах. Об этом же пишет профессор Р.Ф. Исмагилов в недавно вышедшем курсе лекций «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права» [26]. Во вводной статье к данному курсу лекций, подготовленной профессорами В.П. Сальниковым и Д.В. Масленниковым, обращается внимание на исключительную актуальность и прозорливость позиции Ф.М. Достоевского по поводу Бесов и бесовщины. Он, а вслед за ним и Р.Ф. Исмагилов настойчиво призывают нас «уйти от радикализма, от попыток изменить общество и государство насильственным путем, минуя правовые формы, конструктивные дискуссии и современные способы интеллектуальной коммуникации» [57, стр. 16].

Российская политическая элита начала и первых двух десятилетий XX века, генералитет и депутаты Государственной Думы не смогли уйти от революционного всепоглощающего радикализма, перешедшего в гражданскую войну, и ввергшего Россию в ужасную Смуту XX века, от которой пострадали все: элита, генералитет, депутатский корпус, политики, философы, юристы, ученые и практики, простые граждане, само государство и легитимная власть.

О легитимности власти в дискуссии говорят политик-профессор А.И. Александров, автор ныне действующей Конституции профессор С.М. Шахрай, ученые, доктора наук Р.Б. Булатов, А.В. Корнев, Н.Д. Литвинов, профессора В.Б. Малинин из Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина, Ю.Г. Фельштинский из Ратгерского университета (Нью-Брансуик, США), Ю.В. Аманацкий из Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук Е.А. Брылева из Перми, то есть все без исключения участники дискуссии. Не случайно В.И. Крусс и И.А. Крусс этой исключительно значимой, безусловно актуальной и своевременной проблеме тоже уделяют

серьезное внимание. И это понятно. Никто сегодня из доброжелателей России не желает ей революционного пути дальнейшего развития и совершенствования, на котором, как показала 70-летняя история жизни нашей страны, страдают все «независимо от «персональной» вины или заслуг каждого в ими совместно подготовленном и содеянном».

Совершенно понятно обращение исследователей к позиции Патриарха Кирилла, который увидел истоки революции 1917 года за два до нее века. Сразу вспоминается статья участника дискуссии Н.Д. Литвинова «Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада». Именно здесь он доказывает, что начиная со времен Петра I за деятельностью правящего дома Романовых западное общество осуществляло политический контроль, который в конечном счете и привел к смуте 1917 года [45]. Позиция Н.Д. Литвинова, конечно, вызывает много вопросов, но он прав, как и Предстоятель Кирилл, да и чета Крусс, в том, что причины переворота 1917 года необходимо искать не в начале XX века, а в значительно более раннем периоде нашей истории.

Владимир Иванович и Ирина Александровна Крусс обращаются к идейным исканиям лишь двух ярких представителей российской «элиты» и «богемы» того периода, но весьма показательным персонажам: «концептуальному» анархисту М.А. Бакунину и «зеркалу русской революции», великому писателю Л.Н. Толстому. Именно их позиции влекли миллионы людей к утрате веры и духовному «интеллектуальному помрачению» в анализируемый период истории.

Редакция журнала высказала уверенность, что позиция четы Крусс, их философско-правовые размышления еще больше актуализируют дискуссию, предложенную В.В. Лазаревым, а возможно, будируют необходимость исследования роли и других представителей «элиты» и «богемы» в судьбе февральского бунта, октябрьского переворота и «социалистической» революции.

Дискуссию продолжил заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ А.В. Юрковский. Он предложил анализ влияния исторических событий России, ее революционных преобразований, начавшихся в 1917 году, на исторические

судьбы таких государств, как Китайская Народная Республика и Корейская Народно-Демократическая Республика. Автор исследовал различные типы правопонимания китайских и корейских юристов, осветил роль влияния китайских политико-правовых учений на политические преобразования в изучаемых государствах, подверг сомнению легитимность существующей власти и законов. Он провел определенную аналогию между событиями 1917 года в России и 40-х годов XX века на территории материкового Китая и Корейского полуострова в контексте конкуренции различных политических классов в их борьбе за власть.

Доцент А.В. Юрковский обратил внимание на специфику конституционно-правового регулирования в КНР и КНДР, выделил предпосылки юридико-технического оформления «результатов» революции в конституционном праве Китая и Северной Кореи, провел сравнительно-правовое исследование, которое сегодня, с учетом крайних международных событий, весьма актуально [84].

В последующем номере журнала дискуссию продолжают профессор Р.А. Ромашов из Санкт-Петербурга и доцент И.У. Аубакирова из Астаны (Казахстан). Они анализируют советскую практику управления обществом и государством после революции 1917 года.

Роман Анатольевич Ромашов сразу четко определяет характер революции и ее целевую установку. Он пишет: «Октябрьская социалистическая революция 1917 г. началась с вооруженного государственного переворота – события, рассматриваемого как тяжелейшее преступление во всех государствах независимо от формы правления и политического режима. Первоочередными целями революции являлись: уничтожение буржуазного государства, буржуазного права, буржуазного правосудия». И продолжает: «Творцы государства «нового порядка», охваченные воинствующим атеистическим энтузиазмом, постарались вытравить истинный смысл из таких вечных социальных категорий, как мораль, нравственность, зло, добродетель, вложив в них сугубо классовое содержание». Такой подход к установлению правил поведения и деятельности лишил революционное право его этической ауры. Оно перестало быть нравственным, утратило всякую связь с истиной, веками устоявшейся моралью и национальными традициями. Как пишет исследователь, была утрачена нравственная ответственность

судей, которые выносили десятки тысяч смертных приговоров на основании «пролетарского чутья», без достаточной правовой основы, при отсутствии установленного перечня преступлений, даже после принятия первого советского Уголовного кодекса. Не было ограничений ни для мер, ни для сроков наказаний, окончательный приговор выносился и не подлежал обжалованию.

Широко практиковалось внесудебное рассмотрение дел. В частности, при расследовании дела Чрезвычайной комиссией (ЧК) смертные приговоры приводились в исполнение тут же и без всякого суда [37; 47], да и трудовые лагеря в 1919 – 1920 гг. в основном заполнялись не в судебном, а в административном порядке. Хотя практика определения «врагов революции» и принятия к ним мер, как судебная, так и внесудебная, особенно не отличались по своим результатам в этот период [55, стр. 28-29].

В качестве подтверждения позиции профессора Р.А. Ромашова можно привести много примеров. Сошлемся лишь на некоторые. В частности, вспомним профессора С.А. Котляревского (1873-1939) и его коллег, судьба которых описана в статье «Становление политико-правовых концепций С.А. Котляревского», опубликованной в данном журнале. С.А. Котляревский дважды арестовывался, один раз в 1920 году судом Верховного революционного трибунала первоначально был приговорен к расстрелу, потом расстрел заменили пятилетним условным заключением. Второй раз он был арестован в 1938 году, и можно сказать, последующая расправа с ним состоялась без всякого законного настоящего следствия и суда, хотя формально 14 апреля 1939 года С.А. Котляревский был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации.

Прав, конечно, Р.А. Ромашов, когда пишет, что «первые три послереволюционных года были периодом ничем не ограниченного государственного произвола («красного террора»). Другое дело – не только первые годы после революции наблюдался государственный произвол, он продолжался и значительно дольше, об этом свидетельствует пример с профессором С.А. Котляревским.

Да разве только с Котляревским – с многими другими, очень известными и мене известными людьми. Возьмем, в частности, популярного в советское время писателя Льва Шейнина, его

«Записки следователя», которыми в 50-е годы зачитывались многие. Успешный выпускник Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова, следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР, безбедно живший и имеющий шикарную квартиру в центре Москвы и двухэтажную дачу в Серебряном Бору, блиставший в компаниях, как бы мы сейчас сказали, столичной богемы человек в один момент, без каких-либо законных оснований был арестован и обвинен в политическом преступлении. А какая шикарная жизнь до этого: с 20-х годов следователь по особо важным делам, правая рука прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского. В 1936 году в 30-летнем возрасте он уже возглавлял следственный отдел Прокуратуры СССР и руководил им более 20 лет. Имел государственные награды, в том числе орден Ленина, заграничные командировки, даже в годы Великой Отечественной войны. Стал лауреатом Сталинской премии за киносценарий, который написал совместно с братьями Тур, к знаменитому фильму «Встреча на Эльбе». Имел в те годы, редкий случай, в собственности модный автомобиль «Победа», богатый гардероб, знал все дорогие московские рестораны. Он официально участвовал в работе Нюрнбергского трибунала.

В 1949 году Л.Р. Шейнина (1906-1967) освободили от должности без объявления причин, а 19 октября 1951 года арестовали по постановлению, в котором говорилось: «Шейнин изобличается в том, что, будучи антисоветски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во враждебной связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и Советского правительства».

Следствие длилось два года и завершилось только после смерти И.В. Сталина (а возможно, благодаря ей) 21 ноября 1953 года освобождением Л.Р. Шейнина из-под стражи как невиновного [22].

С этих же позиций показательна судьба и другого известного советского писателя Льва Овалова, написавшего несколько интересных книг о борьбе наших контрразведчиков с вражескими шпионами, о чекисте-разведчике майоре Пронине, воспитывающих молодых советских граждан в духе патриотизма, любви к органам

госбезопасности и Советскому государству. Наиболее примечательны в этом плане его книги «Приключения майора Пронина», «Голубой ангел», «Медная пуговица» и «Секретное оружие».

Писатель, отличающийся всегда патриотическими произведениями, имел не безоблачную судьбу. Он родился в 1905 году, в 1918 году вступил в комсомол и возглавил сельскую комсомольскую ячейку. В 1920 году он уже член ВКП(б), а на следующий год – секретарь уездного комитета Российского коммунистического союза молодежи. В 1923 году его направили на учебу в МГУ. Обучаясь на медицинском факультете, Лев Овалов занимался общественными науками, работал заведующим библиотекой, посещал занятия в литературном кружке и публиковал очерки в «Рабочей Москве» и «Крестьянской газете». В 1928 году он возглавляет редакцию журнала «Селькор», и в этом же году выпускает свою первую повесть «Болтовня». В 30-е годы он работает в редакции «Комсомольской правды», возглавляет редакции журналов «Вокруг света» и «Молодая гвардия». В 1939 году, будучи главным редактором журнала «Вокруг света», пишет для своего журнала рассказ «Синие мечи», ставший первым из цикла рассказов о майоре Пронине. В последующем шесть рассказов о разведчике были напечатаны в 1939-1940 годах в журналах «Вокруг света» и «Знамя». Отдельное издание этих рассказов выходит в серии «Библиотечка красноармейца». В 1941 году увидел свет сборник Льва Овалова «Приключения майора Пронина». В том же году журнал «Огонек» публикует роман «Голубой ангел», продолжающий серию о разведчике.

Несмотря на такую блестящую пролетарскую биографию и активную работу в комсомоле и партии, в советских журналах, выступающих рупором коммунистической идеологии, 5 июля 1941 года Шаповалов Лев Сергеевич (псевдоним – Лев Овалов) арестовывается по обвинению в разглашении секретных сведений, осуждается как враг народа и проводит 15 лет в трудовых лагерях и ссылке.

В 1956 году он реабилитируется и возвращается в Москву. Уже со следующего года пишет еще три патриотических романа о майоре Пронине, крайним из которых выступает «Секретное оружие».

Действие романа «Медная пуговица»

происходит в Риге в самом начале войны. Главный герой оказывается втянутым в сложнейшую шпионскую игру. Из всех испытаний ему удается выйти с помощью опытного разведчика майора Пронина.

В романе «Секретное оружие» Пронин появляется уже в звании генерала с огромным оперативным опытом и чутьем и благородной проседью. Он руководит операцией по разоблачению шпионов западной разведки, которые стремятся похитить важное открытие советских ученых.

Каким же нужно обладать чувством любви к Родине, быть патриотом, чтобы после 15-летней ужасной попытки сломать судьбу, уничтожить личность, продолжать воспевать своим творчеством и талантом тот строй, который тебя подверг таким испытаниям! Пожалуй, это свойственно только российскому человеку. Сюда добавим про генерала Куропаткина

Профессор Р.А. Ромашов обращает внимание на то, что большевики отрицали принцип верховенства закона, а следовательно, власть не принимала самого механизма законности как инструмента правового регулирования социально-политических отношений. УК РСФСР 1922 г. был сформулирован так, что преступником могли объявить любого, в том числе и не совершавшего перечисленных в кодексе деяний, если он являлся опасным для существующего строя. В этом случае применялась аналогия закона. Принцип равенства всех перед законом был для революционного права неприемлем. Значимыми для определения виновности или невиновности лица были такие факторы, как социальное происхождение, воспитание, образование, профессия – эти вопросы решали судьбу обвиняемого. Политическая точка зрения правоприменителя господствовала над юридической. Государство отождествлялось с диктатурой властвующего класса.

Позиция, изложенная в статье, как участника дискуссии, полностью созвучна мысли С.М. Шахрая о том, что после революции 1917 года власть полностью отошла от права, законности и системы юридических институтов [77, стр. 17].

Данную идею подтверждает и доцент И.У. Аубакирова. Рассматривая механизм государственного управления советского периода, она подчеркивает, что он на начальном этапе основывался на принципе формальной законности при

фактическом господстве неправовых методов управления, приоритета силы над законом, отрицания прежних демократических ценностей и правовых концепций. Игнорировались разделение и независимость ветвей власти. Власть стремилась вообще, особенно первоначально, обойтись без понятия закона. Искали новые модели государственного управления, создавали ревкомы, ревтрибуналы, чрезвычайные комиссии, которые сосредотачивали у себя обширные полномочия гражданского и военного управления, но не имели четких законодательных основ и границ этих полномочий. При этом власть руководствовалась абстрактной идеей «постепенного отмирания» государства [15, стр. 36-37].

Предложенная в текущем номере статья профессора Р.А. Ромашова навеяла необходимость, для обоснования согласия с его мыслями, рассуждения о судьбе профессора С.А. Котляревского и двух писателей: Л.А. Шейнина и Л. Овалова. Статья же И.У. Аубакировой заставила вспомнить судьбу великого евразийца Л.Н. Гумилева (1912-1992), который провел 14 лет в лагерях. «И не было у него ни озлобленности, ни неприятия всей той страшной для него эпохи, – писал его ученик и коллега профессор С.Б. Лавров, вице-президент Русского географического общества. – А могла бы быть – ведь первую свою диссертацию, как и первую книгу, он «писал» в лагерях, то есть обдумывал концепцию, строил повествование, держа в голове даты, имена, события...» [40, стр. 306].

Между двумя лагерными сроками Льва Николаевича Гумилева пролегла война, фронт, где он как активный участник дошел до Берлина. Лагерь и война не сделали его жестоким, он обладал большой добротой к людям, делился теми знаниями, которые у него были, с желающими, воспитал много достойных учеников. После второго освобождения из лагеря блестяще защитил вторую докторскую диссертацию (к этому времени – уже доктор исторических наук) по географии. Был вызван в Высшую аттестационную комиссию (ВАК). На заседании ВАК ему задали любопытный вопрос: «А Вы кто – историк или географ?». И вторую докторскую степень ему не присудили. Экспертам было невдомек, что уже началась эпоха интеграции наук, и Л.Н. Гумилев был очень хорошим интегрантом, и не только в истории и географии, но и этнографии, востоковедении, психологии и т.д. Ревнителям «чистой» науки трудно было понять этого выдающегося

энциклопедиста.

Лишь с середины 80-х годов опала с Л.Н. Гумилева была снята. За месяц до смерти он произнес запомнившиеся С.Б. Лаврову очень значимые слова: «А все-таки я счастливый человек, я всегда писал то, что хотел, а они (случайные в науке люди – С.Л.) – то, что им велели» [40, стр. 307-308].

И на Котляревском, и на Шейнине, и на Овалове, и на Гумилеве диктатура пролетариата и власть, установленная после революции 1917 года оставила свой неизгладимый отпечаток. А сколько в нашей стране было таких людей? Всех не перечислить. Конечно, за 70 с лишним лет существования этой власти было не только лишь плохое. Были и свершения, и достижения, и результаты. И главный из них – победа народа в Великой Отечественной войне. Именно народа, а не власти. Много положительное делалось народом не благодаря строю и власти, а возможно вопреки, а может быть и нет. В этих годах надо видеть и понимать, в том числе, и положительное тоже. На это ориентируют, об этом и пишут Р.А. Ромашов и И.У. Аубакирова. История есть история, да, она не терпит сослагательного наклонения, но она и не позволяет ее забывать, она обязательно напомнит о себе.

В текущем номере журнала дискуссию продолжают профессора из Санкт-Петербургского университета МВД России Я.Л. Алиев и Ю.В. Аманацкий. Примечательно то, что в этом же номере журнала его редакция и редакционный совет поместили поздравления профессору Я.Л. Алиеву с 60-летием. Свою статью «Столетие большевистской революции 1917 года: мифы и уроки истории» исследователи начинают очень показательными патриотическими словами известного русского философа Ивана Ильина: «Надо изумляться, с какою готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам».

Действительно, сто лет назад, во времена И.А. Ильина, да и сегодня приходится только удивляться справедливости и точности оценки русской революционной интеллигенции того периода со стороны мыслителя.

Под этим углом зрения авторы и рассуждают о революции 1917 года. Они считают, что в феврале-марте 1917 года произошел

государственный переворот. Такая оценка уже звучала в материалах нашей дискуссии. С этого переворота и началась красная смута в России. Исследователи особо подчеркивают, что была именно красная окраска государственного переворота: «революционеры ходили с красными знаменами, у них были на одежде красные банты. С этого момента и покатилося, как считают ученые, «красное колесо» по России. Опираясь на позицию А. Солженицына, они утверждают, что «красное колесо» начало свой путь не в октябре-ноябре, а именно в феврале-марте 1917 года, именно с начала года оно начинало набирать свои ужасные обороты. Смута, бунт, государственный переворот, пишут профессора – вот что произошло тогда. По их мнению, Февраль выступил спусковым крючком русской Смуты. А она уже повлекла за собой все те кошмары, безумие и человеческие жертвы, которые перенесло наше Отечество и весь мир в XX веке.

Именно с «красным колесом» исследователи связывают последовавшие после октября 1917 года ступени скатывания России в бездну: приход к власти красных большевиков и левых эсеров; подписание Брестского мира; гражданская война, террор и голод; концлагеря и безжалостное уничтожение миллионов своих соотечественников.

Это же колесо, считают они, на Западе привело к кошмару нацистской Германии. И наша победа в Великой Отечественной войне и достигнутый Мир – лишь передышка, обеспечиваемая «равновесием страха и взаимных угроз атомной смерти», которая незримо нависает над всеми.

В статье предпринимается попытка понять явление и исследовать категорию «революция», осмыслить уроки прошлых падений в бездну революции, понять их генезис, этимологию и истинную природу. Приходят к выводу о духовно-нравственном кризисе российского общества того периода и разрушительных поступках его элит, об их малодушии, трусости, предательстве и измене.

Как известно, элиты всегда играют важную роль в жизни общества и государства, но ведь эта роль может быть как позитивной, так и негативной [32; 33]. В данном случае речь идет об реакционной значимости элит.

Авторы возвращаются к периоду первой мировой войны, говорят о государственной измене думцев и генералов, членов императорского дома

и высших военачальников, что в конечном счете и привело императора Николая Второго к отречению от власти.

Они анализируют реальное состояние развития России периода первой мировой войны, выясняют, кому было выгодно падение империи в бездну революции и ее поражение в мировой войне. Приходят к интересным, заслуживающим поддержки выводам.

Ученые с горечью констатируют внутренние и внешние причины революции 1917 года, заключают, что ее сделали не только инородцы, иностранные агенты, а постарались все: государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам сплетни о царской семье, генералы и даже монархисты. Они обращают внимание на роковые ошибки правительства, заговоры, предательства, несомненные болезни и деградацию аристократически-дворянской монархии. С удивлением констатируют антимоноархический настрой всего российского общества. В статье приводится, например, лозунг части интеллигенции периода первой мировой войны: «Пусть победят немцы, только бы не Романовы!». Говорят об известных поразительных результатах спонтанных опросов тогдашней профессуры и студентов по поводу террористов – следует ли, скажем, сообщать в полицию о готовящихся террористических актах против чиновников – ответ общий: «Нет». Или, например, на вопрос: кому бы вы подали руку – террористу-убийце или министру – общий ответ: «Террористу».

Вот почему в начале статьи приведены слова Ивана Ильина о безответственности, отсутствии патриотизма и достоинства у русской революционной интеллигенции и предательство ею России западноевропейским экспериментаторам и палачам.

По мнению профессоров Я.Л. Алиева и Ю.В. Аманацкого, император Николай Второй даровал обществу свободы, создал парламент, но при этом не смог сформировать механизм, контролирующий возможные деструкции. Его правительства не смогли преодолеть многих и тяжелых болезней, связанных с несомненной деградацией аристократическо-дворянской монархии.

Николай II одержал победы на фронтах войны,

промышленном и социальном строительстве, однако потерпел сокрушительное поражение в деле консолидации общества, выстраивании созидательных взаимоотношений с элитами и прессой. Он оказался побежденным в области идеологии. Общество жестоко отомстило ему за эти просчеты.

Все это в конечном счете и привело к краху Империи и совершению государственного переворота, а нас заставляет задуматься о необходимости, значимости, важности и сущности государственно-правовой идеологии

Авторы говорят о единстве российского народа, отмечают его особое единение и патриотизм в годы Великой Отечественной войны, нашу победу над фашизмом видят как общую ценность всех народов, проживающих в свое время в Советском Союзе. Они обеспокоены фактами фальсификации роли нашего Отечества и народа в истории войны с фашизмом, искажением

подлинного героизма советских людей в войне. Как и многие другие патриоты России, считают, что благодаря в том числе и подвигу советского народа-победителя возрождается в настоящее время Святая Русь, русский Мир, а наша Отчизна укрепляет сегодня свой государственный суверенитет, медленно, но верно становится ведущей державой современности. Исследователи обращают внимание на гигантские преобразования в нынешней России. Особо выделяют возрождение традиционных духовно-нравственных и религиозных ценностей, национальное самосознание народа, патриотизм, укрепление государственного суверенитета.

Они полагают, что российские люди продолжают носить в сердце опытное ощущение развития духовных ценностей. Завершают статью пушкинскими словами из стихотворения «Бородинская годовщина».

Дискуссия продолжается.

Список литературы

1. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
2. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 3(302). – С. 173-188.
3. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
4. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
6. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 15-24.
8. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 310-319.
9. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
10. Аманацкий Ю.В. Февральская революция 1917 года: уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 23-29.
11. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
12. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное

- состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
13. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
 14. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шагапсов З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
 15. Аубакирова И.У. Революция 1917 года и становление евразийской концепции института государственного управления в России и Казахстане // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 33-45.
 16. Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 45-51.
 17. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь? // Социология. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
 18. Глушаченко С.Б., Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Сальников С.П. Судебная защита прав подданных Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 62-69.
 19. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
 20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
 21. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
 22. Звягинцев А.Г. Лев Романович Шейнин (1906-1967): «Агентом иностранной разведки не был...» // А.Г. Звягинцев. Жизнь и деяния видных российских юристов: Взлеты и падения. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – С. 334-341. – в кн. 384 с. – (Историческая библиотека «ОЛМА-ПРЕСС»).
 23. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
 24. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123
 25. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
 26. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
 27. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
 28. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011. – 48 с.
 29. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию Александрова А.И. «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
 30. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 70-76.
 31. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
 32. Колядин А.М. Политическая элита и национально-государственная идеология // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 178-184.
 33. Колядин А.М. Формирование политической элиты и процесс политического развития // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 42-50.
 34. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914.

- М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
35. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
36. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1994. – 240 с.
37. Красная книга ВЧК. 2 е изд. В 2-х т. – М.: Политиздат, 1989. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 541 с.
38. Крусс В.И. Февраль – Октябрь 1917 года и их шествие по стране до новой России: «Кумачовые витражи» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 30-37.
39. Крусс В.И., Крусс И.А. К генеалогии юбилея радикальной трансформации российской государственности (антропоцентризм и мировоззренческое «наставничество» М.А. Бакунина и Л.Н. Толстого) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 25-41.
40. Лавров С.Б. Завещание великого евразийца // Л.Н. Гумилев. От Руси к России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1994. – С. 301-312. – в кн. 336 с.
41. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
42. Левада Ю.А. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. – 2006. – № 1. – С. 8-13.
43. Левада Ю.А. Элита и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию? – М., 2001.
44. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
45. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
46. Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судостроительства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16.
47. Мельгунов С.П. Красный террор в России. – 1918-1923. – М.: СП «RuiCO», «PS», 1990. – 208 с.
48. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
49. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов: СЮИ, 1999.
50. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
51. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией д.ю.н., проф. В.В. Лазарева «Право и революция» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 27
52. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
53. Рейснер М.А. Право: Наше право; Чужое право; Общее право. – Л.; М.: Госиздат, 1925. – 276 с.
54. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
55. Ромашов Р.А. Революционное право как форма легальной государственной репрессии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 28-32.
56. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
57. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья // Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»). – С. 10-17.
58. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
59. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
60. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.

61. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
62. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
63. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
64. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
65. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
66. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
67. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
68. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
69. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
70. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
71. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
72. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
73. Шафиров В.М. Конституция и правопонимание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 307-318. – в сб. 344 с.
74. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
75. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.
76. Шахрай С.М. Беловежские соглашения: мифы и факты // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4(12). – С. 3-5.
77. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
78. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. *Constitutio incognita*. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
79. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
80. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
81. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
82. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
83. Юристы и революция – pro і contra / Авт.-сост. С.М. Шахрай, К.П. Краковский. – М.: Кучково поле, 2017. – 552 с.
84. Юрковский А.В. Отображение революции в конституционно-правовом регулировании Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. В рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 42-52.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,
профессор кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: yakub@mail.ru

АМАНАЦКИЙ Юрий Валентинович,
профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: yuriy.v.a@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СТОЛЕТИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: МИФЫ И УРОКИ ИСТОРИИ

***Аннотация.** Дается оценка революции, рассматривается реальное состояние развития царской России; причины падения в бездну революции и поражения в Первой Мировой войне, мифы и попытки фальсифицировать и очернить историю России, последствия, уроки и возрождение России.*

***Ключевые слова:** отечественная история; столетие революции 1917 года; вооруженный переворот; мифы; причины; последствия и уроки революции; возрождение России.*

ALIEV Ya.L.
AMANATSKIY Yu.V.

CENTURY OF THE REVOLUTION OF 1917: MYTHS AND LESSONS OF HISTORY

***The summary.** The article provides an assessment of the revolution, the real state of development of tsarist Russia is considered, causes of the fall into the abyss of revolution, causes of defeat in the First World war, myths and attempts to falsify and denigrate the history of Russia, consequences, lessons and revival of Russia.*

***Key words:** National history, the centenary of the 1917 revolution, an armed coup, myths, causes, consequences and lessons of the revolution, revival of Russia.*

«Надо изумляться, с какою готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам»
И.А. Ильин

Сто лет назад в эти дни в нашей стране происходили революционные события. Именно тогда Россия стремительно шла к большевистской революции – на тот момент она была уже

неизбежна, в обстановке всеобщего хаоса, фактического безвластия и военного кризиса. Оценивая события 1917 года и их последствия необходимо отметить, что в феврале-марте 1917 года произошёл государственный переворот. Это было начало красной смуты, именно красной, потому что ходили с красными знаменами, с красными бантами, и покатилося красное колесо. Оно покатилося не в октябре 1917 года, не во время Октябрьской социалистической революции, а реально «красное колесо» – замечательный термин Солженицына – покатилося в феврале, и оно стало набирать обороты. Смута, бунт, государственный переворот – вот что произошло тогда. Плодом Февраля стал Октябрь. Февраль стал спусковым крючком русской Смуты [2].

Именно поэтому все последующие события, которыми маркируются ступени скатывания России в бездну, будь то Октябрьский переворот, когда к власти пришла коалиция крайних – большевиков и левых эсеров; разгон Учредительного Собрания в январе 1918 года; подписание советским правительством 3 марта 1918 года акта о капитуляции под названием Брестского мирного договора, положившего начало полномасштабной гражданской войне, террору и голоду. Затем концлагеря, безжалостное уничтожение миллионов людей, а на Западе ни с чем не сравнимый кошмар нацистской Германии, когда великие культурные народы уступили небывалому коллективному безумию, – говорят сами за себя. Мир, который был достигнут, – и чем дальше, тем это становится очевидней – лишь передышка, достигаемая равновесием страха и взаимных угроз атомной смерти, время от времени нависающей над всеми.

Любить революцию можно только ничего не понимая, что стоит, собственно, за этим словом, и никого не жалея. Или потеряв остатки совести. Или лишившись внутреннего центра тяжести, так что любой порыв ветра несет человека незнамо куда, а через полчаса несет уже обратно.

Слово «революция» впервые появилось в латинском языке IV–V веков, образовавшись из глагола «*revolvere*», означавшего «превращаться», «возвращаться», «откатываться», «отходить назад». В Средние века термин «*revolutio*» стал использоваться европейскими астрономами для обозначения циклического вращения планет и звезд. Именно в таком смысле употреблялся данный термин в знаменитой работе Николая

Коперника «*De revolutionibus orbium coelestium* (О вращениях небесных сфер)», изданной в Нюрнберге в 1543 году. С XV века его начали применять для обозначения круговорота и политических форм. Так, во Флоренции термином «*rivoluzioni*» называли мятежи 1494, 1512 и 1527 года, потому что они, сокрушив существовавшие политические порядки, восстановили те, которые были до них. Во Франции словом «*revolution*» было названо возвращение короля Генриха IV в католичество 25 июля 1593 года. Слово «революция» в русском языке означает «насильственный переворот».

Нам важно осмыслить уроки прошлых падений в бездну революций, понять их генезис, их этиологию, их настоящую природу. Говорят, что история никого ничему не учит. История является лучшей из всех учительниц для разумных учеников, готовых делать выводы, извлекать уроки, как из своей жизни, так и из опыта ушедших поколений. Великий историк Василий Осипович Ключевский, предупреждая и современников, и потомков, говорил: «История – это не учительница, а строгая надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков» [3]. Можно было бы добавить: наказывает целые поколения.

После Французской революции и последовавших за ней глубоких перемен в большинстве государств Запады, в которых на смену абсолютизму пришел конституционализм, где стали популярными республиканские идеи, а затем также и социалистические и коммунистические утопии, в мировоззрении значительной части образованного российского общества произошел сдвиг. Эти новые по тем временам идеологические продукты Запады его увлекли, в то время как правительство по логике вещей не могло следовать этим путем, охраняя те основы государственного строя, которые сложились при Петре Великом под влиянием политического строя старорежимного дореволюционного Запады, оставшегося в прошлом. Таков генезис российской интеллигенции, ориентированной на подражание западным реалиям и либеральным идеям и вошедшей в клинч с властью, которая, охраняя сложившийся государственный строй, тем самым уберегала подданный народ от смуты. Произошел духовно-нравственный кризис Российского общества, что выразилось в конкретных разрушительных действиях российских элит, рабочих,

военных.

Говоря о множестве причин, связанных с кризисом 1917 года, мы никогда не должны забывать, что чисто внешние причины – это всего лишь те, условно говоря, вирусы и бактерии, которые размножились в благоприятных условиях сниженного общественного, политического, социального, духовного иммунитета, – а это снижение иммунитета, в свою очередь, попустили мы сами. Гнусная клевета и слухи поколебали преданность царю и даже доверие к нему значительной части русской общественности. В связи с тем наступившему, искусно вызванному мятежу не было дано должного отпора ни властями, ни обществом. Малодушие, трусость, предательство и измена во всей полноте были проявлены ими. Многие поспешили искать доверия и милостей от преступников, пришедших к власти. «Народ безмолвствовал» сначала, а потом быстро начал пользоваться создавшимися новыми условиями.

По мнению многих историков, произошла Государственная измена во время войны, о чём свидетельствует наличие заговора с участием думцев и генералов, которые ждали лишь отъезда царя из столицы в Ставку, где и планировали совершить дворцовый переворот. Солдатский мятеж было бы легко подавить, если б, на то была воля у генералитета, но он предпочел вступить в сговор с думскими деятелями, затеявшими свержение самодержавия и для этого воспользовавшимися мятежом столичного гарнизона [2].

Своеобразной завязкой исторической трагедии, после чего она приобрела необратимость, стало отречение императора Николая II, к которому он был принужден не волнениями в Петрограде, вылившимися в солдатский бунт, но изменой со стороны лиц, призванных служить ближайшей опорой трона, – членов императорского дома и высших военачальников [2]. Посему государь оказался всецело в руках своих тюремщиков и новой власти, знавшей, что может сделать все, что хочет. История сложилась так, как она сложилось. Важно только еще раз подчеркнуть, что из мартовского принуждения царя к отречению, из измены ближайших царских родственников и слуг с неизбежностью вытекала бедственная революционная смута.

Существует распространенное мнение и миф, что царская Россия была в то время безнадежно отсталой, темной, нищей страной, народы которой угнетал «бездарный и кровавый

монархический режим», и что русская революция, возможно, явилась «освобождением от нежизнеспособного общественного строя с его недостатками». К примеру, в одном из наших современных вузовских учебников по истории России XX века говорится: «Жизнь царской России характеризовалась нищетой, отсталостью, тяжелым гнетом самодержавия, военной разрухой».

Насколько это действительно было так? Каково состояние развития страны? Кому было выгодно падение России в бездну революции? Кому было выгодно поражение России в Первой Мировой войне?

Попытаемся ответить на принципиально важные вопросы, определять ключевые моменты, основываясь не на наших оценочных суждениях, а на источниках – исторических документах, надежных свидетельствах. Все цитаты, которые будут приведены здесь, можно найти в исторических исследованиях, доступных сегодня всем.

Вспомним знаменитые слова, которые очень часто приводят апологеты Иосифа Виссарионовича Сталина: «Сталин принял Россию с сохой и оставил ее с ядерной бомбой». Заявляется, что автор этого высказывания – Уинстон Черчилль. В одном из источников того времени, он охарактеризовал Россию как бурно развивающуюся страну, которая противостояла трем империям – Германской, Австро-Венгерской, Турецкой – и выдержала необычайно сильные удары Первой мировой войны.

«...В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен, и победа беспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна» [14].

В источниках подтверждается, что упомянутая фраза о сохе и бомбе действительно была произнесена, только произнес ее не Уинстон Черчилль, а английский марксист Исаак Дойчер. Мы о нем ничего особенного не знаем, но понятно,

что именно апологет марксизма после смерти Сталина, желая возвысить своего героя, произнес такие слова.

Попытаемся понять, что же представляла собой Россия времен того самого «слабого», «бесхарактерного», «ничтожного» императора Николая II. Давайте обратимся к статистике, цифрам.

За всю историю нашей страны таких темпов роста не было. Российская империя к 1913 году была либо четвертой, либо – по каким-то показателям – пятой экономикой в мире. Нас опережали, и серьезно опережали Соединенные Штаты, Великобритания, Германия. Четвертое-пятое место мы делили с Французской республикой. Британская империя – Индия, Пакистан, Африка, Австралия и так далее – была в то время самой большой в мире по размеру державой. Но, что очень важно, Россия, опережая даже Америку, была первой страной в мире по темпам роста промышленного производства – как сейчас Китай. При таких темпах развития через 20 лет Россия вышла бы намного вперед по отношению к западным странам. Зарубежный журналист и экономист Эдмон Тэри предупреждал: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 года идти так же, как они шли с 1900 по 1912-й, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» [8].

Происходил демографический взрыв и первая перепись населения страны. За время правления Николая II с 1894 по 1917 годы население России выросло на 50 миллионов человек и составило – 170-180 мил. человек. В 1906 году Дмитрий Иванович Менделеев рассчитал, что при таких темпах роста населения в России к концу века, то есть к 2000 году, должно проживать 600 миллионов человек. Никогда за всю нашу историю таких темпов роста не было. О чем говорит подобный феномен? О том, что повышался уровень жизни народа: так рабочий низкой категории получал 130 копеек в день, врач 900 рублей в год, инженер 1000 рублей в год, учитель до 2,5 тыс. в год, профессор до 3,5 тыс. рублей в год. При этом курица стоила 40 копеек, а хлеб 3 коп. Соответственно должны быть на определенном уровне медицина, социальная защита.

Добыча каменного угля в Российской империи за период правления Николая II увеличилась в пять раз. Выплавка чугуна – вчетверо. Меди – в

пять раз. В России добывалось 12 миллионов тонн нефти; для сравнения: в США – 10 миллионов тонн. Производство хлопчатобумажных тканей выросло более чем вдвое, и Россия стала крупнейшим в мире экспортером текстильной продукции. Число рабочих мест за время правления Николая II увеличилось с двух до пяти миллионов.

Перечень открытий русской науки также впечатляет: периодическая таблица Менделеева, лампа накаливания, электросварка, самолет – параллельно с братьями Райт, радио, скафандр, противогаз, автомат, парашют, сейсмограф, телевизор. Русские инженеры создавали корабли, автомобили, танки: первый трамвай, первый автомобиль, первая подводная лодка. Когда в разгар Первой мировой войны России пришлось разместить военные заказы в Америке, туда были командированы тысячи русских инженеров и в течение двух лет они создали военную промышленность Соединенных Штатов. Вот цитата из исследования наших военных историков Барсукова и Яковлева и данных начальника Главного артиллерийского управления русской армии генерала А. А. Маниковского: «Россия выдала заказов США на 1,23 млрд. долларов. До 70% составляли артиллерийские заказы, по которым Россия заплатила 1,8 млрд. золотых рублей. Главным образом за счет русского золота выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба, тогда как до мировой войны американская военная индустрия была лишь в зачаточном состоянии. Тысячи русских инженеров и техников отправились ставить военное производство. Только в американском штате Коннектикут их работало около двух тысяч человек» [5, стр. 622-623].

Теперь к вопросу о пресловутой сохе – сельское хозяйство. Россия была на первом месте в мире по производству зерновых. Валовой сбор зерновых в Российской империи к 1913 году в полтора раза превышал урожаи Аргентины, США и Канады вместе взятых. Средняя урожайность у нас была поменьше, чем, скажем, в США – в среднем восемь центнеров с гектара, а у них десять. Но у нас другая климатическая зона, и если на юге урожаи были высокие, то на севере они были порой ничтожны, а общие показатели складывались вместе.

Страна при Николае II покрылась сетью железных дорог. За его царствование удвоилась

их протяженность, при этом темпы железнодорожного строительства были поистине беспрецедентными. Самая большая в мире Транссибирская магистраль строилась со скоростью 500 километров в год – это в наших болотах и тайге. Для сравнения: немцы строили по заказу турок железную дорогу Стамбул – Багдад со скоростью 120 километров в год; англичане – трансафриканскую дорогу Каир – Кейптаун со скоростью 300 километров в год. В СССР всем известную Байкало-Амурскую магистраль прокладывали со скоростью 200 километров в год, притом, что это было строительство уже с совершенно другими технологиями и с совершенно иными возможностями. В 1917 году был пущен в жизнь незамерзающий порт Романов-на-Мурмане – нынешний Мурманск.

Национальный вопрос. Есть расхожая фраза о том, что царская Россия была тюрьмой народов. Конечно, были эксцессы, были сложные моменты на Кавказе, были осложнения в Польше, которая тогда находилась в составе Российской империи, были еврейские погромы. Но надо понимать, что и все это постепенно преодолевалось. И, например, западные территории – Польша, Финляндия, Прибалтика – жили совсем уж не как в тюрьме, они бурно развивались и были намного богаче коренной России.

Преступность в Российской империи была невысокой – особенно по сравнению с тем, что мы увидели потом [9]. За двадцать два года правления «Николая Кровавого», как называют государя Николая Александровича, было вынесено 4500 смертных приговоров. Это столько, сколько в среднем за полгода выносилось во времена Советского Союза. Причем в царской России, где политический террор был повседневностью, в это число входили и государственные преступники-террористы.

Царскую Россию называют деспотичным, авторитарным государством, но намеренно забывают, что цензура была отменена в Российской империи полностью в 1906 году. В Думе заседали большевики, которые с трибуны вещали: «Наша цель – разрушение существующего государственного строя». Выходило огромное количество газет самого разного толка.

С 1897 года в России, которая в то время была крайне отсталой относительно развитых стран Европы в области здравоохранения, была введена бесплатная медицинская помощь. А к 1917 году

земские больницы и земское движение врачей пережили такой бурный рост, что две трети населения были этой бесплатной медицинской помощью обеспечены. Только 7 процентов населения России лечилось в платных медицинских учреждениях, все остальные – в бесплатных, причем лекарства в Российской империи для всех земских пациентов были бесплатными. Среди земских врачей было много профессиональных, образованных и самоотверженных людей.

Уровень медицинских услуг в таких городах, как Санкт-Петербург, Москва, Киев, Харьков, ничем не отличался, по свидетельствам западных медиков, от уровня Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Вот что пишет швейцарский врач и исследователь медицины Фридрих Эрисман: «Медицинская организация, созданная российским земством, была наибольшим достижением нашей эпохи в области социальной медицины» [18]. Именно в царской России появились всем нам знакомые станции скорой помощи, участковые врачи, больничные листы, родильные дома, женские консультации, молочные кухни.

За время правления Николая II, даже не за полное правление, а с 1896 по 1910 годы, им было открыто школ, училищ, институтов больше, чем за весь предшествующий период российской истории, построен первый кинотеатр. К 1913 году в России было 130 тысяч школ.

Мегапроекты Российской империи были во многом осуществлены большевиками уже в советский период. В частности, план ГОЭЛРО – электрификации всей страны – был задуман и разработан еще в царской России. На столе у императора лежало пять проектов метрополитена. Существовали замыслы строительства Туркестано-Сибирской магистрали, оросительных каналов в Средней Азии, проекты в таких областях, как авиация и подводный флот.

Стоит особо обратить внимание на финансы империи. За время правления Николая II государственный бюджет вырос в 5,5 раз, золотой запас – в 4 раза. Рубль был надежной мировой валютой. К тому же он был золотым, то есть можно было прийти, отдать бумажку и получить золотую монету. Процентная ставка Госбанка не превышала 5%. Это давало возможность развития промышленности и кредитования. При этом доходы казны Российской империи росли без всякого увеличения налогов, то есть за счет тех сборов, которые прежде существовали.

Наши налоги были в четыре раза меньше, чем, например, налоги в Англии. Представляете, каким все это было стимулом, как сейчас говорят, для среднего, мелкого, да и крупного бизнеса.

Историки утверждают, что проблемой России была не отсталость, а напротив, слишком бурный экономический рост.

Важнейшим вопросом в России всегда был вопрос о земле. Мы знаем, что в 1861 году крестьяне были отпущены императором Александром II на свободу. Конечно, проблема помещичьего и крестьянского землевладения после этого долго еще существовала и продолжала оставаться актуальной и по 17-й год. «Земля – крестьянам!» – все мы знаем этот магически действовавший на народ лозунг тех, кто в скором времени отобрал всю земельную собственность у наших крестьян. Так вот, если мы посмотрим предреволюционную статистику и сравним с тем, что было в других странах, то увидим без преувеличения поразительные факты.

Сколько земли к 1917 году принадлежало крестьянам? Есть точные цифры. В европейской части России крестьянам или их общинам принадлежало 68% земель. А от Урала до Сибири крестьянам принадлежали 100% земель. А сравнить с другими странами? И эти цифры тоже имеются. Как вы думаете, сколько земли принадлежало крестьянам, то есть тем, кто эту землю обрабатывал, в такой демократической стране, как Великобритания? Ноль. Вся земля принадлежала ленд-лордам, а крестьяне брали эту землю в аренду.

Но, конечно, все было не так просто. Количество крестьянских семей росло, земли все равно не хватало, механизация была невысокой в сравнении с мировым уровнем. Но опять же – динамика! Она была самой обнадеживающей и позитивной. Сравните ситуацию 1861 года и семнадцатого. Но пошли по известному кондовому пути: все отобрать и поделить. В результате, по подсчетам специалистов, когда большевики конфисковали у помещиков землю и раздали крестьянским хозяйствам, в среднем размер наделов вырос... на полтора процента.

Причины февральской и октябрьской революций, разумеется, были как внутренними, так и внешними – революция как плод иностранного вмешательства. С горечью надо признать, что революцию сделали не только инородцы, иностранные агенты, а постарались все:

государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам сплетни о царской семье, генералы и даже монархисты[2]. Не только роковые ошибки правительства, заговоры, предательства, в целом несомненные болезни деградации аристократическо-дворянской монархии повлияли на события Февральской революции, но главное – полная поддержка общества. Одним из лозунгов части интеллигенции во время Первой мировой войны был: «Пусть победят немцы, только бы не Романовы!». Известны поразительные результаты спонтанных опросов тогдашней профессуры и студентов относительно того, следует ли сообщать в полицию о готовящемся террористическом акте против чиновников: общий ответ – «нет». Или, скажем, на вопрос: кому бы вы подали руку: террористу-убийце или министру, общий ответ: «террористу».

«Надо изумляться, с какою готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам» И.А. Ильин [4].

И вот, от всего своего большого сердца, желая одного блага Отечеству, эти люди в конце концов в октябре передали страну человеку, который четко определил свое к ней отношение: «А на Россию, господа хорошие, мне наплевать». Это ленинская цитата, записанная старым большевиком Георгием Соломоном. Не случайно Мануильский, один из видных большевиков, говорил своему соратнику Солоневичу: «На народ нам наплевать. Мы загоним ему голову между колен».

Вспомним жесткую резолюцию В.И. Ленина в письме в Политбюро от 19 марта 1922 г., которая характеризует его: «Чем больше представителей реакционного духовенства и буржуазии мы при этом сможем уничтожить, тем лучше». Например, другое высказывание «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». А в сборниках, типа «Наш Ильич» имеются рассказы о том, как он не выстрелил на охоте в лисицу: «Очень уж красивая была лиса.

И мне, поэтому не хотелось её убивать. Пусть живёт».

Президент В.В. Путин на встрече с учеными рассказал им о подрывной роли Ленина в российской истории «Управлять течением мыли – это правильно, нужно только, чтобы эта мысль привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то, в конечном итоге, эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. (...) Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была». [1].

К числу врагов России принадлежал главный кровавый правитель Троцкий – демон революции, так же, как и Керенский – ставленник Америки, который писал: «Нужно задать такую кровавую баню русской интеллигенции, чтобы та дошла до полного отупения, озверения и одичания».

Большевики сделали все, чтобы стереть былую Россию, ее дух, религиозную традицию из сознания людей. Общаясь с людьми советской эпохи, кажется, что до СССР и страны-то нашей не было. И вообще все было очень плохо... Отрезанные от духовных корней, религиозных ценностей люди «питались», возрастая, тем, что было, – атеистическими, коммунистическими идеалами, образами и символами времени. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Валерий Николаевич Расторгуев сегодня привел хорошую цитату английского философа Френсиса Бэкона: «Атеизм – это тонкий лед, по которому один человек, может быть, и пройдет, а целый народ рухнет в бездну». Так и произошло.

Россия так же, как и все остальные страны, кроме Германии, вступила в войну в общем-то неподготовленной. У нас свирепствовал снарядный и оружейный голод. Хотя – и это опять возвращение к тому, что представляла собой Российская империя, – к началу войны у России насчитывалось 263 самолета, у Германии было меньше – 232, в Англии еще меньше – 258, во Франции – 156. А к концу войны Николай Александрович организовал такую военную промышленность, которая и не снилась и нашим западным союзникам. В 1917 году у нас уже было 1500 аэропланов. Представляете, что это такое: во время войны перестроить промышленность? Был построен Ковровский военный завод, был заложен будущий ЗИЛ. Происходило полное перевооружение русской армии, планирующее закончиться к 1917 году. Война России

была невыгодна.

Россия потерпела много поражений, понесла много жертв. Но этих жертв было меньше, чем в других воюющих странах: в нашей стране было 11 погибших на 100 мобилизованных, в Англии – 13, в Германии – 15, во Франции – 17. Убитых и раненых в Первую мировую в России было в 60 раз меньше, чем во время Великой Отечественной войны.

Это, впрочем, произошло, но только через несколько месяцев после свержения царя и Главнокомандующего. Этот «бездарный», как кто-то выражается, полководец ничего этого не допустил, хотя воевал с тремя империями и рядом их сателлитов. Как сказал один из историков нашей армии, Петр I за двадцать лет перевооружил русскую армию, а императору Николаю для этого потребовалось всего два года. Перевооружение России было настолько сокрушительным для наших врагов, что даже руководители немецкой армии признавали: при том потенциале, который нарабатан в России, шансов выиграть войну у Германии не остается.

Император сам планировал многие наступления. Это, в частности, и знаменитый Луцкий прорыв, который иногда называют Брусиловским, который практически уничтожил австро-венгерскую армию. Кроме военных побед была одержана поразительная дипломатическая победа: заключен договор, который вошел в историю под названием договора Сайкса – Пико. По этому договору по результатам Первой мировой войны Россия после победы получала Босфор, Дарданеллы и всю северную Турцию, а также коллективный, общий с англичанами, контроль над Палестиной и громадные репарации от агрессора – Германии. Западные страны этого допустить не могли, им выгодно было поражение России.

Дело в том, что уже задолго до февральских событий на западе было принято решение о том, что Николая Александровича Романова надо менять – слишком несговорчив. Это решение было принято и нашими западными партнерами, и немецким Генеральным штабом. Немцы пытались найти пути к сепаратному миру между Германией и Россией (так же, как и в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.). Но Николай Александрович был непоколебим.

Немцы через такую одиозную фигуру, как Александр Парвус, который был первым

покровителем наших большевиков в то время, стали вести антигосударственную пропаганду в Российской империи. Понятно, что им было нужно: разложить страну и армию изнутри. Об этом, не стесняясь, как о главной своей цели говорил Генеральный штаб Второго рейха: «Россия непобедима во внешней войне, единственный путь – разрушить ее изнутри». Они оказались совершенно правы.

Но еще тяжелее было с нашими союзниками. Мы помним, как в 1944–1945 годах что только не делали наши союзники, чтобы оттеснить нас от германских земель, чтобы мы как можно меньше захватили территорий в Европе. И в Первой мировой войне была та же самая ситуация. Англичане прекрасно понимали: сейчас Россия займет главенствующее положение, и 15 миллионов русского войска окажется в Берлине, Вене и Константинополе. Это был страшный сон для всех – и для немцев, и для наших партнеров-союзников. Такого развития событий они допустить не могли.

Революция как плод иностранного вмешательства. Кому было выгодно падение России в бездну революции?

Американский президент Рузвельт, который поделился однажды неким важным выводом, к которому он пришел за долгие годы своей политической жизни. Он сказал: «В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано» [12].

Мы знаем, что Британия организовала Февральскую революцию 1917 года, которую поддерживала Франция и профинансировали США, что В. Ленин был отправлен в Россию и спонсирован для революции кайзером Германии. Генерал А. П. Балк в своих мемуарах описывает английских офицеров, руководивших мятежниками. Но правильнее было бы сказать, что Балк видел людей одетых в английскую форму. Кем они были на самом деле, сказать трудно. Кроме того, многие свидетели указывают на большое количество боевиков, одетых в русскую форму и плохо говоривших порусски. Ещё в 1912 году один из лидеров Бродвейской группы Герман Лёб призывал «посылать в Россию сотни наемников-боевиков» [13].

И таких свидетельств можно привести немало. Недавно во Франции были открыты так называемые «архивы Тома», в них докладывается в своем донесении в Париж сотрудник

французской разведки в Петрограде капитан де Малейси 8 апреля 1917 года: «Видным организатором выступил британский посол сэр Джордж Бьюкенен, верховодивший всем заодно с Гучковым. В дни революции русские агенты на английской службе пачками раздавали рубли солдатам, побуждая их нацепить красные кокарды» [11].

Глава французской военной миссии при царской Ставке генерал Морис Жанен 7 апреля 1917 г. записал в свой дневник, что Февральская революция «руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом». Лорд Мильнер поддерживал тесные связи с Вайсманом, который через английского разведчика Сиднея Рейли был связан с полковником Хаусом и с американскими банкирами.

А вот свидетельства князя Владимира Оболенского: «Гучков вдруг начал меня посвящать во все детали заговора и называть главных его участников. Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него» [6].

Убийство Распутина стоит в одном ряду с другими актами революционного террора. В ночь на 18 декабря 1916 года, которое приходится на 31 декабря по григорианскому календарю, в Петрограде, во дворце князя Ф.Ф. Юсупова, расположенном на Мойке, был убит Г.Е. Распутин. Через два месяца после этого убийства Российская империя прекратила существование. Как стало известно в недавнее время, после рассекречивания документов британских спецслужб, этот смертельный выстрел был сделан офицером королевской армии из Британского посольства капитаном Освальдом Рейнером. Влияние Распутина на государственную политику было мифом, оно колоссально преувеличивалось оппозиционной печатью. Такие факты отражены в книге писателя и ректора Литературного института Алексея Варламова «Григорий Распутин-Новый». Это очень солидное исследование. Распутин был человеком, вполне возможно и неоднозначным, но, несомненно, оболганным. Клевета против него, распространяемая с завидной системностью и в громадных масштабах, была одним из самых действенных инструментов по расшатыванию

государственного строя, дискредитации власти, низвержению престижа императора и императрицы.

Почему в царской семье его принимали? Мы знаем о способностях этого человека останавливать болезнь наследника. Но были и другие факторы, заставляющие серьезно задуматься.

Вот его письмо от 1914 года, написанное накануне войны императору.

«Милый друг, еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много темного и просвету нет. Слез-то море – и меры нет, а крови? Что скажу? Слов нет, неописуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят – и верные, не зная, что ради гибели хотят. Тяжко Божие наказание, когда ум отнят, – тут начало конца. Ты – царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать, так воистину не было больше страдальцы, вся тонет в крови великой, погибель без конца, печаль» [15].

Хотелось бы немного сказать на тему влияния Александры Федоровны, а через нее и Распутина на мужа – «подкаблучника». Сергей Ольденбург обнаружил семнадцать писем царицы, в которых она либо давала советы своему мужу, в том числе во время войны, либо передавала советы «нашего друга», то есть Распутина. Действительно, такие письма и такие советы были. Но ни один из них император в жизнь не претворил, что и было установлено пораженными от такого открытия следователями Чрезвычайной следственной комиссии.

Александра Федоровна была совершенно поразительным человеком в нашей истории. Немка, воспитанная при дворе английской королевы, она стала истинной русской и вобрала в себя лучшие черты всех культур и народов, ее воспитавших. Вкупе с блестящим образованием и недюжинным умом все это сделало ее одной из самых проницательных и мудрых сердцем женщин России. Поражаешься ее письмам, касающимся именно советов мужу. Она предлагала императору закрыть думу до окончания войны, так как там рассадник революции и арестовать Гучкова и Рузского, как главных заговорщиков революции.

Союзники делали всё, чтобы устранить Россию из войны: они не желали видеть Россию победителем и выполнять заключенный договор по результатам Первой мировой войны. Они

хотели использовать ее лишь, как «пушечное мясо», чтобы утомить Германию и подготовить ее поражение от рук союзников – а они бы прикончили Германию и беспрепятственно ее захватили. Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях пишет: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду... Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена» [16, стр. 3-16].

Император Николай II даровал обществу свободы, создал парламент, но при этом не смог создать механизма, контролирующего возможные деструкции. Его правительства не могли преодолеть многих и тяжелейших болезней, связанных с несомненной деградацией аристократическо-дворянской монархии.

Создание нового жизнеспособного государственного механизма в новых условиях, в условиях парламентской жизни было необычайно сложной задачей, и она являлась тем более сложной, что все это было впервые: у России еще не было такого опыта.

Николай Александрович Романов одержал победы на фронтах войны, несомненные победы в промышленном и социальном строительстве, но потерпел сокрушительное поражение в том, что касается консолидации общества, в выстраивании созидательной работы с самыми разнообразными элитами, с прессой, потерпел поражение в области идеологической.

Соединить и развивать самые разные и противоречивые части общества, воодушевить их единой задачей, в конце концов управлять этим обществом в интересах народа и государства – вот этого царское правительство сделать не смогло.

Подходя к завершению, вспомним еще одну мысль В.О. Ключевского: «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» [3].

Как известно, история есть отражение духовной реальности. Разгром фашизма, Победа в Великой Отечественной войне – это второе духовное рождение России. Несмотря на новые разделительные границы и образование новых государств на территории бывшего СССР, сохранился единый народ, объединенный общим

духом, общими ценностями, одна из которых – великая Победа над фашизмом. Этот народ не сосредоточен в пределах одной только Российской Федерации, он рассеян по всему миру, и везде, где есть хоть один представитель этого единого народа, Праздник 9 мая всегда будет оставаться праздником святой и Великой Победы добра над злом.

В последующее время, постепенно уходило фронтовое поколение, которое было наиболее почвенническим – оно пыталось интуитивно совместить с «красной, большевистской идеей» естественное побуждение человека созидать на своей земле, а не уничтожать её ради всемирных абстракций. Благодаря им мы и продержались более сорока лет без войн и потрясений. Но затем возобладали совсем другие силы, наступали другие времена.

Наше общество вновь в 1991 году повторило свои ошибки. Ценностная система и построенная на ней жизнедеятельность человека и общества стали плоскими, поверхностными, без внутренне ценного содержания. Ложные ценности породили ложные цели и ложные пути. На этих несправедливых путях и возникли глобальные потрясения, которые поставили Россию на грань выживания. Наша либеральная интеллигенция, выходя из-под железного занавеса, прорыдала: «Дайте рынок, кока-колу, гедонизм для тела и нарциссизм для души». Вообще-то это не свобода, а рабство плоти и гордыни. Так и не дождавшись обещанного Лениным «отхожего места из золота в назидание меркантильному Западу», она возжелала этого золотого унитаза через «свободу торговли». Вот мы и получили свободу смотреть MTV и ненавидеть собственную страну. Ничего нового придумано ими быть не может.

В последние годы делаются попытки искажения характера Великой Отечественной войны, стремление возложить ответственность на СССР чуть ли не за ее начало «становятся всё более жестокими, злыми, агрессивными» [7, стр. 213]. Из школьных учебников убирается ставшее нежелательным, – как подчеркивал на круглом столе, состоявшемся в Государственном центральном музее современной истории России в марте 2010 года, М.В. Демурин (чрезвычайный и полномочный посланник II класса), – важнейшие положения Великой Отечественной войны. Все попытки сознательно или в результате одностороннего взгляда, порожденного недостаточной

научной квалификацией авторов, переписать и подправить прошлое, внести лепту в искаженную картину Великой Отечественной войны – в конечном итоге бесперспективны, как бы они ни были созвучны той или иной политической конъюнктуре. Конечно, важнейшим условием этого является необходимость преодоления недооценки позиций фальсификаторов, решительной, наступательной борьбы против извращения сущности характера Великой Отечественной войны. Распространенным и продолжающимся прибавляться вымыслам о войне необходимо противопоставить правду истории, основанную на документальных источниках, глубоко раскрывать победы советских войск в грандиозных сражениях на советско-германском фронте.

Мы переживаем удивительное время, когда благодаря подвигу советского народа-победителя возрождается Святая Русь, возрождается русский мир, когда наша Отчизна обретая суверенитет, медленно, но верно становится ведущей державой современности. Все эти святые переживания сосредоточились для большинства людей не в финансовом, не в экономическом отношении, но в духовном и нравственном смысле, в понятии Родина. Русский писатель Иван Сергеевич Шмелев говорил: «Чувство Родины узко, мелко, свое у каждого. Но из этих мельчайших нитей скручена великая пуповина: она вяжет народ в одно. Придет время, и народ свое скажет» [17].

Народ России доверяет своему Президенту и национальному лидеру – Владимиру Владимировичу Путину. Эти огромное доверие, уважение и поддержка своего Президента в деле возрождения и построения современной России. В России последнее время происходят гигантские преобразования. Возрождаются традиционные духовно-нравственные и религиозные ценности, национальное и религиозное самосознание народа, патриотизм, укрепляется государственный суверенитет. Мы продолжаем носить в сердце опытное ощущение Российских духовных ценностей. Наше предчувствие нового возрождения и грядущего величия государства, и Церкви питается тысячелетней отечественной историей. Пора проникнуть к ней патриотически любящим сердцем и умом, умудрённым трагическим опытом революции.

Завершить изложенное хочется словами А.С. Пушкина из стихотворения «Бородинская годовщина»:

Великий день Бородина
Мы братской трезной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?

А чья звезда ее вела!..
Знакомый пир их манит вновь –
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье
[10, с. 354].

Список литературы

1. Путин В.В. О подрывной роли Ленина в российской истории [Электронный ресурс]: Сайт «Интерфакс». – 2016. – 21 января // <http://www.interfax.ru/russia/490856>.
2. Аманацкий Ю.В. Столетие Февральской революции 1917 года: уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6 – С. 23-29.
3. Афоризмы и изречения В.О. Ключевского // URL: <http://www.e-reading.club/chapter>
4. Ильин И.А. О русской интеллигенции // Русский колокол. – 1928. – № 2.
5. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е. – М.: Государственное военное издательство, 1937.
6. Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов // Роль русского генералитета в заговоре против Николая II // <http://nikolai2.ru/rol-russkogo-generaliteta-v-zagovore-protiv-nikolaya-ii.html>
7. Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории. – М., 2010.
8. Общественно-политическое агентство: «Национальный журнал». – 2017 г. // <http://www.nationaljournal.ru/articles/2017-03-15/3371/>
9. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: Мос. ун-т, 1980. – 204 с.
10. Пушкин А.С. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1980. – 814 с.
11. Революция глазами французской военной разведки // Свободная мысль. – 1997. – № 9.
12. Рузвельт Ф. Афоризмы и изречения // <http://www.citati.ru/avtory/ruzvelt-franklin>
13. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция – М.: Русская идея, 1998.
14. Сергей Ольденбург. Царствование Николая II. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 768 с.
15. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. – Берлин: Слово, 1925. – 351 с.
16. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. – М., 1955.
17. Шмелев И.С. Душа родины // Русская газета. – 1924. – 3 марта.
18. Эрисман Ф.Ф. Профессиональный врач // <http://professiya-vrach.ru/article/fedor-fedorovich-erisman-osnovopolozhnik-gigieny/>

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: 21alikh@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ: ЕДИНСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ, ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

***Аннотация.** Рассматривается связь между практической юриспруденцией, теорией и философией права на примере развития концепции правопонимания в советской юридической науке. Отмечается, что цельность права обусловлена единством практической юриспруденции, теории и философии права.*

***Ключевые слова:** право; правопонимание; юридическая наука; философия права; практическая юриспруденция.*

KNABIBULIN A.G.

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF LEGAL UNDERSTANDING: UNITY OF LEGAL PRACTICE, THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

***The summary.** The connection between practical jurisprudence, theory and philosophy of law is considered on the example of the development of the concept of legal understanding in Soviet legal science. It is noted that the integrity of law is conditioned by the unity of practical jurisprudence, theory and philosophy of law.*

***Key words:** law; legal understanding; legal science; philosophy of law; practical jurisprudence.*

Развитие постсоветской юридической науки основывалось главным образом на возвращении к концепциям правопонимания, сформированным в досоветский период, либо на формировании интегрированных подходов к праву. Это обусловлено переходом к принципиально новому общественно-государственному устройству России.

Отправные начала, заложенные в Конституции Российской Федерации 1993 года, определили приоритет прав и свобод человека и гражданина перед интересами общества и государства

[1]. По сути произошел переход от марксистско-ленинской теории права к правопониманию, ориентированному на либеральные, естественно-правовые ценности. Легистский подход в теории права сменился многообразием концепций правопонимания, признающих право высшей ценностью по отношению к обществу и государству [5; 8; 11].

Следует признать, что советская юриспруденция внесла значительный вклад в разработку институционализации права; формирование системы признаков права на основе принципа

формальной определенности; установление прочной взаимосвязи государства и права, их неотъемлемый друг от друга характер.

Несмотря на идеологизацию теории права в советский период достаточно четко выделены свойства права, характеризующие его как основной регулятор общественных отношений, исходящий от государства и обеспеченный его принудительной силой. «Право имеет своей задачей регулировать взаимные отношения людей, живущих в обществе, путем установления правил поведения «юридических норм», поддерживаемых принудительным воздействием со стороны государственной или общественной власти» [4].

Однако развитие советской юридической школы находилось в постоянном противоречивом состоянии. С одной стороны необходимо было обосновать дальнейшее социалистическое развитие права, а с другой – придерживаться основополагающего марксистского положения о конечном развитии права и государства.

Ярким примером противоречивого развития советской юридической науки является формирование концепции «пролетарского права», которая по своей сути противоречила марксистскому прогнозу о частичном (остаточном) буржуазном праве при социализме. Однако многие идеологи данной концепции (П.И. Стучка, М.Ю. Козловский, Н.В. Крыленко и др.) всячески замалчивали это принципиальное обстоятельство и акцентировали внимание на единстве пролетарского классового подхода к праву и государству, присущем марксистской доктрине.

По мнению М.Ю. Козловского появляется «...невиданное нигде право, право не в подлинном его смысле (системы угнетения большинства меньшинством), а право пролетарское, которое все же право, в смысле средства подавления сопротивления меньшинства трудящимися классами» [6, стр. 24].

П.И. Стучка также исходил из классового характера права и определял его как «систему (или порядок) общественных отношений, соответствующий интересам господствующего класса и охраняемой организованной силой» [10, стр. 58].

Идею пролетарского коммунистического права как нового типа права отстаивал Д.И. Курский, обосновывая свою позицию тем, что при советской власти исчезнут «все три

основы института буржуазного права: старое государство, крепостная семья, частная собственность» [7, стр. 12].

Складывающаяся после Октябрьской революции 1917 года административно-командная система советского управления способствовала укреплению позитивного правопонимания в юридической науке. Однако «узконормативная» трактовка низвела право до практической юриспруденции. Это обусловлено тупиком в развитии теоретико-правовой мысли советского периода, невозможностью разрешить дилемму ограниченности развития государства и права и определения дальнейших закономерностей их развития.

Практическую направленность советской юриспруденции подтверждает и то разнообразие документов, изданных в послереволюционные годы. Первыми юридическими нормами «пролетарского права» стали первые декреты большевиков. Основа концепции «пролетарского права» заключается в том, что право есть инструмент поддержания власти господствующего класса (пролетариата, рабочие и беднейшие крестьяне, организованные в коммунистическую партию). Ярким примером правоприменительной практики пролетарского права может служить институт судов (революционных троек). Где суд обладал широкой свободой усмотрений, отсутствием юридически определенных составов преступлений и соответствующих наказаний а также упрощенным судопроизводством. Говоря о «пролетарском праве» нельзя обойти такой значимый нормативный акт, как «Руководящие начала по уголовному праву» принятый в 1919 году. Это был первый уголовный закон нового государства рабочих и крестьян.

Значительный массив документов появился в целях урегулирования судебного управления. «Приказы и распоряжения Наркомюста; протоколы съездов, республиканских совещаний, заседаний и постановлений коллегии наркомата; директивные письма и инструкции; акты и докладные записки о ревизиях местных органов и учреждений юстиции; отчетные доклады и протоколы губернских и уездных съездов работников юстиции; переписка Наркомюста РСФСР с нижестоящими органами юстиции и судами. Среди директивных документов Наркомюста РСФСР особый интерес вызывают циркулярные письма, направляемые на места

и характеризующие его как орган судебного управления: «О перевыборах членов судов и запасных судей краевых, областных, губернских и окружных судов, народных судей и народных заседателей», «О судебной политике губсудов и нарсудов республики», «О карательной практике», «Об участии работников суда и прокуратуры в кампании по перевыборам Советов», «О плановости в работе органов юстиции», «О порядке подбора, распределения, подготовки и учета личного состава органов юстиции», «Об участии судов в работе по ликвидации кулачества как класса» и др.» [2, стр. 41]. Кроме того, власть искала новые модели государственного управления, создавали ревкомы, ревтрибуналы, чрезвычайные комиссии, которые сосредотачивали у себя обширные полномочия гражданского и военного управления, но не имели четких законодательных основ и границ этих полномочий [3].

Вместе с тем история развития правопонимания показывает, что существует неотъемлемая связь между практической юриспруденцией, теорией и философией права.

Так, К.А. Неволин различал естественное право (естественный закон) и позитивное право (положительный закон). Естественный закон представляет собой правовую сущность позитивного закона, а позитивный закон – его форму. Существо закона – это правда, а «существо правды может быть определено только в философии» [9].

Б.Н. Чичерин настаивал, что вытеснение философии права позитивистским направлением правопонимания во II половине XIX в. привело к упадку философии права, которая ранее занимала «выдающееся место в ряду юридических наук» и была «одним из важнейших предметов

преподавания в университетах» [12, стр. 1].

В этой связи Б.Н. Чичерин содействовал возрождению философии права, подчеркивая, что философское основание права должно служить руководящим началом практической деятельности. Смысл философии права, по его мнению, обуславливается тем, что «область права не исчерпывается положительным законодательством» [12, стр. 1].

С точки зрения Б.Н. Чичерина положительные законы изменяются по воле человека в соответствии с его потребностями и взглядами, поэтому законодатель «не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить; для этого нужны иные, высшие соображения. Он не может довольствоваться и указаниями жизненной практики, ибо последняя представляет значительное разнообразие элементов, интересов и требований, которые приходят в столкновение друг с другом и между которыми надобно разобраться. Чтобы определить их относительную силу и достоинство, надобно иметь общие весы и мерило, то есть руководящие начала, а их может дать только философия» [12, стр. 1-2].

Цельность права обусловлена единством практической юриспруденции, теории и философии права, что позволяет создать полноценное представление о праве.

Современная юридическая практика свидетельствует, что иногда принятие политико-правовых решений основывается либо исключительно на сиюминутных потребностях практики без должного теоретического обоснования, либо сводится к умозрительному нормотворчеству и применению правовых норм без учета закономерностей развития практической деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2017.
2. Абдулин Р.С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.): Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2015.
3. Аубакирова И.У. Революция 1917 года и становление евразийской концепции института государственного управления в России и Казахстане // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 33-45.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXIV. Ст. «Право». – СПб., 2003.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте комплексной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.

6. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 1.
7. Курский Д.И. Ближайшие задачи изучения советского права // Советское право. – 1922. – № 1.
8. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 20-29.
9. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. Т. I. – СПб., 1997.
10. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига, 1964.
11. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 30-38.
12. Чичерин Б.Н. Философия права. – М., 1900.

БЕЛОЗЕРОВА Ольга Александровна,
историк-исследователь, независимый консультант, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: oab1991@yahoo.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГЕНЕРАЛ А.Н. КУРОПАТКИН ВО ГЛАВЕ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904 – 1905) И «ДВОЕВЛАСТИЕ» НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

***Аннотация.** Рассматриваются дневниковые записи генерала А.Н. Куропаткина на посту командующего Маньчжурской армии в начальный период русско-японской войны, позволяющие взглянуть под другим углом на многие военные планы и события начала XX века и увидеть, какие дополнительные факторы обусловили ход сухопутных операций в начальный период русско-японской войны.*

***Ключевые слова:** А.Н. Куропаткин; дневниковые записи; Маньчжурская армия; русско-японская война.*

BELOZEROVA O.A.

GENERAL A.N. KUROPATKIN LED THE MANCHURIAN ARMY IN THE INITIAL PERIOD OF THE RUSSO-JAPANESE WAR (1904-1905) AND "DUAL POWER" IN THE THEATER OF OPERATIONS

***The summary.** The diary entries of Gen. AN are considered. Kuropatkina as commander of the Manchurian army in the initial period of the Russo-Japanese war, which allows us to look at a different angle from many military plans and events of the beginning of the 20th century and see what additional factors caused the course of ground operations in the initial period of the Russo-Japanese war.*

***Key words:** A.N. Kuropatkin; diary entries; The Manchu army; Russian-Japanese war.*

Дневниковые записи генерала А.Н. Куропаткина, в сочетании с архивными документами и с другими материалами, позволяют сопоставить факты и проливают дополнительный свет на многие решения генерала, военные планы и события начала XX века. Император и другие государственные лица не раз обращались к записям генерала для более полного ознакомления с фактами и анализа интересующих их вопросов. Дневники А.Н. Куропаткина [13], даже по оценке его критика историка М.Н. Покровского, – «первоклассный исторический источник». Такого же мнения придерживались военный историк и теоретик генерал

А.М. Зайончковский [27, стр. 63-64], генерал П.Н. Симанский и другие. И.В. Лукоянов писал: «Дневники военного министра составляют сейчас более двухсот единиц хранения. Они содержат пространные записи о самых разных событиях, сделанные чаще всего по их горячим следам <...> К сожалению, до сих пор изданы лишь части этого ценного источника. Тем не менее, дневник содержит массу важнейшей информации, которую трудно либо невозможно обнаружить в других источниках... Один из читателей, еще при жизни А.Н. Куропаткина, – П.Н. Симанский – дал выразительную характеристику этому источнику: „Дневник Куропаткина не представляет собой

нечто монолитное, логически и хронологически переходящее из одной тетради в другую. Нет, параллельно главному руслу имеются и второстепенные рукава, сводящиеся к тому, что какое-либо из более крупных событий, в основном дневнике лишь бегло упомянутое, рассказано уже подробно в этих дополнительных тетрадях» [20, стр. 18-19].

Дневники А.Н. Куропаткина – уникальная возможность заглянуть внутрь событий, одним из главных и непосредственных участников которых генерал являлся на ответственных постах в командовании Маньчжурской армией, лучше узнать человека и полководца и увидеть те события с его точки зрения.

Это значимо еще и потому, что в крайнее время заметно увеличилось внимание исследователей к личности генерала А.Н. Куропаткина, появились новые интересные публикации [3; 4; 5; 10; 12; 21; 22; 28; 29; 40].

Взгляды, оценки и позиция самого генерала А.Н. Куропаткина, а также взаимодействие и отношения его (в должности командующего Маньчжурской армией) с главнокомандующим адмиралом Е.И. Алексеевым и в дальнейшем с другими военачальниками, а также то, как это повлияло на ход военных событий, в особенности на первом этапе военных действий, рассматривались исследователями лишь косвенно и преимущественно негативно по отношению к генералу. Это, в определенной степени, объяснялось преобладающим интересом к военно-морским операциям и значительно большей изученностью документов фондов адмирала Е.И. Алексеева, Морского Главного штаба и военно-морских офицеров.

В целях более объективного подхода и оценки деятельности генерала А.Н. Куропаткина в начальный период кампании здесь необходимо остановиться на вышеуказанных вопросах в свете появившихся новых данных. Взгляды главнокомандующего Е.И. Алексеева и командующего А.Н. Куропаткина на положение укрепленного района Порт-Артур и его возможности обороняться были рассмотрены автором в другой работе [2].

С началом Японией военных действий 28 января 1904 г. вышел именней высочайший указ Правительствующему Сенату о назначении адмирала Е.И. Алексеева главнокомандующим, который гласил: «Для объединения действий

военно-сухопутных и морских сил, сосредоточиваемых на Дальнем Востоке, признали мы необходимым предоставить Наместнику Нашему на Дальнем Востоке права, определенные в ст. 17–35 положения о полевом управлении войск в военное время для Главнокомандующего армиями и ст. 21–56 кн. X св. морских постановлений для Главнокомандующего флотом» [14].

Военный министр А.Н. Куропаткин, ссылаясь на неудачный опыт предшествующих войн, принципиально не одобрял решение императора о назначении главнокомандующим адмирала, а не генерала, и докладывал об этом ему. В этой связи А.Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «...будет война, начнется с Японией. Наделаем ошибок. Пошлют меня поправлять дело. Третий опыт постановки во главе сухопутных войск адмирала тоже окажется неудачным (первый был в 1812 г. с Чичаговым и второй в 1854–1855 гг. с Меншиковым)» [13, стр. 191].

Предстояло также назначить командующего Маньчжурской армии. На докладе 27 января А.Н. Куропаткин подал Николаю II список лиц, которые по его мнению могли командовать при подчинении адмиралу Е.И. Алексееву. В списке были указаны: Линевиц (65 лет), Сухомлинов (56 лет), Сахаров (56 лет), Сухотин (57 лет), Бильдерлинг (58 лет), Каульбарс (60 лет), Пузыревский (59 лет), Гродеков (61 лет), Гриппенберг (66 лет), Куропаткин (56 лет) [13, стр. 229, 232]. В конце списка стоял Вел. кн. Николай Николаевич, имя которого было затем зачеркнуто А.Н. Куропаткиным.

Несколько дней спустя последовал опубликованный 8 февраля 1904 г. высочайший рескрипт на имя генерал-адъютанта, генерал-от-инфантерии А.Н. Куропаткина, в котором говорилось: «Зная ваши блестящие дарования и стратегическую подготовку и выдающуюся боевую опытность, Я признаю за благо верить вам ответственное командование Моей армией, действующей в Маньчжурии против японцев, освободив вас для сего от обязанностей военного министра. Да поможет вам Бог успешно совершить возлагаемый Мною на вас тяжелый, с самоотвержением принятый вами, подвиг». Император также выразил военному министру свою глубокую признательность за его «шестилетний просвещенный труд на пользу армии» [16, стр. 4].

Узнав, что император остановил свой выбор

на нем и понимая какая ответственность и труд ложились на него в связи с принятием должности и с переходом в подчинение адмиралу, сложность военно-политической обстановки, создававшуюся «двойственность» в командовании, А.Н. Куропаткин по собственной инициативе отказался от поста военного министра [13, стр. 285], тем самым перейдя в подчинение адмирала Е.И. Алексеева. Накануне своего назначения после доклада у императора, где они обсуждали этот вопрос, А.Н. Куропаткин, приняв решение, 7 февраля 1904 г. записал: «Вернувшись домой, я отправил государю письмо, в котором просил назначить меня командующим армией без прибавления титула военного министра. Писал, что так будет удобнее для Алексеева и проще для государя» [13, стр. 231]. Этот факт в ряде публикаций (частично с подачи С.Ю. Витте), искажался или недостаточно освещался, оставляя в тени поступок, свидетельствующий о понимании генералом своего офицерского долга, а также не раз проявленные им личные качества, такие как воля и самоотверженность в служении отечеству и гражданское мужество.

Адмирал Е.И. Алексеев не желал своего назначения на должность наместника и неоднократно заявлял об этом в своей переписке с императором, с членами группы А.М. Безобразова и в разговорах с военным министром. Адмирал, фактически, не желая того, стал ставленником группы А.М. Безобразова, поскольку его мнения доводились до сведения императора в преломленной, согласно их интересам, интерпретации [15; 39].

Аналогичным образом встретил наместник и свое назначение с началом военных действий главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. Просьбы адмирала об отставке с поста наместника и главнокомандующего имели место с момента его соответствующих назначений до октября 1904 г., когда по решению императора, после Ляоянского сражения, он отошел от дел и передал главнокомандование генералу А.Н. Куропаткину. В результате 40-летней службы и длительного пребывания на Дальнем Востоке адмирал не отличался хорошим здоровьем и не считал себя в должной мере подготовленным к занятию этих должностей, однако, следует отдать ему должное, что «по долгу службы» он был вынужден их принять [39]. У Е.И. Алексеева, помимо этого,

не складывались отношения с рядом его подчиненных, а также были возражения против новых назначений, о чем свидетельствовали обращения адмирала к императору в связи с назначениями генерала Д.И. Субботича, адмирала Н.И. Скрыдлова, и, конечно, генерала А.Н. Куропаткина и других, проследивавшиеся со времени боксерского восстания в Китае (1900–1902), а также переписка с деятелями группы А.М. Безобразова [31].

Для А.Н. Куропаткина, в силу огромной ответственности, решение тоже было трудным. Оценка императором в рескрипте способностей и профессиональных качеств А.Н. Куропаткина не были преувеличены. Многие как в России, так и за рубежом отмечали, наряду с профессионализмом генерала, его феноменальную память, силу воли, аналитический склад ума, работоспособность и эрудицию.

В военных бюллетенях того времени давались самые высокие оценки его деятельности: «Во всех действиях Алексея Николаевича люди, близко стоящие к нему, отмечают одно ценное качество: он быстро вносит в заранее выработанный план изменения, требуемые моментом. Куропаткин не доктринер: „живое дело“ считает он выше теоретических предвзятых взглядов» [16, стр. 6]. В дальнейшем, после Мукденских боев, когда генерала перешел в подчинение генерала Н.П. Линевица, хорошо знавший А.Н. Куропаткина Д.И. Менделеев в интервью высоко оценил понимание генералом своего долга перед родиной и чести солдата [9]. Эти качества также ранее выделялись средствами массовой информации: «Согласно воле Монарха и по собственному побуждению Алексей Николаевич оставил пост военного министра и отправился на войну. Глубоко проникнутый сознанием долга солдата перед отчизной, он не мог сидеть в Петербурге в то время, когда другие сыны России грудью отстаивают честь дорогой отчизны. А.Н. Куропаткин давно предвидел возможность войны с Японией и на всякий случай еще весной прошлого года проехался по Сибири, Маньчжурии, побывал и в Японии. Он знает, куда отправился и с кем придется теперь иметь дело. Алексей Николаевич – опытный боевой генерал [8] ¹. Ему давно, с ранней юности, знакома „гроза военной непогоды“. Жизнь таких людей заслуживает особого внимания» [16, стр. 5].

Из переписки деятелей группы А.М. Безобразова и Е.И. Алексеева в периоды назначения его заместителем и главнокомандующим видно различие в позициях и взглядах и сложность их взаимоотношений накануне и в начальный период русско-японской войны, которые прослеживались со времен подавления боксерского восстания.

Еще в июле и августе 1903 г., в результате образования наместничества на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым, генералу А.Н. Куропаткину пришлось отстаивать права военного министерства и свои как министра. В итоге накануне войны генералу удалось сохранить порядок и структуру управления армией, отстоять права министерства перед наместником и группой А.М. Безобразова и предотвратить возможное начало военных действий со стороны России. На серьезность положения в высшем командовании в 1903 г. указывало, в частности, то, что во время поездки военного министра на Дальний Восток и посольства в Японию и без его ведома секретные военные стратегические планы оказались в руках статского советника А.М. Безобразова, и генерал после очередного выяснения обстоятельств был вынужден вызвать его на дуэль. Вопрос об управлении Дальним Востоком и наместничества необходимо было решать, но такая реорганизация и форма ее проведения, отразившиеся столь серьезно на военном министерстве и МИД, накануне войны явились результатом лоббирования и были не своевременными.

Хвалебные отзывы о деятельности наместника имели место. Так, егермейстер И.П. Балашев, один из активных деятелей группы А.М. Безобразова, в своей докладной записке адмиралу относительно Маньчжурии от 5 ноября 1903 г., подчеркнув, что государю «благоугодно было сосредоточить все части управления на Дальнем Востоке в руках Своего Наместника», отметил «энергичное направление», данное Е.И. Алексеевым политике на Дальнем Востоке, выразившееся «так ярко» в двух важных мероприятиях: в прекращении переговоров с Китаем ранее срока 25 сентября 1903 г. и в занятии затем 16 октября русскими войсками Мукдена, древней столицы Китая. Он писал: «Этим Вы показали всему миру, что впредь, в направлении русской политики на Дальнем Востоке, не будет происходить более прежних колебаний и нерешительности; что мы отныне

признаем Маньчжурию принадлежащей исключительно нам одним, и не допустим вмешательства в ее дела какой бы то ни было иностранной державы», при этом И.П. Балашев не забыл отметить и «умеренную, но внушительную морскую демонстрацию», проведенную адмиралом в те дни [35].

В отношении перечисленных действий А.Н. Куропаткин занимал противоположную позицию, считая, что ни Маньчжурия, ни Корея «не стоили войны». По мнению Куропаткина, институт наместничества несомненно повлиял на предвоенный ход событий, особенно если учесть, что наместник был воинственно настроен по отношению к Японии и не отличался талантом в ведении дипломатических дел. Для военного ведомства положение складывалось чрезвычайно серьезно: при незавершенных реформах и намеченных мероприятиях, недостаточном финансировании² [19; 32] и отсутствии финансового плана на случай войны [13, стр. 222] появлялась вероятность военных действий на два фронта и угроза потери владений на Дальнем Востоке.

В результате, в связи с этими двумя назначениями военачальников, в командовании Маньчжурской армией образовалась «двойственность». Перед отъездом в армию, готовясь в путь, 25 февраля 1904 г. в своем дневнике А.Н. Куропаткин записал по пунктам: «8). Государь подписал мне рескрипт, в котором указано, что государь доверяет мне пользование в полной мере правами, предоставленными положением об управлении войск в военное время командующему армией. Что в направлении военных действий я действую самостоятельно, руководясь общими указаниями наместника. 9). Государь приказал мне жить с наместником дружно и хорошо» [13, стр. 242-243]. Однако пункт 5) этой записи, как и другие записи генерала в те дни, свидетельствовали о напряженности положения, особенно в высшем морском командовании накануне и в начале войны: «Его Величество обещал, если возникнет со стороны наместника то или другое нареkanie на меня, ранее решения затребовать мое объяснение» [13, стр. 242].

От совместной работы с Е.И. Алексеева многие не безосновательно воздерживались. Ряд офицеров высшего морского командования отказывались идти в подчинение Е.И. Алексееву. Так, адмирал Ф.К. Авелан в беседе с генералом 24

января 1904 г. сообщал ему, что силы России, по его мнению, были достаточными, чтобы атаковать японский флот, и что русский флот технически и по составу сильнее, однако Ф.К. Авелан выражал сомнение в способности адмирала О.В. Старка вести самостоятельно «такую огромную морскую операцию», считая, что он «исполнителен и знает дело, но лишен инициативы», а также, что было бы желательно, чтобы бы Е.И. Алексеев «сам повел флот». На вопрос А.Н. Куропаткина, почему же, имея таких адмиралов, как Н.И. Скрыдлов, А.А. Бирилев, З.П. Рожественский, О.С. Макаров, Ф.В. Дубасов, вверяют почти весь флот «неспособному» О.В. Старку, управляющий морским ведомством ответил, что личный состав командования флотом определял Е.И. Алексеев, что сам он «просил Бирилева, но Бирилев отказался из-за характера Алексеева: „По долгу присяги, – говорил он, – заверяю, что через два месяца я вынужден буду уехать“. По тем же причинам не могут ехать Рожественский и Дубасов» [13, стр. 224-225].

С.Ю. Витте признавал, что общественное мнение было за А.Н. Куропаткина, и считал, что от генерала зависело «привести Алексеева к молчанию, если он будет мешать», а также что адмиралу «при возвращении придется объехать Петербург, иначе его освищут» [13, стр. 222, 242].

Сложность создававшегося «двоевластия» на театре военных действий (ТВД) была очевидна как А.Н. Куропаткину, так и Е.И. Алексееву и в Петербурге. В связи с этим необходимо несколько подробнее остановиться на планах ведения войны, на расхождениях во взглядах на роль морского флота, на конкретных действиях командующего Маньчжурской армией и его оценке положения дел, а также на факторах, обусловивших ход сухопутных операций в начальный период войны.

На случай разрыва с Японией Главный штаб начал работать над планами еще с японско-китайской войны (1894 – 1895), а в последствии совместно со штабами Приамурского военного округа и Квантунской области. После боксерского восстания по представлению военного министра 14 августа 1901 г. императором были одобрены «Общие основания для действий против Японии» [33]. После поездки в Японию и на Дальний Восток в 1903 г. генерал верно оценивал японскую армию и ее способность вести войну. По инициативе А.Н. Куропаткина планы на случай

войны с Японией регулярно подвергались корректировке, что доказывает необоснованность критики генерала в этом отношении.

На заседаниях по военным вопросам под председательством генерала в июне 1903 г. в Порт-Артуре, в связи с переходом на «новый курс» в дальневосточной политике, было принято решение о подготовке рубежа обороны по линии Ляоян – Мукден [18, стр. 235]. Это было в соответствии с вышеуказанными «Общими основаниями», предписывающими, что в первый период войны необходимо было «действовать оборонительно».

С образованием наместничества на Дальнем Востоке разработка планов на случай войны с Японией перешла в ведение наместника и его штаба. Адмиралу Е.И. Алексееву 5 ноября 1903 г. за № 241 был представлен доклад, подписанный генерал-майором В.Е. Флугом, «План стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией» [34, л. 1–26 об] (подготовленный без консультации с военным министром и текст которого он получил значительно позже), представленный также императору. На его подлиннике, генералом А.Н. Куропаткиным было отмечено: «Его Величество изволил читать», и поставлена дата 10 января 1904 г. В конце этого плана давалась оценка действий неприятеля в отношении Порт-Артура, приводились цифры по сосредоточению войск по районам, а также отмечалось, что поскольку у Ляояна-Хайчена силы с каждым днем усиливались, «для японцев будет большим риском направить от Ялу главный удар на Порт-Артур, ограничившись против Ляояна заслоном. Они должны будут поставить себе главной целью нашу полевую армию, почему мы для обороны Порт-Артура в то время можем ограничиться его крепостным гарнизоном» [34, л. 25]. Рекомендации военного министра на совещании в Порт-Артуре в июне 1903 г. не были учтены штабом Е.И. Алексеева.

Только 12 февраля 1904 г. [13, стр. 233] последовала докладная записка от генерала А.Н. Куропаткина адмиралу Е.И. Алексееву об утверждении этого плана при условии, в частности, объединения 2-х армий в единую Маньчжурскую армию. Исходя из сложных взаимоотношений и расхождений во мнениях в высшем командовании, трудно представить, какими могли бы быть ближайшие последствия,

если бы план Е.И. Алексеева был реализован в том виде, в каком он был составлен. На это указывают также те осложнения в высшем командовании (например, связанные с генералами О-Ф. К. Гриппенбергом, А. В. Каульбарсом, В. В. Сахаровым), которые произошли после реорганизации Маньчжурской армии в три армии по настоянию Е.И. Алексеева из Санкт-Петербурга после Ляоянского сражения осенью 1904 г.

В последние дни на посту министра, а также по назначении командующим и сразу по прибытии в армию генерал в переписке, заблаговременно подчеркивая роль флота, стремился донести до сведения и обсудить со временно назначенным командующим Маньчжурской армией генералом Н.П. Линевичем и с адмиралом Е.И. Алексеевым свои последние соображения в связи с подготовкой к военным действиям на суше и, в частности, по просьбе генерала Н.П. Линевича, во Владивостокском районе [35]. Генерал также обращался с военными записками к назначенному 29 января 1904 г. генерал-квартирмейстеру полевого штаба заместника на Дальнем Востоке генералу В.Е. Флугу в связи с возможным и рассматриваемым в то время главнокомандующим вариантом нападения японцев на Владивосток [35].

Когда Н.П. Линевич запросил соображения командующего по подготовке к действиям во Владивостокском районе [36, л. 3–10об.], генерал в своем ответе, преследуя поставленную цель одержать победу над неприятелем и рассмотрев в стратегическом отношении как оборонительные, так и наступательные действия, отмечал, что силы для наступления со стороны Владивостока в Корею полностью зависели от результата борьбы русского и японского флотов: «Только после приобретения господства в Японском море, мы можем с успехом выполнить сложную операцию вторжения в пределы Кореи со стороны Владивостока корпусом войск, например, силою в 50–60 тыс. человек, для содействия этим корпусом операциям Маньчжурской армии против японцев, обороняющих линию Пенъян-Генсан» [36, л. 7], а также для обеспечения движения береговой дорогой на протяжении 600 верст. Командующий армией продолжал работать над стратегическими планами, рассматривать возможные риски и преследовать конечную цель полного поражения противника, поскольку направление действий японцев и места высадки

были неизвестны.

Характерно то, какой акцент в своих замечаниях сделал в связи с этим вопросом генерала Н.П. Линевича из штаба заместника генерал-майор В.Е. Флуг, свидетельствующий о чрезвычайной серьезности положения и незнании основного направления удара противника: «8) Разорение Южно-Уссурийского края хотя и нежелательно, но избежать его нельзя, если японцы направят несколько дивизий в этот край. Едва ли, однако, овладение им окупит для японцев крайне невыгодное стратегическое положение <...> В 1812 году, для спасения армии мы пожертвовали коренными областями Империи и сердцем России – Москвой. Желать все прикрыть значит ничего не прикрыть. В китайское население смута будет внесена гораздо скорее при занятии японцами Южной Маньчжурии нежели Южно-Уссурийского края или части Северной Маньчжурии» [36, л. 12]. В.Е. Флуг предложил Н.П. Линевичу действовать в рамках его собственной власти и действующих положений.

Мнения Н.П. Линевича по сосредоточению войск и обороне Порт-Артура представлены в протоколах особых совещаний в Ляояне 9 февраля и 19 февраля 1904 г. [38, л. 1] под председательством заместника Е.И. Алексеева. На тот момент Н.П. Линевич не видел причин отступить от общих оснований прежнего утвержденного плана, на что возражений присутствующих не последовало.

На особом совещании 19 февраля 1904 г. [38, л. 4-6об.] по вопросу о достаточности сил для обороны Порт-Артура, за исключением генерала Н.П. Линевича, участники с соответствующей оговоркой признали, что сил было достаточно. Также обсуждалось исполнение других указаний, полученных в телеграмме от временно управляющего Военным министерством генерал-адъютанта В.В. Сахарова от 15 февраля за № 1043 [38, л. 7-7об.], в которой, в первую очередь, внимание обращалось на важность сосредоточения армии, а также подчеркивалось, что первостепенной целью в первый период ставилось «удержание в своей власти» КВЖД, в случае потери которой прерывалась связь Российской империи с Приамурским округом и войсками, обороняющими Приморскую область. Второй по важности задачей было «назначение достаточных по условиям обстановки сил» для обороны Порт-Артура, так как с удержанием

Россией этой крепости была связана судьба находящейся там эскадры; обсуждались также силы, необходимые для обороны крепости Владивосток [38, л. 7-7об.], – все свидетельствовало о сложившемся опасном положении на Дальнем Востоке.

Через три недели после назначения, 28 февраля 1904 г., передав дела, генерал А.Н. Куропаткин выехал из Петербурга в армию, и 15 марта 1904 г. прибыл в Ляоян в подчинение главнокомандующему. Спустя несколько дней в дневнике А.Н. Куропаткина появилась запись, говорящая о его незаурядной энергии и выносливости: «25 марта. Страстная неделя. Четверг. Благовещение. В этот день, когда птицы, по народному поверью, не выют гнезда, я продолжал объезд армии. Сделал до 28–30 верст верхом» [13, стр. 257]. Подобные записи появлялись на протяжении всей войны и опровергают критику действий генерала в этой связи. Так, в середине апреля А.Н. Куропаткин лично объезжал и выбирал места для расположения ожидаемых подкреплений и осматривал позиции у Инкоу, Ляояна, Айсандзяна, Шахе и др., по опыту зная, что проверки были необходимы и оправдывали себя.

В этом отношении японская армия имела преимущество в результате недавней японско-китайской войне (1894–1895). Офицерам и солдатам японской армии хорошо был известен ТВД. Тогда, победив китайскую армию в устье р. Ялу, они за несколько часов заняли Порт-Артур. Синтоистская религия и военная пропаганда играли свою роль, а патриотизм и решимость японцев преодолеть все и вновь завладеть Порт-Артуром была такова, что при осаде крепости в русско-японскую войну они не останавливались ни перед чем. Однако масштабы русско-японской войны по тем временам были невиданными: по фронту вдоль железной дороги от Мукдена до Сеньючена было 200 верст, а в глубину от нее до Ялу и Анчжу 300 верст; сражения длились неделями. Опасность того, что японцы могли завладеть путями сообщений была велика, и это в большой степени сказывалось на принятии высшим командованием решений.

В.А. Панов, во время русско-японской кампании бывший городским головой г. Владивостока, во владивостокской газете «Дальний Восток» публиковал свои статьи и, в частности, писал, что в русско-японскую войну генерал А.Н. Куропаткин не мог оторваться от

железной дороги, постоянно ставя ее защиту на первый план: «Русский Дальний оказался великолепным японским „ломом“, при помощи которого был свергнут со своего основания русский же Порт-Артур. Южно-маньчжурская дорога послужила прекрасным подспорьем японскому наступлению на русскую армию в Маньчжурии; благодаря ей генерал Куропаткин ни разу не мог отступить настолько, чтобы спокойно сосредоточить свои войска, оставив между собой и неприятелем достаточное расстояние <...> Но генералу Куропаткину пришлось выступить уже тогда, когда „факт свершился“ и оставалось считаться с его следствиями, а граф Витте был непосредственным творцом самого факта и всех его логических следствий. В этом огромная разница» [24].

А.Н. Куропаткин не раз отмечал, что Е.И. Алексеев при анализе военного положения был склонен весьма оптимистично рассчитывать на наиболее благоприятный сценарий, в то время как сам командующий Маньчжурской армией, учитывая сопряженные риски, в своем анализе отталкивался от возможного наихудшего варианта, так как часто приходилось, по его словам, принимать решения «в темную» без достаточных знаний о противнике. Для русской армии горная пересеченная местность, сезоны дождей, разливы рек, непроходимые дороги, заросли гаоляна, невыносимая жара или резкое понижение температуры усугубляли изначально неблагоприятные условия сосредоточения и также влияли на принятие командованием решений. «На юге Маньчжурии льют тропические дожди, огромной силы. Так, например, с 14 по 18 июня четвертого года шли дожди, которые совершенно залили биваки; были человеческие жертвы; колесное движение вовсе прекратилось» [43, стр. 34]. Требовалось время, чтобы войска и командование адаптировались к трудным климатическим и географическим условиям, вдали от основной базы, к непривычным для русской армии условиям ведения военных действий в незнакомой и недостаточно изученной местности с враждебно настроенным населением и «энергичным» противником, вооруженным по последнему слову техники.

По прибытии в армию командующий установил, что сосредоточение в целом проходило не вполне успешно. Приняв командование, он в соответствии с Высочайше одобренным планом, разработанным штабом наместника от 5 ноября

1903 г., целенаправленно приступил к сосредоточению и созданию укрепленных районов.

При передаче командования Н.П. Линевиц направил генералу и адмиралу 15 марта за № 1472 памятную записку «Положение дел в Маньчжурской армии», в которой сообщал, что на пункте сосредоточения находилось: «78 эскадронов и сотен 39, орудий 144», которые были разбиты на Южный отряд, Восточный авангард, Конный отряд, Партизанский отряд, Главные силы, расположенные в двух группах: одна в Айсаньцзяне и другая в Ляояне, силы Порт-Артура, а также были изложены планы дальнейших военных действий. В частности, генерал писал, что «мы настолько сильны у Ляояна, что о нашем отступлении более не может быть речи» [37, л. 20]. В результате предпочтительным решением, к которому склонялся Н.П. Линевиц, было: «пропустить японскую армию через Ялу к нашей железной дороге, атаковать ее у нашей железной дороги, не дав им сильно укрепиться», то есть «пропустить японцев к Хайчену, нам, тем временем, вполне сосредоточиться и только после сего атаковать их где-либо у названного пункта» [37, л. 21].

Однако три месяца спустя, как видно из шифрованной депеши командующего за № 5892 от 20 июня 1904 г. из Ташичао, что А.Н. Куропаткин не разделял мнения Н.П. Линевица и что, благодаря принятым им мерами, на Хайченском направлении было сосредоточено 45 батальонов, с которыми командующий мог встретить удар главных сил армии генерала Куроки или «атаковать японцев, если бы они, перейдя к обороне, приняли бой на занятых позициях», а также, как показала рекогносцировка 16 июня, что «опасность прорыва японцев на Хайченском направлении была временно устранена» [37, л. 48-48об.]. Это был необходимый небольшой выигрыш во времени для продолжения сосредоточения сил. При этом на тот момент на еще более важном Ляоянском направлении еще не было выяснено, какими силами наступал противник, а Восточный отряд во главе с генералом Ф.Э. Келлером под напором превосходящих сил медленно отходил к позиции Ляньдяньсяня, где должен был получить подкрепление.

Таким образом, отступление шло медленнее, чем могло быть в случае следования рекомендациям Н.П. Линевица, и А.Н. Куропаткин смог выиграть время и принял соответствующие

меры по сосредоточению и защите железнодорожной линии и созданию укрепленных районов. В итоге отступление к Хайчену началось на 4 месяца позднее, нежели могло быть, последуй генерал А.Н. Куропаткин предложению генерала Н.П. Линевица при вступлении в должность командующего.

Важно отметить, что обвинения генерала в пассивности также являются необоснованными: неоднократно в телеграммах говорится о приготовлениях к наступлению. Так, в качестве примера, в той же депеше за № 5892 генерал сообщал: «Если японцы не собьют нас с позиции у Ляньдяньсяня и удовольствуются занятием оставленных нами перевалов, то, пользуясь сосредоточением в Ляоянском районе девятой дивизии, мы готовимся перейти в наступление для обратного овладения позициями на Фыншуйлинском хребте. Мы готовимся также к наступлению для обратного овладения Далинским перевалом» [37, л. 50]. Успех, однако, ставился в зависимость от состояния погоды, которая в то время года не благоприятствовала продвижению нашей армии.

Отступление входило в стратегический план действий, что необходимо отметить как пример необоснованности обвинений Е.И. Алексева в ответе А.Н. Куропаткину на депеши № 714 и № 724. Еще до официального назначения в частном письме от 6 февраля 1904 г. генерал уведомил адмирала о высказанном ему 3 февраля решении императора назначить его командующим Маньчжурской армии и изложил в отдельной записке свое видение кампании и предстоящих задач, которые он предварительно обсудил с назначенным 29 января 1904 г. на должность начальника полевого штаба заместника на Дальнем Востоке генералом Я.Г. Жилинским, осознавая что если назначение состоится он будет уже в подчинении адмирала [37, л. 1-2об.].

В этой записке, составленной также с учетом результатов работы с С.О. Макаровым и содержащей предварительные общие соображения и видение генералом путей достижения победы, которые сложились у него на 2 февраля 1904 г., А.Н. Куропаткин писал, что для перехода Маньчжурской армии в наступление и успешной атаки требовалось полное содействие флота. Для достижения победы в общих чертах план кампании и конечная цель виделись военному министру следующим образом: 1) Борьба флотов за главенство на море. 2) Десант со

стороны японцев и противодействие ему. 3) Оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сбора достаточных сил. 4) Переход в наступление. 5) Вытеснение японцев из Маньчжурии; 6) Вытеснение японцев из Кореи. 7) Десант в Японию. Разбитие территориальных японских войск. Борьба с народным восстанием. Овладение столицами и особою императора [37, л. 12об.]. В силу того, что пункты 1) и 2) в ближайшем времени уже не были выполнены, по независящим от генерала обстоятельствам, стратегическое видение кампании претерпело кардинальные изменения. Без поддержки флота война затягивалась и последующие пункты намеченного плана не могли быть выполнены.

Вышесказанное опровергает критику генерала в нерешительности и изначальной установке на отступление. В стратегических целях в первый период кампании расчет, в целом, был сделан на сдерживание неприятеля до полного сосредоточения сил и предполагал дальнейшее масштабное наступление для достижения конечного результата. Преследуя эти цели, А.Н. Куропаткин приступил к активной работе с представителями военного ведомства и адмиралом С. О. Макаровым над планами совместных операций.

Мнения о местах возможной высадки неприятеля расходились. От этого зависели дальнейшие военные планы и расчеты, особенно в отношении укрепленного района Порт-Артур. Нападение Японии на русский флот без объявления войны и неблагоприятное для России начало кампании привело к тому, что возможность противодействия силами флота высадке японских войск оказалась ограниченной.

В записи, сделанной генералом 20 января 1904 г., отражено мнение представителей морского ведомства о возможном развитии кампании накануне войны: «Авелан считает, что Алексеев может препятствовать высадке на всем западном побережье и даже противиться несколько высадке в Фузана. Что три крейсера из Владивостока могут при высадке в Фузана принять участие в бою». Затем следовала оценка ситуации адмиралом З. П. Рожественским: «Считает, что наш флот может атаковать японский флот, противясь десанту только на западном берегу Кореи, и то с высоты Чемульпо. Что у Чемульпо неудобная местность (много закрытий для нечаянной атаки) для большого морского боя. Не хвалил Старка. Жалуется, что Вирениус

идет слишком медленно со своей эскадрой» [13, стр. 225].

Накануне войны, 26 января 1904 г., план в общих чертах был следующим. На совещании у императора, в котором участвовали великий князь Алексей Александрович, управляющий морским министерством адмирал Ф. К. Авелан и были приглашены министр иностранных дел В. Н. Ламздорф и военный министр А. Н. Куропаткин (адмирал А. М. Абаза выполнял обязанности делопроизводителя), генерал кратко изложил мнение дальневосточного начальства о совместном действии флота и сухопутных сил в случае объявления войны Японией. Оно заключалось, в том, что в сентябре – октябре 1903 г., когда составлялся план стратегического развертывания русских сил в южной Маньчжурии, наместник исходил (что важно отметить) из того, что русский флот не мог потерпеть поражение, и поэтому высадка японцев севернее Чемульпо на западном берегу Кореи считалась наместником невозможной. Подход японцев к линии КВЖД в Южной Маньчжурии ожидался только на третий месяц, что на месте казалось достаточным для организации отпора.

В то же время генерал отмечал, что еще осенью 1903 г. в депеше за № 75 от 20 сентября 1903 г. Е. И. Алексеев сообщал ему о том, что он обратился к императору с просьбой о разрешении оказать противодействие открытой силой высадке в Чемульпо, Цинампо или в устье Ялу, на что получил отрицательный ответ императора, который не желал войны. Ввиду непрерывной деятельности японцев 21 января 1904 г. наместник вновь повторил просьбу о разрешении ему начать решительные действия морских сил в тех же пределах, что означало, что Российская империя первая начала бы войну.

Военный министр признавал, что теоретически и с точки зрения положения сухопутных сил эти действия были очень необходимы, так как в противном случае японцы могли слишком быстро дойти до реки Ялу и вторгнуться в Маньчжурию до того, как русские войска будут готовы их встретить. Однако, генерал, обращая внимание на расстояния от Фузана до Чемульпо, до Пхеньяна, до Ялу и от Генсана до Пхеньяна, указал на важность того, чтобы высадка неприятеля произошла бы как можно южнее. Ссылаясь на то, как осторожно действовали японцы 10 лет назад с китайцами в Корею, как предприняли

высадку на р. Ялу, лишь разбив китайский флот 17 сентября, а до этого высадили в Цинальто и в Генсене только по бригаде, чтобы атаковать Пхеньян, он сделал предположение, что японцы будут осторожны и в этот раз, подготовив, вероятно, два плана: один – занять Корею и по возможности избежать войны с Россией, другой – объявить войну России и, не ограничиваясь Корей, перенести войну в Маньчжурию.

В первом случае А. Н. Куропаткин считал, что для России было невыгодно открывать военные действия и вступать в войну из-за Кореи, чего прежде всего не желал Николай II. Во втором случае надо было принять все меры, чтобы использовать морские силы России. Генерал считал, что помешать десанту на восточном берегу у Генсана не было возможным, а высадка, вероятно, должна была произойти там: «Оттуда до Пхеньяна 130 верст. Выгадают много. В Фузане трудно мешать. Не уверен, могут ли наши моряки помешать высадке в Чемульпо. Очень удобная местность для обороны, очень неудобная для атаки: много случаев действовать миноносцами. Это дело моряков. Но надо во что бы то ни стало помешать высадке севернее Чемульпо». Военный министр В.В. Сахоров придерживался того же мнения: «Прочел письмо Сахарова ко мне, в общих выражениях то же» [13, стр. 225-227].

Однако уже 31 марта 1904 г. [17, стр. 101-126], через две недели по прибытии генерала в армию, совместный план ведения войны на море и на суше, согласованный командующим с адмиралом С.О. Макаровым и его штабом, «был утрачен»: «Погиб даровитый, авторитетный и энергичный адмирал. Трудно заменить его. Надо прислать Н. И. Скрыдлова или З. П. Рожественского. Оба они плохо уживаются с Алексеевым <...> Алексеев скорбит не только об Макарове, но и о всем его штабе, погибшем вместе с ним <...> Все, по словам Алексеева, даровитые люди. Погибли все планы, соображения. Потеря незаменимая» [13, стр. 267].

Становилось очевидным, что вопреки расчетам адмирала Е.И. Алексееву, который изначально был настроен воинственно и оптимистично, делая ставку на «битву флотов» и победу в ней России, война затягивалась. Командующий придерживался мнения, что исход войны будет решаться сухопутными войсками «достаточными силами и при том снабженными всем

необходимым для непрерывного наступления в течение довольно продолжительного времени» [30], хотя надеялся на «обещанную» поддержку флота. Необходимо отметить, что часто упускается из виду, что на совещании по военным вопросам в Порт-Артуре 24 и 25 июня 1903 г. в расчетах исходили из наихудшего сценария, а именно: только для сухопутных сил независимо от результатов действий на море. Мнение генерала разделял адмирал С.О. Макаров и они находили взаимопонимание, стора стратегию на том, что сухопутная армия будет опираться на флот. Оба военачальника понимали, что исход войны будет решаться на суше, и они сами, и их штабы работали над планами совместных действий, однако их опасения оправдались.

В результате последовавших трагических событий главнокомандующий Е.И. Алексеев вынужден был предупредить А.Н. Куропаткина, чтобы он «продолжительное время не рассчитывал на содействие флота» и в беседе с ним «говорил: „Вот винули Старка, прислали Макарова, что же, дело лучше пошло? “Тут, по его словам, что-то фатальное, против чего борьба невозможна». Император предложил адмиралу Е.И. Алексееву ехать в Порт-Артур и вступить в командование флотом. А.Н. Куропаткин отметил, что, по всей вероятности, «такая воля государя, мудро и решительно выраженная, не нравится Алексееву и его приближенным» [13, стр. 268-270].

Таким образом, мнения в отношении роли флота и события развивались так, что сначала предполагалась победа над японским флотом, затем лишь поддержка сухопутных сил, а в результате Маньчжурская армия осталась без поддержки флота, а движение на помощь Порт-Артуру, в первую очередь, было вынуждено и обусловлено необходимостью выручки эскадры, что признавал как Е.И. Алексеев, так и А.Н. Куропаткин.

Опасаясь, что удар будет нанесен по Порт-Артуру, генерал обратился к главнокомандующему с просьбой усилить порт Дальний и приготовить один крепостной полк в случае, если японцы начнут высадку южнее Циньчжоу. Адмирал полагал, что пункт высадки мог быть в Дагушане или в Бицзыво, не исключая, что японцы могли провести высадку и во Владивостокском районе.

Это последнее предположение оставило

командующего в критический момент сосредоточения войск без подкреплений в течение апреля. Через неделю после гибели «Петропавловска», 6 апреля, А.Н. Куропаткин получил депешу от государя, в которой Николай II, признавая особо важное значение за Харбином, указывал на необходимость остановить в Харбине 1-ю Сибирскую дивизию (три полка), «дабы ее можно было двинуть в Приамурье, если японцы сделают там высадку» [13, стр. 269]. Эта депеша была ответом на ходатайство Я.Г. Жилинского В.В. Сахарову задержать эту дивизию в Харбине. Руководствуясь вескими доводами и не признавая необходимости этой меры, А.Н. Куропаткин, подчиняясь приказу, выполнил указание и послал соответствующее распоряжение. Тем не менее, командующий считал, что Харбин лучше всего был защищен расстояниями (до Владивостока – 730 верст), а принятая мера ослабляла его: «В случае опасности со стороны Владивостока можно направить туда все подходящие с запада подкрепления, не задерживая 1-й дивизии. Если же она будет задержана, то я в течение всего апреля месяца не получу для подкрепления войск армии ни одного батальона пехоты (курсив в оригинале. – О.Б.) А между тем в центре у меня слабо, и весь мой резерв заключается во 2-ом корпусе из 28 батальонов» [13, стр. 269].

9 апреля А.Н. Куропаткин отмечал, что в Порт-Артуре начали тревожиться сильнее, чем следовало: «Отозвали 15-й полк с позиций у Дальнего <...> Прежде все не хотели усиливать на Квантуне войск, надеясь на силу укреплений. Теперь Жилинский телеграфирует мне, что укрепления слабы местами по левой профили» [13, стр. 270].

Неделю спустя, 16 апреля, считая, что была возможность препятствовать высадке неприятеля, генерал оставил запись о том, что, по его мнению, главнокомандующий действовал более пассивно, чем следовало: «Японцы сегодня усилились на правом берегу р. Ялу и на левом р. Эйхо. Угрожают левому флангу нашего расположения на Ялу <...> Казалось бы, была – и еще есть – полная возможность переходом в наступление по левому берегу Эйхо сбросить их с высот у Лизавена и высоты 146. Передвинутый полк вчера к Чатау плох, несколько усиленный из общего резерва, мог бы выполнить эту задачу» [13, стр. 274]. В тот же день генерал получил известие, что японцы бомбардировали

Владивосток.

Тактика демонстрации и обхода с фланга была применена японцами еще во время японско-китайской войны 1894–1895 гг. и принималась А.Н. Куропаткиным во внимание. В почерке русско-японской войны просматривались усвоенные шаблоны той войны. А.Н. Куропаткин систематически изучал, анализировал и обсуждал материалы по Китаю, Корее и Японии, в том числе и труды по военному искусству, принимал активное участие в учениях на маневрах и часто присутствовал обозревателем на маневрах иностранных войск. Он заслуженно считался одним из видных военных деятелей того времени, пользовался авторитетом и был любим в армии. Можно видеть по записям в начале войны, как он относится к офицерам. Он писал: «доблестный Фок», «блестящий военный Штакельберг», он назначил генерала А.В. Каульбарса командующим (при исследовании удалось восстановить, что семьи Каульбарсов и Куропаткиных состояли в родстве), однако к концу кампании его отношение ко многим из них изменилось.

Генерал неоднократно делал записи в своих дневниках о невыполнении отданных им приказов. Так, 17 апреля 1904 г. он записал: «Разорван телеграф <...> Известий от ген.-лейт. Засулича нет в самые тревожные дни. Меры для быстрого восстановления разрушенного телеграфа заблаговременно приняты не были, хотя я уже предупреждал об этом неделю тому назад. Телеграфная линия не военная, но, очевидно, она должна стать военной» [13, стр. 275].

Не рассчитывая больше на поддержку флота, с одной стороны, генерал А.Н. Куропаткин, с другой стороны, как уже отмечалось, все время был «привязан» к железной дороге [24, стр. 22, 25, 31], а неизвестность обстановки, сил противника и района его действий в сочетании с географическими и климатическими условиями еще более осложняло положение. В одном случае Е.И. Алексею пришлось согласиться отложить проведение операции до того, как был срезан с полей гаолян: «Войска в гаоляне совершенно потерялись, стреляли друг в друга и ходили друг на друга в штыки» [13, стр. 314].

Помимо этого, сохранялась угроза со стороны китайских войск – в окрестностях Синьминтина стоял 40-тысячный корпус китайского генерала Ма, который вызывал серьезные опасения, о чем свидетельствовала запись, сделанная А. Н.

Куропаткиным 10 апреля: «Выбрал Шахе, чтобы поближе иметь поддержку на Синьминтинском направлении, если оттуда пойдут японо-китайские войска. Надо устроить платформу» [13, стр. 271]. Эти опасения разделял и Е. И. Алексеев: еще в феврале – марте он серьезно рассматривал и давал указания Н.П. Линевицу на случай возможной быстрой операции в отношении китайских войск.

12–17 апреля 1904 г. японцы совершили переправу через р. Ялу. В условиях недостатка подкреплений 13 апреля А.Н. Куропаткин получил депешу от Я. Г. Жилинского, в которой ему передавалось указание наместника (в случае атаки Порт-Артура с суши), с Маньчжурской армией оказать Порт-Артуру возможно быструю и энергичную помощь. Реакция командующего была следующей: «Уйти из района сосредоточения – из Ляояна на 300 верст вперед, имея на фланге армию японцев по Ялу, – дело рискованное и противоречащее указанию государя, переданному наместнику Сахаровым, о том, чтобы мы в действиях войск соблюдали осторожность и приступили к решительным наступательным действиям только после сосредоточения достаточных сил. Приму решение, когда придет час, принимая во внимание по возможности всю сложную обстановку, в которой придется действовать» [13, стр. 271-272].

Надеясь не отступать далее Ляояна, 14 апреля генерал записал: «Укрепления у Ляояна очень быстро растут. Если я успею получить еще 20 батальонов 1-й и 2-й Сибирской дивизий, то можно надеяться, что отступать далее Ляояна не будем. Принимаю меры получить эти батальоны. Прошу привезти мне 12 батальонов 2-й дивизии вместо трех Сибирских казачьих полков и прошу, как только выяснится наступление японцев, отпустить ко мне в Ляоян и окрестности 1-ю Сибирскую дивизию (10 батальонов), задержанную в Харбине по желанию государя императора, как общий резерв для направления к Владивостоку, если бы туда японцы направили свои силы» [13, стр. 272-273].

Однако 18 апреля произошли кровопролитные бои под Тюренченом. А.Н. Куропаткин оставил краткую запись о том, что «пережил тяжелые двое суток». Еще ранее он телеграфировал генералу М.И. Засуличу, что неудачи, даже небольшие, были крайне нежелательны.

В ответ М.И. Засулич прислал депешу о

том, что японцы бомбардировали Тюренчен из 120-миллиметровых и полевых батарей. 20 апреля поступила депеша начальника почтово-телеграфной конторы в Фынхуанчене о том, что он снимал аппараты и отступал в Ляоян, а комендант сообщал, что обозы охватила паника вследствие нападения японской кавалерии. Как отмечал командующий, генерал П.М. Захаров нашелся и приказал оставаться. Командир 6-й дивизии генерал-майор А.А. Трусов был отозван в Ляоян за малодушие, командование было приказано принять генерал-майору М.С. Столице.

Из записи 27 апреля можно составить представление о тяжести боев и о потерях в составе войск: «Начинаем успокаиваться после неудачи 18 апреля. Чем более выясняется подробностей, тем более преклоняешься перед геройским поведением 11-го и 12-го стрелковых полков. При 84-рядном составе потеряли почти по 900 человек каждый. Есть роты, потерявшие много свыше половины состава и все сражавшиеся <...> Одна батарея из 100 лошадей потеряла 98. Бригадный ранен, два батарейных убиты. Большинство офицеров убиты или ранены. Нижних чинов в двух батареях выбыла большая часть. Тяжелая местность затрудняла спасение» [13, стр. 278]. Ранее, осматривая местность и войсковые части под Мукденом, А.Н. Куропаткин отмечал, что батальоны «представлялись» хорошо, но офицеров было поразительно мало: «есть роты по одному ротному командиру, и то подпоручику из запаса. В двух батальонах всего 12 обер-офицеров с адъютантами». Командующий считал, что «японцы сделали большую ошибку, не преследуя наших войск. Могли бы нанести отряду окончательное поражение» [13, стр. 277].

Таким образом, генерал следовал изначальной стратегии, согласно которой следовало собраться с силами, а потом уже энергично идти вперед. Он считал, что до осени нельзя было предпринимать решительных действий, а Порт-Артур был уже укреплен и снабжен запасами на 16 месяцев. С учетом рекомендаций отправленных им ранее главнокомандующему, сила гарнизона могла дойти до 40 000 человек, а командиров А. М. Стесселя, К. Н. Смирнова и особенно Р. И. Кондратенко он считал выдающимися начальниками. Генерал также отдавал себе отчет в том, что если бы японцы заняли Цзиньжоускую позицию, они укрепили бы ее «чрезвычайно», и ему пришлось бы пролить много крови прежде,

чем вновь занять ее [13, стр. 280].

Через полтора месяца по прибытии в армию, на 30 апреля 1904 г., план действия японцев представлялся А.Н. Куропаткину следующим образом: «Поставив заслон против Порт-Артура, они решились действовать против Маньчжурской армии тремя армиями: одной с Ялу (быть может, усиленной двумя дивизиями), одной с юга (от Бицзыво) и одну армию высадят в Гайчжоу и Инкоу. Соберется до 150 батальонов. Если подкрепления к нам не подойдут, то удержаться в Ляоянском районе с 75 батальонами будет очень трудно. Все же придется попытаться дать отпор, если они разбросаются. Вчера после месячного перерыва в Ляоян прибыло два батальона пехотного Верхнеудинского полка. Государь прислал мне депешу, в которой указывал на необходимость сосредоточиться, что мы и делаем <...> Алексееву государь телеграфировал, что я могу собрать 88 батальонов, с которыми могу дать отпор двум японским армиям. Горячится... Надо более спокойствия» [13, стр. 281].

Согласно дневниковым записям А.Н. Куропаткина, в Ляоян целый месяц не приходило подкрепление, в то же время командующий пытался выиграть время и рассчитывал на то, что, возможно, есть недельное преимущество во времени, благодаря действиям партизанского отряда полковника А.С. Мадритова. Генерал обоснованно считал, что позиции под Ляояном оставляли желать лучшего, так как на юге в 47 верстах находились высоты, с которых были отлично видны укрепления: «Позиций под Ляояном, собственно, нет. Их пришлось выдумать, чтобы прикрыть этот важный узел путей. Позиция у Айсандзяна тоже нехороша. Она слишком длинна (на два корпуса) и обходима, особенно с левого фланга. Несколько важнейших путей через Феншуйлинский перевал обходят эту позицию. Несколько дней идет дождь. Дороги опять растворились. Переход в наступление будет тяжел, особенно для артиллерии. С двумя японскими армиями силою около 100–108 батальонов пехоты я надеюсь справиться и не отступать от Ляояна. Борьба с тремя армиями, если до этого времени не успеют подойти подкрепления, будет, пожалуй, нам непосильна, если японцы не сделают ошибки. Особенно опасуюсь превосходства их в артиллерии. При трех армиях они будут иметь артиллерии вдвое более, чем у нас. Заняв высоты над Ляояном и уставив их батареями,

они сделают трудными сообщения с нашими опорными пунктами. Готовлюсь к решительному бою с твердостью, но иногда тревожусь за исход дела, если превосходство будет слишком велико. Стараюсь на всех действовать полным наружным спокойствием и хорошим, ровным расположением духа. Это удастся. Послал ген.-лейт. Ф.А. Келлера командовать Восточным отрядом вместо ген. М.И. Засулича. Его престиж подорван делом на Ялу. Рассказам нет конца, и, как всегда, очень много преувеличений» [13, стр. 282].

Еще ранее 26 апреля генерал отметил, что Е.И. Алексеев, при существующем расположении и неизвестности, куда японцы могли направить остальные силы, признал, что направление за 300 верст 18 батальонов из Южно-Маньчжурского отряда (которые, по расчетам генерала, можно было выделить) составляло весьма опасную задачу. По мнению генерала, выделение этих сил лишило бы Маньчжурскую армию активности, в то время как эти силы могли оказаться недостаточными, чтобы помешать японцам блокировать Порт-Артур, а в случае отступления эти 18 батальонов могли лишиться своих сообщений, так как им «надо идти клином, имея море с двух сторон» [13, стр. 279].

В течение мая высадились три японские армии: 2-ая армия генерала Оку начала высадку 26 апреля у Бицзыво, 3-я армия генерала Ноги у Дальнего и 4-ая армия генерала Нодзу у Дагушаня. С тем, чтобы отрезать Порт-Артур, 25 мая 2-ая японская армия перешла в наступление. Армии генерала Ноги предписывалось взять Порт-Артур.

Однако в преддверии этого, 11 мая, А.Н. Куропаткин сделал следующую запись: «Вчера наместник прислал ко мне Жилинского с письмом, в котором указывает, что, по его мнению, наступило время Маньчжурской армии перейти в наступление или к Ялу, или к Порт-Артуру для выручки его. И этот совет дан, когда еще не определилось, куда высадится третья армия японцев! Воистину, мы создаем авантюристическую стратегию. Дали расшатать свой флот. Теперь принимаемся за армию. Ответил Жилинскому, что мы готовимся встретить удар трех японских армий. Что если удар определится не на нас, то помощь Порт-Артуру будет оказана, но что прежде всего надо определенно знать, куда японцы направят удар своих главных сил. Жилинский, сам подсчитав, признал, что более

20–24 батальонов мы не можем отделить для действий к Порт-Артуру» [13, стр. 284].

16 мая А.Н. Куропаткин приехал к наместнику в Мукден с письмом, чтобы обосновать, что для собственных нужд Маньчжурской армии (при условии, что Порт-Артур мог бы продержаться не двухмесячный срок) не следовало переходить в наступление ни против генерала Куроки, ни против 2-й армии, а продолжать сосредоточиваться. Но по заявлению Е.И. Алексеева, что Порт-Артур может продержаться лишь 2–3 месяца, А.Н. Куропаткин был вынужден признать: «...как ни рискованно, как ни противно обычной (по книжкам) стратегии, но придется двинуться на помощь Порт-Артуру, как только определится, что японцы главный свой удар направляют на Порт-Артур. Движение полагал начать после прибытия к армии 3-й Сибирской дивизии. Если бы против нас высадились 3-я армия, то такое движение признавал бы рискованным до прибытия дальнейших подкреплений. Может получиться невероятный слоеный пирог, если мы наступлением японцев от Ялу будем отрезаны от корпуса войск, высланных к Квантану» [13, стр. 285].

Анализируя положение, А.Н. Куропаткин отмечал: «Просто удивляться надо, как одна ошибка ведет за собой массу тяжких последствий. Выходит, что наш флот не только не помог в должной мере и в мере, как то рассчитывалось сухопутной армией, но еще может послужить причиной нового и тяжелого частного поражения части наших сил, двинутых к Квантану. Мы, в сущности, что не скрывает и Алексеев, пойдем на выручку не крепости, а флота. Тяжело. Поживем – увидим, но жертву принести надо» [13, стр. 285].

Сосредоточение армии в 10 тысячах верст вдали от основной базы требовало времени, выдержки и терпения, однако от генерала ожидали быстрых действий и результатов: «Из Мукдена³ все тянут ту же ноту: скорее, скорее и побольше. Если бы их послушаться, то мы уже теперь нарвались бы на беду. „Прости им, боже, ибо не ведают, что творят“ – неволью стоит в уме. Стыдно Жилинскому, проявившему такую податливость адмиральским бредням! Адмиралу, привыкшему плавать по морям, проходя сотни верст в сутки, простительно забывать, что пехотный батальон не быстроходный крейсер, но Жилинскому забывать это стыдно» [13, стр. 286].

Информация о противнике, которой он располагал, была неполной, что также обуславливало сдержанность в принятии решений: «Собираю у Вафангоу корпус Штакельберга в 32 батальона. Авангард этого корпуса из 6 батальонов уже в Вафандяне. Куроки демонстрирует и крайне растягивается. При недостатке сил и транспортных средств дает отличный случай переходом в наступление овладеть Фынхуанченом и разбить его армию по частям. Саймадзы очистил. От Сюяня, им занятого значительными силами, потянулся к востоку. Очень опасаясь, что действиями 3-й армии с юга и Куроки с востока корпус Штакельберга будет поставлен в тяжелое положение. Особенно боюсь прорыва нашего расположения от Сюяня на Гайчжоу. Принимаю меры дать отпор». Об этом также свидетельствовала зашифрованная депеша из Ташичао от А.Н. Куропаткина наместнику Е.И. Алексееву в Мукден от 20 июня 1904 г. [37, л. 48-50].

Опасения генерала в отношении отряда генерала Г. К. Штакельберга, к сожалению, оправдались: 2 июня появилась запись о том, что опять выпал «несчастный» день. После успешно отбитой атаки Г. К. Штакельберг в донесении государю выразился так: «Завтра я атакую правый фланг противника». Это обещание, которое было дано заблаговременно и без проверки того, «кто стоял против него и каково было расположение», Г. К. Штакельберг сдержал, при этом «не дав развиваться наступлению японцев, причем мы могли бы причинить им тяжелые потери, он отдал приказ бригаде 35-й дивизии обходить правый фланг противника, а 1-й стрелковой дивизии наступать в фронте. Всего Штакельберг располагал 36 батальонами, из которых 10 я ему подвез по железной дороге в последние два дня. Японцы сами перешли в наступление против нашего правого фланга. Штакельберг направил против них все свои резервы, но не мог удержать и вынужден был к отступлению. Потери должно быть большие...» [13, стр. 287].

11 июня приехал генерал Я.Г. Жилинский, чтобы рассмотреть «по документам» правильность действий Г.К. Штакельберга 1 и 2 июня. Документы оказались в его пользу: «Он принял неправильное решение, но все распоряжения были сделаны своевременно, и войска отступили в полном порядке. Но несомненно, что этот генерал вызвал к себе общую ненависть в командуюмом им отряде. Сочиняют совершенные

небылицы. Наслушавшись их, наместник и послал Жилинского, высказав заранее решение, что Штакельберга надо сменить. Видел Штакельберга. Здоровье, хотя и слабое, но позволяет ему нести службу» [13, стр. 289].

Все вышесказанное свидетельствует о неблагоприятном начале для Российской империи русско-японской кампании. Положение «двоевластия» на ТВД усугублялось также указаниями из Петербурга, и часто вмешательством великих князей, в частности вел. кн. Николая Николаевича.

Далее, в качестве дополнительного штриха к изложенному, письмо члена семьи Половцовых, адресованное А.В. Половцову⁴ из Харбина, в котором автором дано его видение положения дел в высшем командовании на ТВД [23], хотя критика отдельных лиц, как, в частности генерала Штакельберга может быть смягчена тем, что, выполняя свой долг, несмотря на плохое здоровье, он принял назначение в действующую армию, в то время как многие под разными предлогами отказывались.

«г. Харбин, 26.06.1904.

Дорогой дядя Толя!

Премного тебе благодарен за память обо мне и присылку брошюр, особенно, Polovtsovian'ы. Наконец, наша история увековечен, хотя в главных чертах.

Очень сожалею, что я лишен возможности вести записки об здешних событиях. У нас так много дела, что я прихожу домой совершенно измученным и едва успеваю прочесть газеты. Кроме того Харбин в этом отношении менее благоприятен, чем напр. Мукден, или, главное, Ляоян, где, действительно, совершается история; здесь же она лишь отражается в форме постоянно меняющихся, в зависимости от хода важных дел, распоряжений об срочном и экстренном усилении той или другой части дороги. Это дает массу работы, но мало материалов для записок. Интересные вещи доходят до нас (с) помощью телеграмм или сплетен и редко мы получаем что-либо из прямых источников. И как же бывает безотрадно все, что до нас доходит! Не наша вина, если приходилось бы записывать почти исключительно грустные вещи.

Не имея возможности самому вести записки, могу для тебя выбрать несколько эпизодов, которые дошли их достоверных источников.

Первый, о поведении В. князей Кирилла и Бориса Владимировичей в момент гибели Петропавловска.

Про Кирилла известно только, что когда он находился в воде и увидел катера, которые разезжали для розыска утопающих, то он начал кричать: «Меня, меня спасайте, я Великий Князь!» С утопающего трудно спрашивать особенной деликатности и едва ли можно доказать, что для человечества было бы важнее спасение вместо него какого-либо мичмана Дырки или безымянного матросика, так что он рассуждал правильно, требуя себе преимуществ.

Немного хуже обстояло дело в В.К. Борисом. В момент гибели Петропавловска он находился на Золотой горе и, когда увидел катастрофу, им обуял такой панический страх, что он пустился стремглав бежать с горы по направлению к станции, по дороге растянулся, спотыкнувшись обо что-то, поднялся и, наконец, прибежал на станцию и начал кричать, чтобы ему немедленно подали поезд. Его спросила, куда он хочет ехать. Он заявил, что куда угодно, только вон из Артура, хотя бы за 10 верст. Ему сказали, что поезд сейчас не готов и нужно время на его приготовление, на что получили целый каскад самых отборных бранных слов из богатого Российского лексикона площадных выражений. После этого В.К. не стал ждать, а пошел пешком по шпалам из Артура. Когда подошли на станцию адъютанты, то он уже был далеко и свита нагнала его на извозчиках в 3-х верстах от города и едва уговорила вернуться. Только вернувшись, он поинтересовался узнать о судьбе своего брата и в тот же день вместе с ним уехали на север. Видимо, он надеялся проводить брата до самого Петербурга, но, должно быть, ему этого не позволили и он ограничился тем, что в Харбине потряс все Кафе-Шантаны до основания и, не заплативши денег, возвратился в Ляоян. (Об неуплате денег мне говорил местный полицеймейстер, которому жаловались содержатели заведений). В Ляояне Борис Вл. живет безотлучно в особом поезде, чем крайне удивляет всех иностранных военных агентов и корреспондентов, которые видят, что все наши дороги нуждаются в вагонах, и совершенно не желает понимать Куропаткина, который постоянно делает ему тонкие намеки, что его место не в Ляояне, а на аванпостах. Впрочем едва ли аванпостная служба много потеряла от

его отсутствия⁵.

Пишешь такой рассказ, который носит характер злорадной сплетни, а у самого сердце обливается кровью. Да неужели в Петербурге не нашли послать кого-либо получше в тот момент, когда здесь решаются исторические судьбы России? Этот же вопрос задаешь себе при мысли о многих генералах. Напр. Барон Штакельберг.

Когда он сюда ехал, то поразил всех, что своими чадами и домочадцами занял целый большой вагон, несмотря на бедность в них и недостаток для перевозки войск. С ним ехала жена, компаньонка, три горничных и четыре ливрейных лакея. Казалось бы, что такого господина еще в Петербурге следовало бы посадить в сумасшедший дом, но, в виду его родства с придворным музыкальным начальством, ему дан корпус, которому было поручено весьма ответственное дело. Ну и он распорядился с этим корпусом так, как от подобного господина и можно было ожидать. Командовать отдельным отрядом он поехал в том же вагоне, с женою и домочадцами. Вещь неслыханная, но она имела место. В этом же вагоне он оставался и во время боя 2 июня и в разгар сражения очень продолжительно в нем завтракал, причем запретил передвигать его с места, почему санитарные поезда не могли доходить до мест сражения и оказались не в состоянии вывезти всех раненых, которые вследствие этого в большом количестве достались японцам в плен. Все его подчиненные начальники частей заявили после боя, что не получили от него никаких распоряжений и понятия не имели о местах нахождения и действиях соседних частей, так как диспозиции боя составлено не было. Когда от Штакельберга после боя потребовали предъявления диспозиции, то он просил своего Начальника Штаба составить ее и подписать, на что последний не согласился. Теперь Штакельберга все проклинают, но мы видели, что это за птица, когда он ехал через Харбин на войну.

А Стессель! Достаточно взглянуть на его натянутую физиономию на фотографиях и прочесть его напыщенные приказы, чтобы определить, что это не есть настоящий человек на настоящем месте. Теперь это увидало даже и его начальство и, кажется, сместили с должности начальника Артурского

крепостного района. До войны он публично заявлял Куропаткину, что взялся бы в Артуре с его укреплениями выдержать двухгодичную осаду какой угодно неприятельской армии, а сейчас же после Цзинь-Чжоуского боя заявил, что не ручается и за месяц.

Адмирал же Витгефт своим бездействием в Артуре показывает, какое он бездарное ничтожество. Оба последние герои являются креатурами Алексева, которых он ценил за то, что они являлись вполне послушными и безответными его клеветами. Теперь же они показали, чего они стоят, ставши на собственные ноги.

Но настоящим злым гением России в этой войне является Алексеев. Самое его существование в Маньчжурии, наряду с Куропаткиным, представляет собой несчастье для России и преступление со стороны тех, кто его поставил. Наполеон говорил, что один посредственный генерал лучше, чем два хороших. Эта истина известна всему миру кроме, кажется, нашего высшего начальства. Из такой двойственной начальственности происходит масса столкновений и гибельное отсутствие системы в ведении войны. Сюда приезжал Министр Путей Сообщения кн. Хилков, виделся с Алексеевым и Куропаткиным, а потом рассказывал нашим высшим чинам о своих разговорах с ними. Оба друг на друга жаловались. Это было скоро после Цзинь-Чжоуского боя. Куропаткин говорил, что Алексеев хочет его заставить непременно идти на выручку Порт-Артура, он же на это не соглашается, так как у него слишком мало войск и он рискует устроить слоеный пирог из слов русских и японских войск. Действительно, в Артуре русские, у Цинь-Чжоу японцы, затем наш отряд, посланный на выручку Артура, ему в тыл и фланг, конечно, японцы пошлют солидный отряд, а на выручку нашего отряда пойдем мы, и, так как у японцев войск более, чем у нас, то в конце концов японцы нас отрежут от нашей базы, то есть железной дороги. Куропаткин сказал, что он ни за что этого не сделает, как бы Алексеев ни требовал, разве что прикажет Государь. Видимо, что Государь приказал и совершилась крупная глупость, которая закончилась нашим поражением у Вафангоу, не имевшим гибельного результата только потому, что японцы не дали отряду Штакельберга достаточно удалиться и тем предоставили ему возможность отступить.

Андрюша, который это время был в Ляояне и жил в поезде Куропаткина, говорил, что был жуткий момент вскоре после этого боя, когда было неизвестно, успеет ли Штакельберг отступить и не отрежут ли его от Куропаткина японцы. Куропаткин должен был послать ему на выручку большую подмогу, причем оказался вынужденным совершенно ослабить те войска, которые защищали железную дорогу к северу от Ляояна от занятия ее японцами до того, что для защиты Ляояна и всей прилегающей жел. дороги у гр. Келлера было оставлено всего 2 полка. Хорошо, что японцы об этом не узнали вовремя, а то могло бы быть очень плохо. Когда же японцы узнали и направили значительный отряд на Ляоян, то Штакельберг успел уже отступить и часть войск спешно вернули в Ляоян.

Хоть бы этот случай послужил уроком Алексею и Петербургу. Понятно, что нежелательно уступать японцам Порт-Артур. Но еще нежелательнее потерять всю армию, причем Артур все равно погибает. Теперь вся надежда на то, что Артур удержится. У нас слишком мало войск, чтобы быть достаточно сильными и в Ляояне и выручить Артур. Если же мы настолько усилимся в Ляояне, чтобы одержать верх над северной японской армией, то японцы принуждены будут снять осаду и с Артура.

До какой степени Алексеев любит окружать себя ничтожествами, лучше всего видно из слов, которые он сказал кн. Хилкову: «И зачем это ко мне присылали Макарова? Ничего хорошего не вышло. А вот после того, как Витгефт начал действовать по моим указаниям, японский флот наполовину и уничтожен». Это он намекал на гибель от мин нескольких японских судов. В действительности же, как только Витгефт принужден был начать действовать самостоятельно, он и показал все свое ничтожество. Теперь уже и Алексеев громко выражает свое недовольство им.

Какое странное совпадение, что у всех этих рыцарей печального образа: Штакельберга, Стесселя и Витгефта, а ранее Старка, все немецкие фамилии.

Грустно, что так мало в теперешних обстоятельствах светлых сторон. Вся надежда только на Куропаткина, если ему не будут мешать из Мукдена и из Петербурга.

Но видимо там еще не вполне поняли всю серьезность этой войны. Это видно по многим

признакам. Например, ко времени начала войны всему миру было известно громадное значение скорострельной артиллерии и у нас есть корпуса, как напр. 1-й, которые уже сравнительно давно снабжены ею, между тем в первую голову сюда начали привозить сибирские корпуса и корпуса 10 и 17, которые только после объявления мобилизации в первый раз увидели скорострельные орудия и теперь на войне принуждены будут обучаться их управлению. Между тем как, если бы 1-й корпус отправили раньше 10-го и 17-го, то последние имели бы несколько времени, чтобы обучиться обращению с новыми орудиями.

То же самое с перевозкой войск. Наша дорога утроила свою пропускную способность теперь сравнительно со временем объявления войны, между тем перевозка войск едва удвоилась. Оказывается, что в Главном Штабе не верили, что мы в состоянии так быстро усилиться, хотя и дали нам такую задачу, почему не успели приспособить так перевозки войск к нашей пропускной способности. Видимо, что у Петербургского Начальства есть миллион интересов помимо войны, почему об ее нуждах не думают достаточно серьезно.

Я увлекся и много и бессвязно написал. Дело в том, что война составляет для нас единственный интерес и потому мы относимся ко всему, что ее касается, крайне горячо. Приятно было бы, если бы можно было все хвалить и очень грустно, что приходится осуждать.

В Маньчжурии теперь находится Андрюша⁶, живет частью в Ляояне, частью в Харбине у меня. Скоро сюда должен приехать Пит⁷.

Я с грустью узнал из писем жены и отчасти из слов Андрюши, что ты нездоров. Судя по тону твоего письма, ты смотришь вперед бодро, а это очень важно в сердечных болезнях. Кланяйся, пожалуйста, тете Кате, Ксении и Кириллу. Кто бы подумал, что Ксения уже окончила гимназию. Моя жена с детьми теперь живет в Царском Селе, Леонтьевская, дом Ост⁸. Если будешь в Петербурге свободен то заезжай, чем много обрадуешь Любящего тебя... подпись (П.? Половцова)».

В заключение следует отметить, что на девятый месяц войны в бюллетенях писали следующее: «... действия японцев на восточном фронте, с апреля по июнь, имели целью создать ловушку (курсив в оригинале. – О.Б.) для русских»

[7]. Об этой же опасности писал и генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович, начальник управления разведки и транспорта 1-й Маньчжурской армии: «Боевое чутье Куропаткина спасло Маньчжурскую армию от саморазрушения. Все изложенное приводит к заключению, что на юге Маньчжурии не следовало наступать по внутренним линиям, даже при возможности выполнить такую операцию» [43, стр. 64]. Относительно наступления по внутренним линиям, являющимся одним из принципов военного искусства, было высказано немало критических замечаний, но вот что пишет об этом Н.А. Ухач-Огорович: «Относительно общей программы действий в Ляоянский период войны, барон Теттау [42] утверждает, что можно было оперировать по внутренним линиям и бить японцев по частям. Положим, это господствующее мнение <...> Но если оставить полет фантазии и спуститься на Маньчжурскую землю, то получится, что... забыли про овраги!» [43, стр. 47-48]. Далее он применял этот общий принцип к Ляоянской обстановке, посвящая ее анализу Главу VIII своей работы, и, в частности, писал: «Если признать, что первая японская армия имела значение *приманки* (курсив в оригинале. – О.Б.), тогда станут понятны все события на Корейском фронте. И вот, в то время, когда

мы истрепали бы свои войска на востоке, на юге японцы могли развернуть две свежие армии. Сопоставьте положение сторон, после выполнения русскими шаблона! Стратегия говорит – никогда не следует делать того, что желательно противнику. Исполнение желания японцев, в Ляоянский период войны [41], давало: удар в воздух – в оперативном отношении; громадные разрушения – в сфере административной; очень скверное стратегическое положение» [43, стр. 63-64].

Таким образом, краткий анализ опубликованных дневниковых записей А.Н. Куропаткина начального периода войны в сочетании с архивными и другими данными, в то время когда генерал находился в подчинении⁹ главнокомандующего адмирала Е.И. Алексеева, позволяет увидеть, какие дополнительные факторы обусловили ход сухопутных операций в начальный период, каковы были действия командующего Маньчжурской армией и как сам он видел положение дел на первом этапе войны. В том, что касается личных качеств, генерал проявлял твердость, решительность, веру в победу и личную самоотверженность, понимая всю возложенную на него ответственность за сосредоточение войск и обеспечение защиты железнодорожной магистрали.

Примечания

- 1 А.Н. Куропаткин был трижды ранен в бою.
- 2 «по плану мероприятий на 1899-1903 года <...> после долгих обсуждений министр финансов. признал по состоянию Государственного Казначейства возможность отпустить только одну четвертую часть испрашиваемых на новые мероприятия кредитов. Между тем все внесенные в план мероприятия, в том числе и по ДВ, несомненно были важны, неотложны и неудовлетворение из составляло серьезный пробел в нашей боевой готовности» [19; 32].
- 3 В Мукдене в то время находилась главная квартира наместника Е.И. Алексеева.
- 4 Автор письма по подписи не установлен (предположительно «П?» или «Б?») Половцов. Исходя из содержания письма можно предположить с большой вероятностью, что это сын военачальника, генерал-лейтенанта Михаила Викторовича Половцова (1829-1885), двоюродного брата государственного секретаря А.А. Половцова, и брата Анатолия Викторовича Половцова (1849-1905) [1; 25, стр. 213]. Половцов А.В. (1849-1905) – видный петербургский чиновник, тайный советник, один из руководителей цензуры Императорского Двора (1890-1897), историк, археолог, литератор, драматург. Сын филолога и педагога В.А. Половцова и двоюродный брат государственного секретаря А.А. Половцова. Жена – Екатерина Николаевна Половцова (1860-1933), ур. Кравченко, – родная племянница П.А. Кропоткина (дочь его старшей сестры Елены Алексеевны). Дети – дочь Ксения Анатольевна Половцова (1886-1948) – с супругом А.А. Майером основала в Петрограде религиозно-философский кружок «Воскресенье»; сын – Кирилл Анатольевич, офицер 46-го армейского корпуса (имена членов семьи упомянуты в конце письма) [11].
- 5 Генерал А.Н. Куропаткин, имея три тяжелых боевых ранения до русско-японской войны, в момент, когда

лично повел войска в бой под Ляояном, не был ранен, однако ранение, хотя и не очень серьезное физически, произошло при иных обстоятельствах еще до Ляоянского сражения и от руки великого князя Бориса Владимировича [6; 13, стр. 308].

- 6 Половцов Андрей Петрович (1868-после 1938) генерал-майор Свиты, помощник управляющего Кабинетом Его Императорского Величества, заведующий земельно-заводским отделом [44].
- 7 Половцов Петр Александрович (1874-1964) русский военачальник, востоковед, генерал-лейтенант, автор ряда военных и востоковедческих работ; младший сын государственного секретаря А.А. Половцова [26, стр. I, 9, 80, 99, 113, 115, 142, 152, 221, 222, 335, 359, 376, 461, 470, 512, 532, 543; II 60, 72, 94, 99, 112, 233, 246, 272, 292, 293, 309, 315, 332, 333, 347, 361, 400, 410, 420, 488; 44].
- 8 Предположительно дом Ф. Каноббио (Леонтьевская ул., 18). Домовладельцы (1874 по 1905) доктор медицины Иван Михайлович Ост и его сын доктор медицины, выпускник Императорской Николаевской Царскосельской гимназии 1880 года Александр Иванович Ост [45].
- 9 После отступления под Ляояном и отзыва адмирала Е.И. Алексеева 13 октября 1904 г. А.Н. Куропаткин был назначен главнокомандующим всеми боевыми силами, действующими против японцев. В этой должности он находился около 4,5 месяцев до 3 марта 1905 г.

Список литературы

1. Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Выпуск III. Фонды русских деятелей XVIII–XX вв. – Л., 1983.
2. Белозерова О.А. «Двоевластие» на сухопутном театре военных действий в Русско-японскую войну (1904–1905). Генерал Куропаткин о возможности Порт-Артура обороняться // Труды Седьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 1820 мая 2016 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. – Ч. I. – С. 194–208.
3. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 143-154.
4. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско-японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 47-56.
5. Белоконь И.В. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 155-164.
6. В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона / Предисл. А. Попова // Красный архив. – 1930. – Т. 4–5 (41–42). – С. 148–204.
7. Великая заслуга главнокомандующего гениального вождя А. Н. Куропаткина. Бюллетень. Октябрь 1904 г. – М., 1904. – Об Императоре Николае II в то время писали «Державный Вождь» (прим. Авт.).
8. Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого. – СПб., 1911–1915.
9. Главнокомандующий рядовой // Бюллетень изд-ва Максимова. – 1905. – 19 марта. – 1 л.
10. Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и политика Российской империи в данном регионе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 33-44.
11. Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти, 1831-1917. – СПб., 2007.
12. Григорьева Н.В. Скрещение судеб: Куропаткин и другие... // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 49-54.
13. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / Вступ. ст. О. Р. Айрапетова. – М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2010. – 455 с.
14. Известия о военных действиях с 25 по 31 января 1904 г. из Правительственного вестника. – СПб., 1904.
15. Казанцев В. П., Салогуб Я. Л. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е годы – 1905 год). – СПб.: Наука, 2012. – 285, 44 с.: ил.
16. Командующий Маньчжурской армией, генерал-адъютант А.Н. Куропаткин. – М.: Николаевская военно-инженерная академия, 1905.
17. Красный архив. – 1935. – Т. 1.
18. Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. – СПб., 2002.
19. Куропаткин А.Н. Статья (машинописная копия) «На Дальнем Востоке» о подготовительных мероприятиях к войне с Японией. (1906). // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л.4 об.
20. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. – СПб., 2008.
21. Моисеев С.В. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэттишаре в 1876-1877 гг. // Мир

- политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 85-105.
22. Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гаагская мирная конференция 1899 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 117-130.
 23. ОР РНБ. Ф. 601 (Половцовы). Ед. хр. 634. Л. 1 11. (Письмо Анатолию Викторовичу Половцову. Харбин. 26 июня 1904 г.)
 24. Панов В.А. Историческая ошибка. Отдельные отписки из № 23–47 газеты «Дальний Восток». – Владивосток, 1908.
 25. Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. Том 1. С. 308. // URL: <http://readli.net/dnevnik-gosudarstvennogo-sekretarya-tom-1-1883-1886-gg>.
 26. Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. Том II (1887-1892) // URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/15052012-08a.html>.
 27. Попов Ю. Г. Куропаткин в Шешурино. – Торопец, 1998.
 28. Попов Ю.Г. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 47-82.
 29. Почекаев Р.Ю. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 51-62.
 30. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Русско-японская война 1904–1905 гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Т. 1. – СПб., 1910.
 31. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6; Д. 8.
 32. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л.31 31об.
 33. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 171. Л. 5-6.
 34. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 206.
 35. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.
 36. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 230.
 37. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239.
 38. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 241.
 39. РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4; Д. 6; Д. 7.
 40. Сальников В.П., Белозерова О.А. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 43-46.
 41. Строков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца Первой мировой войны 1914–1918 гг.). – М., 1976.
 42. Теттау Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны: [в 2 ч.]. – СПб., 1913-1914.
 43. Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники. Ответ Барону фон-Теттау. – Умань, 1914.
 44. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Половцов,_Андрей_Петрович.
 45. URL: tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/leontevskaja-18-dom-kanobbio.html#.WreGdR1ubIU

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович,
профессор кафедры конституционного и между-
народного права Санкт-Петербургского универ-
ситета МВД России, доктор юридических наук,
профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное
право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕД НАСЕЛЕНИЕМ И ГОСУДАРСТВОМ

***Аннотация.** Исследуется ряд теоретических и практических проблем, связанных с разграничением ответственности органов муниципальных образований. Обосновывается точка зрения, что данная в действительности ответственность не ограничивается формами «перед населением» и «перед государством», как это указано в действующем законодательстве. Муниципальный орган должен действовать законно, разумно, добросовестно, справедливо, своевременно. В этом состоит его «позитивная ответственность», т.е. обязанность или обязательство публично-правового характера. Ответственность в ретроспективном смысле предполагает санкцию. Если органы местного самоуправления несут ответственность перед населением – к ним должны применяться соответствующие меры. Задача законодателя состоит в институционализации «карательного инструментария», достаточно развернутого и адекватного применительно к данному виду публичной деятельности.*

***Ключевые слова:** конституционная ответственность; публичные обязательства; народное представительство; отзыв; роспуск; парламентский контроль.*

ASTAFICHEV P.A.

DIFFERENTIATION OF THE RESPONSIBILITY OF MUNICIPAL AUTHORITIES BEFORE THE POPULATION AND THE STATE

***The summary.** Clause is devoted to research of some the theoretical and practical problems connected with differentiation of the responsibility of municipal authorities. The author proves the point of view, that the responsibility given actually is not limited to forms «before the population» and «before the state» as it is adjusted in the legislation. Municipal authorities should function lawfully, reasonably, honesty, fairly, in due time. In it «the positive responsibility», i.e. a duty or the obligation of publicly-legal character consists it. The responsibility in retrospective sense assumes the sanction. If municipal authorities have the responsibility before the population – to them corresponding measures should be applied. The problem of the legislator consists in maintenance of «retaliatory toolkit», enough developed and adequate with reference to the given kind of public activity.*

***Key words:** the constitutional responsibility; public obligations; national representation; a response; dissolution; the parliamentary control.*

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» выделяет два самостоятельных вида юридической ответственности органов местного самоуправления в зависимости от того, «перед кем» эту ответственность должны нести указанные органы: перед *населением* или перед *государством*. Данный подход к правовому регулированию общественных отношений в силу своей юридической природы, очевидно, может быть подвергнут критике по следующим двум основаниям: во-первых, круг субъектов муниципальных отношений не исчерпывается «государством» [9; 11; 16] и «населением» [1; 13], во-вторых, ответственность может пониматься более широко вне привязки к субъекту, перед кем ее несут ответственные лица. В последнем случае имеется в виду не «ретроспективная», а «позитивная» юридическая ответственность [7].

Вместе с тем, в анализируемом Федеральном законе нет указания на *исчерпывающий* перечень видов ответственности органов местного самоуправления перед населением и государством, поэтому данное состояние законодательства не следует трактовать как противоречие правового регулирования юридической теории. Законодатель предпочел урегулировать одни виды ответственности, оставив без внимания другие. На это обращал внимание Конституционный Суд РФ, в частности, указывая, что органы местного самоуправления могут нести ответственность *перед другими органами* того же муниципального образования, если это предусмотрено уставом муниципалитета и иными муниципальными правовыми актами.

Органы местного самоуправления несут, прежде всего, «позитивную» ответственность. Если можно так выразиться, это ответственность «перед самими собой». Муниципальный орган должен действовать *законно, разумно, добросовестно, справедливо, своевременно* и т.п. просто потому, что он должен это делать. В этом состоит его «ответственность», т.е. обязанность, обязательство публично-правового характера. Здесь не имеет значения, какова угроза юридической санкции за возможное правонарушение [6; 8; 12]. Основным движущим фактором «позитивной» ответственности является совесть человека (для коллегиальных органов – совесть каждого из членов коллегии). Философскую основу для такой трактовки юридической ответственности

дает «категорический императив» И.Канта [3; 5].

В связи с этим имеет важное значение выработанная конституционным правосудием позиция о «*презумпции добросовестности*» органов публичной власти [14]. Законодатель и правоприменитель исходят из предположения о том, что муниципальные органы действуют законно, разумно, добросовестно, справедливо, своевременно и т.п., пока иное не установлено уполномоченными на то контрольно-надзорными или судебными органами. В сущности, это есть частная форма конституционной презумпции невиновности, прилагаемая к деятельности органов публичной власти.

В более узком значении юридическая ответственность предполагает «ответ» за правонарушение, т.е. санкцию, наказание, неблагоприятные последствия. Органы местного самоуправления нельзя представлять как «непогрешимые», имманентно добросовестные и т.п. Презумпция добросовестности означает лишь предположение о добросовестности, пока не доказано обратное. Однако представлять себе муниципальную деятельность исключительно в «позитивном» аспекте не следует [10]. Подобного рода «романтизм» совершенно неприемлем в юридической системе ценностей, которая опирается на прагматичные, официальные, зачастую даже строгие подходы к оценке окружающей действительности. Если органы местного самоуправления действуют «вразрез» с общественным мнением и потребностями избирателей – они подлежат ответственности «перед населением». В случаях правонарушений должны действовать эффективные механизмы юридической ответственности муниципалитетов перед государством.

Институт ответственности органов местного самоуправления перед населением имеет в виду, прежде всего, деятельность *выборных органов*. К их числу относятся представительные органы муниципальных образований, в ряде случаев – главы муниципальных образований (если они избраны непосредственно населением либо из числа депутатов представительных органов). *Механизм ответственности создают сами выборы*. Дополнительно к этому может применяться процедура *досрочного отзыва*. Институт выборности органов местного самоуправления, понимаемый как механизм их ответственности перед населением, имеет глубокие исторические корни.

В России это хорошо понимал даже Иван Грозный. Несмотря на движение к абсолютизму самодержавной монархии, сопровождаемое прихотями личности царя, в эту эпоху государство воздерживалось от вмешательства в местные выборы. Тем самым создавалась социальная база государственной власти, без чего она не может существовать в долгосрочной перспективе. Плохо работающие местные чиновники должны «отвечать» не перед самодержавным царем, а перед местным населением [17, стр. 250-254]. Главная санкция местного населения состоит в негативном голосовании в ходе очередных выборов. При этом срок полномочий выборных органов муниципальных образований должен быть максимально коротким. Чем он менее продолжителен – тем эффективнее действует институт ответственности органов местного самоуправления перед населением.

В связи с этим заслуживает критической оценки стремление современного законодательства к активизации и расширению «бюрократических» форм назначения на должности муниципальных чиновников в ущерб институту их выборности. Особенно это касается глав муниципальных образований, наделенных максимальными полномочиями по организации жизнедеятельности муниципалитетов и решению вопросов местного значения [4]. Ответственность глав муниципальных образований перед населением эффективно обеспечивается в случае их непосредственной выборности гражданами. Менее эффективна эта ответственность при избрании их из числа депутатов. Если же глава муниципального образования назначается представительным органом из числа кандидатов, предложенных конкурсной комиссией – его ответственность перед населением становится невозможной. В лучшем случае – это ответственность перед представительным органом муниципального образования. Чаще всего – ответственность перед государством. Ограничивая возможности местного населения непосредственно влиять на процесс назначения глав местных муниципалитетов, государство тем самым лишается важной социальной базы своего функционирования.

Ответственность в ретроспективном смысле предполагает *санкцию*. Если органы местного самоуправления несут ответственность перед населением – к ним должны применяться соответствующие меры. Задача законодателя состоит

в институционализации «карательного инструментария», достаточно развернутого и адекватного применительно к данному виду публичной деятельности. Формы ответственности представительных органов перед населением, как правило, сводятся к «не избранию» или досрочному отзыву конкретных депутатов [15]. В условиях мажоритарного представительства это действует лучше, чем в случае применения пропорциональной избирательной системы (сохранение численного представительства политической партии при ротации депутатов от этой партии не создает ничего, кроме «иллюзии» ретроспективной ответственности депутатского корпуса перед населением, т.к. представительство самой партии остается неизменным).

Ответственность глав муниципальных образований и, особенно, местных администраций перед населением может пониматься более широко, чем их ответственность *непосредственно* перед гражданами. Формы ответственности могут быть расширены благодаря институту народного представительства, включая *вотум доверия или недоверия, решение о досрочном прекращении полномочий* со стороны представительного органа муниципального образования. Этому могут предшествовать такие виды контрольной деятельности народного представительства, как *вопросы, запросы, депутатское расследование, интерпелляция, оценка деятельности*. Федеральный закон не запрещает, чтобы данные институты учреждались уставами муниципальных образований, но и не обязывает их к этому. С теоретико-методологических позиций подобные формы могут пониматься и как ответственность исполнительно-распорядительных органов перед органами народного представительства, не перед населением. Однако это не умаляет их эффективности и важности значения.

Контрольная деятельность народного представительства получила широкое распространение в конституционном праве зарубежных стран, однако в современной России она используется фрагментарно и сравнительно редко. Институты «парламентского расследования», «интерпелляции» или «вотума недоверия» воспринимаются скорее как зарубежная экзотика, чем устоявшаяся отечественная практика [2]. Конечно, их нельзя понимать в качестве некоторых безусловных «стандартов» конституционной демократии,

одинаково необходимых во всех странах земного шара вне зависимости от уровня и исторического этапа их развития. Однако некоторые институты представляются более чем очевидными, следующими из самой природы народного представительства. Так, *право на интерпелляцию* означает гарантированную законом возможность представительного органа потребовать объяснений со стороны исполнительно-распорядительного органа по тому или иному вопросу общественной значимости, входящему в компетенцию последнего. *Право на оценку*

деятельности, на доверие или недоверие вообще должен иметь любой субъект народного представительства в силу его демократической легитимности, коллегиальности и выборности. Что касается права представительного органа муниципального образования на досрочное прекращение полномочий других органов местного самоуправления – этот вопрос разрешается неоднозначно в законодательстве России и зарубежных стран. В связи с этим возможны дифференцированные нормативно-правовые решения в деятельности муниципальных образований нашей страны.

Список литературы

1. Власов В.А. Актуальные вопросы ответственности органов самоуправления перед населением // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 8. – С. 33-35.
2. Волчкова Н.Н. Парламентский контроль в зарубежных странах и возможности его использования в современной России // Современное общество и право. – 2013. – № 1. – С. 96-103.
3. Горулько И.А. Значение категорического императива для государственно-правовых взглядов Канта // Современные вопросы юридической науки и практики. Материалы общероссийской научно-практической конференции 14-15 ноября 2008 года / Отв. ред.: Н.С.Ельцов. – Тамбов: ТГУ, 2008. – С. 67-73.
4. Джагарян Н.В. Конкурсный глава муниципального образования (местной администрации): особенности легитимации и проблемы совершенствования правового статуса // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 66-72.
5. Кавунова Е.С. Понятие и содержание «категорического императива» Канта // Буква и дух закона. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2011. – 62-66.
6. Комаров С.А., Чепус А.В. Позитивная юридическая ответственность: проблемы классификации // Юридическая мысль. – 2015. – № 5. – С. 35-42.
7. Кондрашев А.А. Позитивная ответственность органов государственной власти в конституционном законодательстве Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 4. – С. 22-25.
8. Коробов А.Е., Хохлов Е.Б. Позитивная ответственность как теоретическая и практическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 3. – С. 4-13.
9. Кочеткова Н.В. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 6. – С. 39-41.
10. Крусс В.И. Конституционная презумпция добросовестности и проблемы ее отраслевой «конкретизации» // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника». № 4 / Гл. ред.: В.М.Баранов. – Нижний Новгород, 2010. – С. 276-289.
11. Кузько А.В. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
12. Легостаева В.В. Правовая социализация личности и позитивная юридическая ответственность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2012. – № 2. – С. 9-12.
13. Лисовицкий Д.А. Правовое регулирование ответственности выборных лиц местного самоуправления и выборных муниципальных органов перед населением: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
14. Мосин С.А. Презумпция добросовестности законодателя как презумпция конституционного права // Очерки сравнительно-исторического правоведения Межкафедральный сборник факультета права ГУ. Межкафедральный сборник факультета права ГУ-ВШЭ. Вып. 2 / Под общ. ред. В.А.Виноградова. – М.: СИП РИА, 2005. – С. 114-118.
15. Нудненко Л.А. Досрочный отзыв депутата, выборного должностного лица местного самоуправления – конституционный деликт // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. Научное издание / Под ред. С.А.Авакьяна. – М.: МГУ, 2001. – С. 391-395.
16. Пономарева В.О. Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед государством: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006.
17. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Эксмо, 2016. – 608 с.

АУБАКИРОВА Индира Ураловна,

доцент кафедры теории и истории государства и права Казахского гуманитарно-юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Астана, Казахстан)

E-mail: indastana@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

АБСОЛЮТИЗМ И ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Рассматривается процесс развития системы государственного управления в России и Казахстане в период XVIII-XIX вв. Анализируются особенности социальной структуры, политико-правовые институты, ценности, свойственные общественному сознанию евразийских народов. Отмечается, что из важных детерминант евразийской модели управления государственно-организованным обществом является политико-правовая традиция.*

***Ключевые слова:** государственное управление; Российская империя; Казахстан; евразийские народы; политико-правовая традиция.*

AUBAKIROVA I.U.

ABSOLUTISM AND THE PROCESS OF FORMATION OF A MODERN STATE

***The summary.** The process of developing the system of public administration in Russia and Kazakhstan in the period of the XVIII-XIX centuries is considered. The features of the social structure, political and legal institutions, values characteristic of the public consciousness of the Eurasian peoples are analyzed. It is noted that the politico-legal tradition is one of the important determinants of the Eurasian model of governance of a state-organized society.*

***Key words:** public administration; Russian empire; Kazakhstan; the Eurasian peoples; political and legal tradition.*

Политико-правовая история развития общества свидетельствует о том, что между ранним традиционным государством и государством модерна наблюдается переходный период. Именно через переходный период народы познают абсолютизм, аппарат полицейского государства, который способствует созданию целостности государственной власти и ее функционированию на основе бюрократии. Именно абсолютизм помогает запустить процесс строительства современного государства, так как все большая централизация власти приводит к формированию нового типа аппарата управления, который и включает в себя начала регулярной бюрократии

и армии [40, стр. 103].

В России переход к абсолютизму совершился при Петре Великом, когда государство становится тем, к чему оно вольно или невольно стремилось после распада Золотой Орды – Империей. Созданная Петром государственная система не имела аналогов в истории: «Проведенная им принудительная модернизация посредством тотальной милитаризации жизненного уклада была по тем временам беспрецедентной. Милитаризация повседневности не была личным изобретением Петра. Он выступал наследником традиции, сложившейся в монгольскую эпоху и получившей развитие в

послемонгольский период: на нее опирались и московские Рюриковичи, и первые Романовы. Но в превращении милитаризации в инструмент модернизации, включавшей форсированное создание индустриального сектора экономики, принудительное преобразование культурного кода элиты и столь же принудительное комплектование постоянной профессиональной армии, у русского реформатора не было предшественников ни за рубежом, ни на родине» [5, стр. 328].

По мнению Н.Н. Алексева, «Петр сильно содействовал укреплению начал западного абсолютизма, который смотрит на царскую власть как на право» [4, стр. 333], но не как на статус, предполагающий прежде всего нравственную обязанность, нравственную ответственность. Ранее закон восполнял лишь недостаточную силу обычая, теперь в руках Петра I «закон стал и транслятором реформаторской воли власти в самые разные сферы жизнедеятельности и человеческих отношений. При этом универсальность юридического принципа подчеркивалась как тем, что самодержавная власть начала легитимировать себя не от имени Бога, а от имени закона, так и декларациями... о том, что законопослушание обязательно не только для подданных, но и для самого царя. Разумеется, при сохранении неограниченной самодержавной власти это были всего лишь декларации», что «оставляло широкие возможности для произвола, которыми Петр пользовался сполна» [5, стр. 329-330]. В ракурсе последствий петровских реформ Н.С. Трубецкой констатирует: «Некоторые основные движущие факторы европейской духовной культуры (напр. европейское правосознание) русскими верхами усваивались плохо, народом совсем не усваивались» [37, стр. 27].

Для понимания модели управления, которая сложилась при Петре I, следует обратиться к толкованию артикула 20 «Артикула воинскому» 1715 года, в котором указано, что «его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» [29, стр. 332]. Всестороннее обоснование обязанности беспрекословного повиновения центральной власти, в том числе священнослужителей, получило обоснование в петровский период, прежде всего, в трудах Феофана Прокоповича, согласно

которому, как все «верховой власти подлежат», так «и пастырие, и училилие, и просто вси духовнии имеют собственное свое дело, еже бытии служители божиими и стоители тайн его, обаче и повелению властей державных покорены суть» [35, стр. 179].

Повсеместно, где устанавливалась абсолютная монархия, в общественном сознании культивировалось, что только верховный правитель имеет право легитимно вершить государственные дела. И правление Петра I в этом плане – не исключение, а скорее закономерность. Вместе с тем, на Западе расширение власти монарха, усиление административной власти «усиливало и зависимость государства от кооперативных форм социальных отношений; для государства стало невозможным управлять своими делами и осуществлять свои функции и деятельность лишь путем принуждения. В результате укреплялось взаимодействие между правителями и управляемыми, а чем больше оно укреплялось, тем больше возможностей возникало и для подчиненных групп для воздействия на своих правителей». Иными словами, абсолютизм имел следствием появление социальных институтов, влияющих на установление границ государственного воздействия, появление конституционализма [40, стр. 103-104].

В России государственная власть не воспринималась в контексте договорных отношений равноправных субъектов, согласно которым общество жертвует частью свободы в обмен на определенные обязанности государства. Государство, по сути, это и есть общество, а государь находится как бы вне его, над ним, он правитель, освященный Божественной волей, которого невозможно противопоставить обществу как родителя своим детям. Подобное восприятие легло в основу формирования еще одной особенности политико-правового развития России: в отличие от Европы, где власть церкви стала действенным противовесом верховной власти в государстве, что послужило важной предпосылкой появления ограниченных монархий, здесь такой ограничитель отсутствовал. Ограничителем власти на евразийском пространстве призваны были выступать нравственно-этические факторы, понимание правителем своей заданной свыше миссии, долга перед народом. В этом проявилась существенное отличие российской модели государственного управления от европейской [17, стр. 45].

Еще перед московскими царями, рассуждают евразийцы, вставала сложная задача, с одной стороны, заимствования технических достижений Запада, но «с другой стороны, надо было опасаться того, как бы при этом не попасть в культурную, духовную зависимость от Европы». Петр I, выполняя эту задачу для укрепления военной мощи России, вместе с тем, «наносил русскому национальному чувству самые тяжелые оскорбления и разрушал все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России», когда поколеблены были «не только государственно-идеологические, но и религиозные и нравственные устои» [4, стр. 239]. Реформы в системе государственного управления проводились в соответствии с общей идеологией отказа от политики почвенничества и опоры на национальные традиции. За основу был взят не собственный духовный опыт, а копирование европейского цивилизационного проекта, и Россия «фактически стала «подпространством» Европы, периферией ее цивилизации» [41, стр. 12-13].

Особенности социальной структуры находили отражение в политико-правовых институтах, и одной из таких заметных особенностей являлась общинность в России и родовой уклад кочевого общества в Казахстане. Функции самоуправленческих органов в казахском обществе были аналогичны функциональным основам русских общинных сходок. Индивидуальные права и свободы выступали в коллективном облики. Защита прав индивида напрямую зависела от общинно-родовой солидарности: он находился под защитой своей общины или рода, который, вместе с тем, нес коллективную ответственность за действия своих членов. Устойчивость коллективистских ценностей в общественном сознании во многом можно объяснить необходимостью приспособления к суровым условиям жизни. В рамках социальной солидарности обеспечивалась воспроизводство социума и устойчивость его организационно-политической формы – государственности. В казахском обществе, пишет С.З. Зиманов, необходимость коллективных усилий в преодолении трудностей, борьбе со стихийными бедствиями и защите от нападений извне во многом обуславливали существование коллективных институтов в общественных отношениях, элементов круговой поруки [15, стр. 27].

Казахстанским исследователем приводятся следующая пословица, иллюстрирующая

коллективистское сознание: «Если хочешь пить – иди к реке, если обвинен в чем-то – иди к народу» [22, стр. 25]. Такие же сюжеты характерны и для русских пословиц, к примеру, «на миру и смерть красна». Индивидуалистические ценности были чужды для евразийской политико-правовой культуры. Простая истина о том, что только следование общим интересам позволяет отдельной личности выжить, вошла в самые глубины сознания российского и казахстанского народов, ее жизнеспособность подтверждалась опытом многих поколений.

В России и Казахстане собственность имела общинный (родовой) характер. Так, В.В. Радлов, отмечая возникновение противоречий интересов соседних племен, «показанным еще в Книге Бытия в столкновении пастухов Авраама и Лотта», пишет: «Стало быть, начинается какое-то разделение земли: племя или племенное подразделение рассматривает свою территорию как свою собственность и не терпит вторжения на нее соседей». В казахском обществе принадлежность земли регулировалась нормами обычного права и могла изменяться по коллегиальному решению биев [27, стр. 256]. Специфичным было и отношение к частной собственности в российском обществе. Как отмечается в научной литературе, идея частной собственности и права на нее в России была чужда, как чужда была и столь же универсально-абстрактная идея права в широком смысле слова [5, стр. 283].

Для общественного сознания евразийских народов были свойственны уравнивательные ценности, казачий идеал вольницы, сочетающийся при этом с установкой на сильную власть государства, отсутствие собственнических архетипов, восприятие права в морально-нравственных категориях, когда важна не *правовая (формальная) истина, а справедливая истина (правда)*, отсутствие индивидуалистических начал.

Начало XVIII века принесло Казахстану ослабление ханской власти (после смерти хана Тауке в 1718 году) и разделение на три жуза в условиях, когда народ больше всего нуждался в сильной центральной власти: шла кровопролитная война с джунгарскими войсками, на юге участились походы среднеазиатских правителей. Глубокий экономический и социальный кризис обусловил политико-управленческий кризис. После обращения хана Младшего жуза

Абулхаира о присоединении к императрице Анне Иоановне и последующего вхождения Казахстана в состав Российского государства, судьба казахского народа стала тесно связанной с судьбой русского народа. Казахстанский правовед Е.М. Абайдельдинов резюмирует, что «стратегический союз тюрков и славян был исторически неизбежен и принес много положительного обоим этносам, и одним из положительных в свое историческое время явлений была тюрко-монгольская государственно-правовая система» [1, стр. 105-106].

Рассмотрение политико-правовой динамики Казахстана в контексте вхождения в состав России в досоветский период возможно на основе следующей периодизации:

- 1) 30-40-гг. XVIII в. – время формально-правового сюзеренитета Российской империи на казахское население Младшего и частично Среднего жуза;
- 2) 50-е гг. XVIII – начало XIX в. – эпоха постепенного утверждения государственно-политического протектората Российского самодержавия над казахскими жузами;
- 3) 20-е – середина 50-х гг. XIX в. – период глубокого реформирования всех институтов власти в Казахстане;
- 4) Конец 50-х – 60-е гг. XIX в. – период утверждения русского суверенитета на всем географическом пространстве региона и вовлечение всех казахских социально-территориальных групп в административно-политическую систему России [23, стр. 172-175].

Государственное управление в начальный период присоединения Казахстана к России характеризуется как «формально-правовой сюзеренитет» или «протекторатно-вассалитетные отношения» [13]. В XIX веке возрастает потребность в глубоком реформировании местных государственно-правовых институтов, что обуславливалось императивами молодого промышленного капитала, нуждавшегося в торговле с восточными рынками, рынках сбыта и сырьевых ресурсах. Капиталистические отношения начинают со всей большей интенсивностью проникать в степные пространства, вовлекая в торгово-рыночные отношения и представителей местного сообщества. В этих условиях деятельность российской администрации по кардинальному преобразованию местных политических

и правовых институтов была связана, прежде всего, со стремлением придать административно-политическую определенность (упорядоченность) в управлении делами местного общества, установление размеров податей и видов повинностей, создание политико-правовых условий для дальнейшего развития торгово-экономических отношений.

Разработанный М.М. Сперанским Устав «Об управлении инородцев» (1822 г.) стал первым правовым актом, установившим административно-территориальный принцип управления, детально регламентировавшим отношения в сфере управления и взаимодействие государственно-административных органов с местным населением. Устав законодательно закрепил «права кочующих инородцев», которые были отнесены к особому сословию [38].

С началом проведения административно-правовых реформ М. Сперанского в 20-х годах XIX века и последующих реформ 1867-1886 и 1891 годов (с упразднением института ханской власти, устранением легального статуса бийских судов)*, происходит трансформация политико-правовых институтов казахского общества в рамках единого государственно-управленческого пространства [12; 16]. Система управления в Казахстане становится одним из иерархических уровней в системе государственного управления Российской империи. Правовое регулирование и практика государственного управления в указанный период характеризуется сопряжением общеимперских правовых норм с местными правовыми традициями.

На практике процесс административно-правовых преобразований в степи, связанный со сломом традиционных институтов системы политико-правовой регуляции, носил сложный характер. Как констатирует А.А. Никишенков, если в старину в степи местные правители не могла попирали интересы народа, поскольку он был вооружен и, по обычаю, имел право отстаивать их, то теперь любые не санкционированные вооруженные действия объявлялись преступлением, а местные правители получали возможность войти в состав низового звена российской администрации в качестве волостных управителей, аульных старшин и их «ясаулов». «Все это внесло кардинальные изменения в правовую культуру степняков – родопривилегии благодаря своему новому российскому статусу выходили

из юрисдикции судов биев, получали решающее влияние на процесс выдвижения биев и, в конце концов, могли творить любой произвол» [33, стр. 13].

По этим причинам Ч. Валиханов, исследовавший особенности организации судебной власти в казахском обществе, выступал за эволюционность преобразований, в частности, сохранение института суда биев. В работе «Записка о судебной реформе» (1864 г.) он писал: «Для народа хороший закон – тот, который более ему известен, в условиях которого человек вырос и воспитывался. Такой закон, как бы он ни был несовершенен, должен казаться ему (народу) лучше, понятнее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху» [8, стр. 4].

Нельзя не отметить, что в управлении делами государства и правовой политике наблюдалось стремление центральной власти проводить гибкую политику взаимоотношений с местными народами, о чем свидетельствуют широкие налоговые льготы, запрещение внедрения в Поволжье и Сибири крепостного права, выдвижение на привилегированные позиции местной элиты, запрет на насильственную христианизацию и т.д. [24, стр. 48]. А.Д. Градовским рассматриваются нормы Свода законов Российской империи, в том числе регламентирующие общественные отношения, связанные с сибирскими киргизами (т.е. казахами), которым «по их правам и по управлению ими» был предоставлен особый статус. Согласно указанному Своду законов казахи были избавлены от участия в повинностях и содержании степного управления, для них были установлены изъятия в порядке сбора ясака, им было предоставлено право беспрепятственно поступать в другое государственное сословие, определяться на службу и записываться в гильдию, «где кто пожелает», причем, вступая в податное сословие, они пользовались пятилетней льготой от платежа податей, каждый имел право отдавать своих детей в любые учебные заведения империи, султаны освобождались от телесных наказаний и были вправе посылать «депутатов в столицу на счет округа и по желанию народа». Воспрещалось самовольно селиться на отведенных в право пользования казахами землях [10, стр. 416].

Так или иначе, со снижением роли норм обычного права как системообразующего регулятора общественной жизнедеятельности,

политико-правовая структура казахского традиционного общества проходит процесс болезненной, но, по сути, неизбежной в условиях нахождения в едином государственном пространстве, трансформации в направлении гармонизации с российской политико-правовой системой. Б.М. Абдрахманова констатирует: «Только по мере оседания номадов, перехода их к земледелию и иным видам хозяйственной деятельности, втягивания в рыночные, товарно-денежные капиталистические отношения в их социально-экономической структуре наступают принципиальные изменения. Причины, приводящие к таким последствиям, были заложены в комплексе воздействовавших на казахское общество факторов, которые привносила Россия. Одним из составляющих настоящий комплекс факторов являлась российская административно-политическая система, развивавшаяся в казахских землях в течение XIX века» [2, стр. 135].

Для России XIX век стал важной вехой на пути дальнейших реформ в сфере управления делами государства. Инициированные правящей элитой политико-правовые и экономические преобразования имели целью обеспечить компромисс между самодержавной природой государственного управления и либерально-рыночными началами общественной эволюции. Стоит при этом отметить, что так же, как и в казахском традиционном обществе, в котором основным социальным регулятором и в XIX веке оставались обычно-правовые нормы, общественные отношения с трудом поддавались трансформации: «Самоуправление и самодеятельность народа на всех его уровнях присущи российской цивилизации на всех ее этапах развития. Обычное право и государственные и политические обычаи вплоть до середины XVII века были основными в деятельности Московского государства. А в народной среде они оставались такими и в XIX веке» [20, стр. 27].

Реформы в России осуществлялись в рамках этатистской модели развития. «Петр Великий и его наследники, – рассуждает Р. Давид, – оставили России систему управления по западному образцу, но их мероприятия не затронули частного права и поэтому не шли вглубь. Русский народ продолжал жить в соответствии с обычаями, только управляла им более эффективная и властная администрация». Писаное русское право «было чуждо народному сознанию... Крестьянская масса продолжала

жить согласно своим обычаям; существенной для нее представлялась не индивидуальная собственность, а семейная (двор) или община (мир); правосудие для нее представлялось справедливостью в том виде, в каком оно воплощалось волостным судом, состоявшим из судей-неюристов... Созданное законодательным путем, право представляло собой не выражение сознания и традиции народа, как в других странах Европы, а произвольное творение самодержавного властителя, привилегию буржуазии... Юристы являлись скорее слугами царя и государства, чем слугами народа, им не хватало общего профессионального духа» [11, стр. 117-119].

Между тем, как показывает М. Вебер, на Западе именно взаимодействие юристов и частных предпринимателей стало одним из оснований появления рационального бюрократического государства [44, р. 1395]. Современное западное государство, по П. Бурдьё, «есть *factio juris* – выдумка юристов, участвовавших в производстве государства, создавая теорию государства», и тексты, с помощью которых они навязывают свое видение государства и, в частности, идею «общественной пользы», являются в то же время стратегиями [7, стр. 279-280].

По мере развития капиталистических отношений в России и осуществления государственных преобразований начинает интенсивно развиваться юридическое образование. Развитие русской правовой культуры на протяжении XVIII века характеризуется двумя взаимосвязанными процессами – формированием системы юридического образования и основ научной юриспруденции [34, стр. 7]. С начала XIX века формируются свои, российские, школы права и корпорация юристов-правоведов. С введением аттестационных экзаменов для занятия государственных должностей все большее число чиновников начинает стремиться к освоению основ юридических знаний [19, стр. 39-49]. Русское юридическое образование, констатирует Н.М. Коркунов, имеет хоть и краткую, но яркую историю: оно начало развиваться не ранее XVIII века, но уже в течение полутора веков юридическое образование и наука «успели наверстать» отделившуюся от западных юристов разницу в шесть с лишним веков. При этом, юридическая наука в России отнюдь не была «зеркальным слепком» западной науки, о чем свидетельствует оригинальный характер воззрений российских ученых-юристов

[43, стр. 47-49].

В XIX веке усиливается тенденция, когда закон постепенно начинает занимать место обычая, а монарх в общественном сознании восприниматься не только как «отец нации», а как хранитель законности. С 1 января 1835 года вводится в действие Свод законов Российской империи, чему предшествовала многолетняя работа, начатая еще при Екатерине II**. Идейное содержание свода законов отражало борьбу двух тенденций – либеральной (правовые проекты М.М. Сперанского) и консервативной («Записка о древней и новой России» Карамзина), в которой верх одержала вторая [19, стр. 42-43]. Статья 1 закрепляла идею самодержавной власти: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Смертная казнь грозила всякому, кто имел даже умысел на покушение на особу и власть императора [18, стр. 397]. Из чего следует, что этатизм оставался доминирующей тенденцией развития российской государственности.

Государство во второй половине XIX века проводит политику в русле «консервативной модернизации», следствием которой становится появление в правовой культуре новых элементов [19, стр. 50]. Отмена крепостного права, принятие «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», городская, судебная, полицейская и военная реформы, расширили рамки для развития демократической формы взаимодействия правящих и управляемых и формирования гражданского общества в России. Закрепляются принципы, не преследующие такую цель, но объективно ведущие к ограничению всевластия монархии. В основу преобразований реформы 1864 г. ложится принцип разделения властей: судебная власть отделялась от законодательной, исполнительной, административной. В соответствующем законе закрепляется, что в судебном процессе «власть обвинительная отделяется от судебной». Провозглашается равенство всех перед законом [18, стр. 437]. Из субъектов, на которых возложены обязанности, индивиды формально становятся субъектами прав, тем самым закладываются основания для укрепления их гражданского статуса.

Кардинальные реформы, инициированные Александром II, в своей основе содержали своеобразный компромисс самодержавных начал с

элементами европейской демократии. Они заложили важные основы для политико-правовой модернизации России, однако на практике осуществлялись не всегда последовательно. Так, в литературе отмечается, что модернизация на крестьянское большинство распространялась весьма ограниченно, на селе «еще долго будет доминировать обычное право, основанное на традиции, а не на законе... Правовая обособленность крестьян обуславливалась как опасениями властей, пытавшихся изолировать деревню от влияния города, так и архаичной культурой самих крестьян. Они предпочитали разбирать большинство конфликтов в общине, руководствуясь понятными им обычаями, потому что правовые абстракции их сознанием не были освоены, а юридически-судебные процедуры, на этих абстракциях основанные, казались чуждыми и доверия не вызывали» [5, стр. 260]. При этом подобное «синтезирование европейской культуры с традиционализмом повлекло изменение общественного сознания, когда «идеализм «беззаветного служения» царю сменился идеализмом «беззаветного служения» народу, не оставив места ни для европейского индивидуалистического утилитаризма, ни для европейского либерализма [5, стр. 264].

Следующая попытка «вкрапления» в традиционную властно-управленческую систему элементов демократии была предпринята с наступлением XX века. В государственном управлении России инициируются изменения, получившие формальное закрепление в 1906 году в нормах Основных законов, согласно которым власть монарха ограничивается, устанавливается переход к конституционной форме правления. В России формируется своеобразная форма конституционализма. Монархия сохранила за собой важные прерогативы, избирательная система отдавала предпочтение имущим, разделение властей носило ограниченный характер [19, стр. 67].

Евразийская модель управления делами государства складывалась в условиях практически военного противодействия внешним враждебным силам, внутренней неустойчивости и волнениям, что обуславливало потребность в сильной власти, способной мобилизовать общество для ответа на возникающие вызовы. «Государства, охватывавшие собой сколько-нибудь значительные пространства Евразии, – пишет Г.В. Вернадский,

– имеют общие черты внутреннего политического строя. Освоение больших пространств – притом пространств степных или лесостепных – требует крепкой государственной организации, сильной и жесткой правительственной власти» [9, стр. 20]. По мнению М.В. Шахматова, «только подвигами силы удавалось сохранить государство» [21, стр. 16].

Одной из существенных черт институционализации государственного управления, усиливающейся с петровских времен, становится постоянная конкуренция двух тенденций: с одной стороны, ориентация правящей элиты на поддержание и обеспечение нужд «сильного централизованного государства», с другой, – консервация самоуправленческих начал в жизнедеятельности местной общины и начал степной демократии, тяга к казацкой вольнице, когда проблемы с властью решаются не путем договора с нею, а уходом на окраины (откочевкой на другие территории). Внизу традиционно доминирует обычно-правовой способ нормативности. «Общинно-вечевые государственно-правовые традиции, ценности и институты, видоизменяясь и модифицируясь на протяжении тысячелетия российской государственности, являлись основной константой ее сохранения и развития», – отмечается правоведами [20, стр. 26].

При этом жизнеспособность евразийской государственности во многом обуславливалась фактором консолидированности общества, «когда правящая верхушка не отрывалась от народной массы и внутренние подпочвенные воды питали власть». Этой цели в допетровский период призвана была служить «достаточно гибкая социально-государственная организация», в которой большое значение «имели сами формы совещаний правительственной власти с исполнительными деятелями (причем эти последние связаны были с местными мирами). Таковы монгольский курултай и московский земский собор» [9, стр. 21].

Чиновничество представляло собой «служилое сословие», основной задачей которого является выполнение воли субъекта верховной власти, личное служение правителю, которое воплощает и все остальные формы служения (государству, народу, обществу) [28, стр. 65-66]. При этом для евразийской политико-правовой традиции свойственна *персонифицированность* (отсутствие признака обезличенности) власти.

Индивидуальное правосознание, ценностные установки конкретных правителей находили отражение в государственно-управленческой сфере. Например, просвещенный абсолютизм Екатерины II, полицейский стиль правления Николая I проецировались на ход развития всей государственной машины.

В России «длительное время понятие закона ассоциировалось исключительно с единоличной волей «государя». В Основных Законах 1906 года [42] определенно просматривалась попытка установить «различие между законами и другими высочайшими повелениями». Однако практически никакого различия между законом и указом не было. Основные Законы были последовательны в своей основополагающей идее, что «власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору» [14, стр. 42-44].

В жизненных реалиях не столько хороший закон гарантировал безопасность и благополучие отдельного индивида, сколько добрая воля и сила верховной власти. Поэтому больше верили не правовым законам и нормам, а правителям, выступающим от имени государства [39, стр. 202]. При этом в общественном сознании ограничителем произвола власти призваны выступать не законы, права и свободы или само гражданское общество, а нравственный долг, чувство ответственности за народ: «В праве царя на распоряжение никто не сомневался, но столь же мало сомнения было и в том, что истинный, православный царь определяет свою власть и сознанием нравственных обязанностей, на нем лежащих» [4, стр. 166]. По Н.С. Трубецкому, царь в российской истории всегда олицетворял национальную волю, и «в качестве такого человека, воплощающего в себе волю национального целого, царь мыслился и как принимающий нравственную ответственность пред Богом за грехи нации, а потому царствование представлялось как известного рода нравственный подвиг. Однако «даже при наилучшем царе агенты государственной власти могут совершать злоупотребления, о которых царь неосведомлен. Эта «неправда» отдельных агентов власти, неизбежная с точки зрения христианского взгляда на нравственное несовершенство человеческой природы и на то, что «мир во зле лежит», не считалась противоречащей тому принципу, что царь во всем своем управлении стремится осуществить на земле «правду»: злоупотребления

агентов власти приписывались естественному факту неведения царя» [36, стр. 232-234].

Для евразийского пространства исторически характерна модель организации государственной деятельности, которая может быть охарактеризована как *патерналистская*. Высший субъект государственной власти, облеченный наибольшей полнотой полномочий в области государственного управления, в данной системе нравственно-правовых координат воспринимается как «отец», а прочие должностные лица – как «члены семейства». Патерналистская модель тесно связана с концепцией «сильного государства»: последнее легитимно только в том случае, если способно исполнять определенные «опекунские» социальные функции.

Для евразийского типа политико-правовой культуры *институт частной собственности* не имел того священного статуса, той особой ценности, как в западном. Задачу развития предпринимательской среды брало на себя государство. Это можно проследить на примере пожалования земель в собственность за службу государю, на основе которой сформировался кластер дворянского землевладения, являвшийся самым значительным в доле частной собственности. Государство было одним из крупных собственников, уклад экономики формировался в рамках государственного капитализма***.

Система государственного управления распределялась на центральную и периферическую подсистемы. Периферическая подсистема состояла из органов управления на местах. В юридической литературе отмечается, что «управление в России в дореволюционный период состояло из двух элементов: управления верховного, выполняемого лично монархом, и управления подчиненного, принадлежащего отдельным правительственным учреждениям. Правительственные учреждения помогали монарху также и в делах верховного управления, но там характер их деятельности был вспомогательным; в подчиненном же управлении деятельность этих учреждений получала вполне самостоятельное значение» [26, стр. 42]. Исторически сформировавшееся сочетание центральной и периферической подсистем государственного управления являлось закономерным следствием географической протяженности территории государства, обеспечивавшим его эффективность, диалектическое единство целого и части. Но при

этом *качественных* различий в *способах управления* в центре и периферии (окраинах) не было: модель взаимодействия власти и общества по существу повсеместно была схожей.

Помимо общих черт развитие государственного управления в России и Казахстане имело свои *особенности*. Спецификой управления делами государства в России являлось то, что периодически, нередко в зависимости от личных побуждений конкретного правителя, осуществлялись реформы, зачастую в последующем отказ от них, а то и проведение антиреформ. При этом, сдерживающим фактором выступала не только персонифицированность власти: «Россия в силу своего сложного геополитического положения – прежде всего огромной протяженности территории, ее слабой освоенности и неблагоприятного климата, – медленно накапливала необходимые предпосылки для модернизации» [30, стр. 202].

Политико-правовые институты Казахстана на протяжении веков не подвергались глубинной трансформации, в чем отражался традиционный уклад кочевнического социума, воспроизводство которого основывается на поиске гармонии с окружающей средой и внутреннего равновесия,

между тем как преобразования с неизбежностью увеличивают угрозу и риски подрыва самих сущностных устоев подобного бытия. Первым существенным институциональным преобразованием старт был дан в начале XIX века, когда политико-правовое устройство казахского традиционного общества подверглось реформированию.

В целом же, проведение исторических параллелей развития России и Казахстана свидетельствует о тесном взаимодействии происходивших в них на протяжении многих столетий социально-политических процессов и складывании особой, промежуточной между западной и восточной, цивилизационной матрицы – евразийской. В евразийских государствах сложилась своеобразная политико-правовая традиция, сформировавшаяся под влиянием множества факторов географического, климатического, политического, экономического, социального характера, а также пребывания на протяжении долгих периодов в рамках одних государственных образований [6; 31; 32]. Политико-правовая традиция стала одной из важных детерминант евразийской модели управления государственно-организованным обществом.

Примечания

- * В 1824 году был утвержден новый порядок управления в западных областях Казахстана (казахских землях Оренбургского ведомства).
- ** Примечательно, что на предложение Вольтера установить единые законы для всех народов России, Екатерина II (находившаяся в это время в Оренбурге) отвечает в своем письме: «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы, и для Азии; какое различие климата, жителей, привычек, понятий. Я теперь в Азии <и всё> вижу своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другой не похожих. Однако ж необходимо шить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять» [25, стр. 31].
- *** По Н.Н. Алексееву, «существенную роль в усилении государственной власти играет особое положение государства в хозяйственной жизни страны. Государственное хозяйство в России было всегда сильно – и в эпоху Московской Руси и в первый период жизни Империи. Самый русский капитализм в значительной степени воспитан государством. В эпоху капиталистического развития роль государства в русском хозяйстве уменьшилась, но все же не прекратилась, – хотя бы в виде постоянных покровительственных пошлин» [3, стр. 102].

Список литературы

1. Абайдельдинов Е.М. Соотношение международного права и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности). – Алматы: Юридическая литература, 2006. – 271 с.
2. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. – 137 с.
3. Алексеев Н.Н. О будущем государственном строе России // Новый град. 1938. № 13. – С. 91-114.

4. Алексеев Н.Н. Обязанность и право // Н.Н. Алексеев. Русский народ и государство. – М., 2003.
5. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новое издательство, 2013. – 496 с.
6. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
7. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // П. Бурдые. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
8. Валиханов Ч. Записка о судебной реформе / Вступ. статья и прим. С.Ф. Ударцева. – Алматы: ВШП «Адilet», 1999. – 102 с.
9. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2008. – 336 с.
10. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: О государственном устройстве. В 2 т. Т.1. / Под ред., с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 470 с.
11. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. / Пер. В.А. Туманов – М.: Международные отношения, 2003. – 400 с.
12. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. – Алматы: Жеты-Жаргы, 1996. – 352 с.
13. Жиренчин К.А. Правовое положение Казахстана в составе Российской Империи в XVIII веке // Юридические науки. Сборник КазГУ. Вып. 4. – Алма-Ата, 1974. – С.29-31.
14. Закон: создание и толкование / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Спарк, 1998. – 283 с..
15. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. – Алма-Ата: АН КазССР, 1958. – 293 с.
16. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. – Алма-Ата: АН КазССР, 1960. – 280 с.
17. Исаев И. Евразийство – идеология государственности. – М., 1994.
18. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – М.: Юристъ, 2004. – 797 с.
19. Исаев И.А. Правовая культура России: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2013. – 96 с.
20. Костенко В.И. Общетеоретические государственно-правовые проблемы становления и развития российской политической культуры: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 54 с.
21. Крымов А.В. Евразийская идеократия и государственно-правовое учение В.С. Соловьева: Дис. ... канд. юрид. наук. – Мытищи, 2009.
22. Кшибеков Д.К. Истоки ментальности казахов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 204 с.
23. Масанов Н.Э. История Казахстана: народы и культуры: Учебное пособие. – Алматы: Дайк Пресс, 2001. – 600 с.
24. Машанова Л.В. Запад и Восток в истории России (IX-XX вв.). Ч.2. – М.: ГУУ, 2010.– 58 с.
25. Михайлов В.А. О государственно-гражданской идентичности россиян // Духовные традиции народов Евразии. – 2012. – №.1. - С. 25-31.
26. Попов Л.Л., Мигачева Е.В., Тихомиров С.В. Государственное управление в России и зарубежных странах: административно-правовые аспекты. – М.: Норма, 2012. - 320 с.
27. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 747 с.
28. Разуваев Н.В. Понятие и признаки традиционного государства // Управленческое консультирование. – 2008. – № 3. – С. 65-66.
29. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9 т. Т.4 / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1986.
30. Саломатин А.Ю. Всемирная история государства и государственного управления. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 288 с.
31. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
32. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
33. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Составитель, автор вступ. статьи, комментариев и глоссария А.А. Никишенков / Под ред. Ю.И. Семенова. – М.: Старый сад, 2000. – 289 с.
34. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: Учебное пособие. Изд. 2-ое, доп. – М.: Зерцало-М, 2012. – 232 с.
35. Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X-XVIII века. – М.: Зерцало, 2014. – 255 с.
36. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // <http://www.gumilev-center.ru/nikolajj-trubeckojj-vzglyad-na-russkuuyu-istoriyu-ne-s-zapada-a-s-vostoka/>
37. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания: Сборник статей. – Париж: Евразийское книгоиздательство,

1927. – 99 с.
38. Устав о Сибирских Киргизах // Полное собр. законов Российской Империи. Собрание Первое. В 50 т. Т.38. – СПб., 1830. – С.417-418.
39. Философия права. В 2 т. Т.2 / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2011. – 512 с.
40. Хелд Д. Модели демократии. / Пер. с англ. М. Рудакова. 3-е изд. – М.: Дело, 2014. – 544 с.
41. Шевченко В., Соколова Р., Спиридонова В. Современные проблемы Российского государства. Философские очерки. – М.: Прогресс-Традиция, 2015. – 464 с.
42. Щендригин Е.Н. Основные законы 1906 года как опыт конституционного строительства в России // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 38-42.
43. Экимов А.И. Коркунов. – М.: Юридическая литература, 1983. – 96 с.
44. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ХАМРОЕВ Шухрат Садирович,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики Российско-Таджикского
(Славянского) университета, кандидат юридиче-
ских наук, доцент, (г. Душанбе, Таджикистан)

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
жилищное право; семейное право; междуна-
родное частное право

«СВОБОДА ДОГОВОРА» КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

***Аннотация.** Рассматриваются роль принципа «свободы договора» в системе гражданско-правовых инструментариев организации и регулирования механизма рыночной формы хозяйствования в Таджикистане.*

***Ключевые слова:** рынок; гражданско-правовой договор; «свобода договора»; свобода сторон договора; свобода условий; свобода заключения договора; свобода расторжения договора.*

КНАМРОЕВ Sh.S.

«FREEDOM OF CONTRACT» AS A LEGAL INSTRUMENT FOR ORGANIZING A MARKET ECONOMY

***The summary.** Рассматриваются роль принципа «свободы договора» в системе гражданско-правовых инструментариев организации и регулирования механизма рыночной формы хозяйствования в Таджикистане.*

***Ключевые слова:** рынок; гражданско-правовой договор; «свобода договора»; свобода сторон договора; свобода условий; свобода заключения договора; свобода расторжения договора.*

Рынок – это сложное экономическое понятие, предполагающее не только взаимодействие многих участников хозяйственной деятельности по определению количества и качества производимых товаров и услуг, но и способствует развитию демократии, укрепляет социальных и правовых основ общества. В литературе рыночная экономика характеризуется как

система, основанная на частной собственности, свободе выбора и конкуренции, она опирается на личные интересы, ограничивает роль государства [35, стр. 63]. Последнее не означает, что государство никак не может участвовать в рыночных отношениях, наоборот, рынок требует непосредственного участия самого государства [30, стр. 3], в том виде «что государство в силу

объективных явлений не в состоянии принять на себя в полном объеме всю ответственность за эффективное функционирование экономики» [9, стр. 32]. То есть как самый эффективный механизм распределения ресурсов и рисков, где вмешательство государства в экономику должно быть минимальным [45, стр. 111]. Однако контроль за осуществлением всех рычагов рыночной экономики, бесспорно – это особая забота государства [7; 11; 21; 22; 37; 44].

В целом, отношения, продиктованные рыночной экономикой – это не только сложное понятие, но и сложная система отношений, где каждый участник действует на свой страх и риск. Но действуя, всякий человек имеет в виду скорее потребности других, чем свои собственные. В предпринимательстве человек нуждается в окружении сограждан. Каждый сам по себе есть цель и средство: последняя цель для себя и средство для других в попытках достичь собственных целей. Эта система отшлифована рынком [33; 27; 34; 40; 41; 42].

Также не мешает нам сказать, что рынок – это механизм взаимодействия продавцов и покупателей, реализующийся не только через рыночные цены, но и взаимное соотношение спроса и предложения, где основная форма таких взаимоотношений участников по прямому смыслу образует гражданско-правовой договор [5; 10; 19; 20]. В самом деле, роль договора в системе правовых средств регулирования общественных отношений трудно переоценить [17, стр. 130]. И с развитием правового сознания и правовой культуры интерес к нему, особенно в условиях рынка только возрастает [18, стр. 24; 38; 39].

Еще на советском этапе развития гражданско-правовой договор значился как важный фактор регулирования хозяйственных отношений, занимая преобладающее место в системе государственного управления экономики, где последнему отдавали должное внимание. Утверждением этого служит высказывание Ф.И. Гавзе: «Гражданско-правовой договор социалистического общества является правовой формой экономического оборота социалистического общества в условиях товарного производства и представляет собой направляемый плано-регулирующими мероприятиями государства общий волевой акт сторон об установлении между ними, изменении или прекращении гражданско-правового обязательства, с целью

наилучшего удовлетворения потребностей общества и отдельных его членов» [6, стр. 6].

Сегодня, роль договора значима, как и раньше. По словам М.И. Кулагина, институт договора используется сегодня не только в качестве юридической формы обмена, но и как правовой инструмент организации рыночного хозяйства, опосредующий процессы концентрации капитала и производства [29, стр. 259]. Более того, как полагает А.А. Амбалов, договорно-правовые отношения сегодня получили значительное развитие в экономической сфере, и во многом урегулированы действующим законодательством. Это подтверждается тем, что в условиях рынка договор является единственной адекватной формой обмена результатами хозяйственной деятельности [28, стр. 73].

Однако огромный созидательный потенциал договорных отношений еще не реализовался в полной мере, т.е. формирование системы договорно-правового регулирования предпринимательской деятельности еще не завершено. Совершенствование законодательного обеспечения договорных отношений продолжает оставаться одной из важных задач [4, стр. 3]. Отсюда, по словам М.Ф. Казанцева, сегодня обращение к теории договорного права востребовано нынче как никогда ранее [23, стр. 1]. На наш взгляд, эти подходы наиболее полно раскрывают не только сущность – экономическую характеристику договора, но и его формально-юридические особенности как потенциально-регулятивного способа функционирования механизма рыночной формы хозяйствования. Действительно, обеспечивая свое преобладающее качество, договор выступает как разновидность формы развития инициативности и активности сторон в плоскости успешной реализации права субъектов гражданского оборота.

Но с другой стороны, переход к рыночным отношениям зависит от развития и совершенствования новых форм и методов правового регулирования. Важным примером тому является формирование и утверждение частного права [31, стр. 4].

В этой связи, обретение государственной независимости в Таджикистане не только стало важным шагом в создании и обеспечении правовой базы в области экономики, но и в целом предпосылкой модернизации ряда законодательных актов в сфере частноправового

регулирования [13; 14; 15; 16]. Среди них важное место отводится принятию Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РФ), который был разработан на законодательной базе с учетом опыта ведущих стран рыночной ориентации экономики. В нем обобщена и учтена теория и практика рыночных отношений, опыт, накопленный в нашей стране и за рубежом. В целом принятие данного кодифицированного законодательства не только стало апогеем процесса экономического реформирования, но и гарантом перехода к новым общественно экономическим преобразованиям, где среди других институтов особо возвышается роль гражданско-правового договора. Действительно, последнее в условиях становления рынка является важным правовым средством воздействия и упорядочения экономику страны.

Более того, договор – это правовая форма, в которой проявляют себя большинство нормальных экономических отношений. Юридическая конструкция договора довольно активно применялась на разных этапах развития товарооборота [32, стр. 3]. Но фундаментом такой формы отношений, с помощью которых продавцы и покупатели товаров и услуг обеспечивают движение ресурсов, до принятия нового Гражданского кодекса, в то же время еще не потерявшего свое действие в первые годы независимого Таджикистана, отдается Гражданскому кодексу Таджикской ССР и Закону Республики Таджикистан «О защите прав потребителей» от 15 мая 1997 года (был обновлен в 2004 году) [2]. В частности, в ст. 6 Закона Республики Таджикистан «О защите прав потребителей» четко излагается, что «Продавец (изготовитель) обязан передать потребителю товар (выполнить работу, оказать услугу), качество и количество которого соответствуют договору». В дальнейшем, в соответствии с требованием рынка, основные условия договора между продавцом и покупателем регламентированы в разделе III «Общие положения о договоре» части первой нового Гражданского кодекса Республики Таджикистан. Если проследить отношения, опосредующие договорного регулирования, то ему посвящены практически все главы и разделы первой части нового ГК РФ. А в части второй Гражданского кодекса по специфике и направленности конкретизируются различные классы договорных обязательств. В этой связи, в ч.1.

ст.1 наряду с другими общественными отношениями, регулируемые нормами первой части ГК РФ, говорится, что «Гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота,... регулирует договорные и иные обязательства,... основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников». Из смысла указанной статьи вытекает, что признание принципа свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина, получившего должное законодательное оформление в этом же кодексе, послужила тенденция либерализации обязательного права, обнаружившего себя в 80-е годы. В этом периоде существенно возросла роль договора в экономических отношениях. Крах плановой экономики и демократизация общества обусловили, в том числе, и возрождение важнейшего принципа обязательного права – свободы договора в его классическом понимании [43, стр. 94].

Поэтому введение принципа свободы договора в Гражданский кодекс Республики Таджикистан в 1999 г. является существенным отступлением от имевшегося правила Гражданского кодекса советского Таджикистана, декларировавший систему «плановых договоров», «договор-задания», в соответствии с условиями и графиками, установленными в обязывающем экономическом плане, выдаваемым им Государственным плановым управлением, где участники договорных отношений были лишены не только права свободы в выборе своего контрагента, но и от определения элементарных условий, времени и других параметров формы заключения договора, что в целом привело к отрицанию свободы договора.

Однако с переходом к рыночным условиям хозяйствования и в пределах реформирования гражданского законодательства плановые договорные отношения были сняты. В новом ГК РФ «свобода договора» процитирована как основа договорных отношений, ориентированная на рыночные условия. Действительно, принцип свободы договора является необходимой предпосылкой развития рыночной экономики и правовой основой конкуренции [25, стр. 108]. По словам О.А. Кузнецова, последнее отмечают практически все ученые, рассматривающие вопросы гражданско-правовых принципов. Ни по одному другому принципу гражданского права

не наблюдается такого единодушия. Видимо, это связано с особым значением договора в современных экономических условиях. [28, стр. 73]. Даже выдающимся ученым С.С. Алексеевым данный принцип гражданского права назван одним из важнейших демократических завоеваний [3, стр. 225] современного общества.

Принцип «свобода договора» установлен в ч.1 ст. ГК РТ [1], что означает свободу лица иметь свою волю на вступление в договорные отношения; независимый выбор контрагентов; самостоятельное формирование в нем договорной структуры и вида договорной связи; изъявление своей воли при формировании условий договора.

Содержание, принципа «свободы договора» в науке трактуется по-разному. Например, по словам К. Осаке «...принцип свободы договора необходим для того, чтобы участники гражданских правоотношений могли реализовать субъективные права на равных началах с другими участниками рынка товаров, работ и услуг» [28, стр. 86, 87]. М.Ф. Казанцева определяя свободу договора, использует краткую формулу: в силу свободы договорного регулирования, стороны по своему усмотрению определяют (1) заключать ли договор, (2) с кем, (3) где, (4) когда, (5) в какой форме, (6) какой договор, (7) на каких условиях и (8) расторгать ли договор [23, стр. 11]. В отличие от М.Ф. Казанцева, свобода договора О.А. Кузнецовой трактуется как свобода выбора контрагента по договору, свобода выбора типа, вида, модели договора, свобода выбора условий договора, свобода выбора формы договора [28, стр. 73, 83]. Также в науке существуют и другие подходы ученых [12; 24; 26] к пониманию и особенности функционирования и (императивного) ограничения принципа свободы договора в своем концепте предполагающий юридическое равенство сторон и их независимости друг от друга в имущественном отношении и т.д.

Провозглашение данного принципа как основополагающего элемента структуры института гражданско-правового договора в более развёрнутой форме в законодательстве Таджикистана заключается: во-первых в том, что оно определяет качество и характер правовых пределов поведения участников договорных отношений;

во-вторых с помощью данного принципа вполне возможно ориентироваться на реальное обеспечение устойчивости обмена, услуг и выполнение работ в гражданском обороте. И в-третьих, свобода договора может выступать как важный кодифицированный принцип и средством формирования стабильной экономической среды, чем и обеспечивается повышения эффективности экономической деятельности каждого участника рыночных отношений (предпринимателя и не предпринимателя). В этой связи не исключено, что сегодня свобода договора превратилась в один из институтов гражданского права. И в-четвертых – законодательное оформление принципа свободы договора по сути есть показатель и достижение правовой культуры в области развития и совершенствования института гражданско-правового договора. Так как по словам Г.С. Гончаренко «...сегодня договор предстает для нас как некая универсальная категория общественной жизни и экономических отношений, пребывающая свободным регулятором, причем договорное регулирование является естественным», понятие «договор» обладает таким неотъемлемым признаком, таким как свобода договора, а также свободу в определении характера заключаемого договора и свободу определения его условий. Можно сказать, что оно представляет собой природный саморегулятор общества и экономики. Как живая природа независимо реагирует на изменения климата появлением и исчезновением новых видов живых организмов, так и договорное регулирование изменяется в зависимости от потребностей общества и экономики, реагируя на изменения рынка появлением новых видов договоров и исчезновением старых» [8, стр. 197].

Однако при всей специфике и многогранной трансляции в гражданском обороте, принцип свободы договора нельзя считать абстрактным проявлением в сфере договорных отношений, так как продукт свободы воли сторон, оно провозглашает лишь преимущественное право на заключение договора. Более того, такая позиция является спорным, но соблюдение которой, по договорным обязательствам неразрывно связаны с условиями обеспечения гражданского оборота.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – № 6. – Ст. 153.
2. Закон Республики Таджикистан от 15 мая 1997 г. «О защите прав потребителей» //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1997. – № 10. – Ст. 135.
3. Алексеев С.С. Философия права. – М.: НОРМА, 1998. – 336 с.
4. Амбалов А.А. Гражданско-правовой договор в механизме рыночной экономики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 28 с.
5. Ананских И.А., Думкина Е.А. К вопросу о развитии конструкции договора поставки в отечественном и зарубежном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 150-158.
6. Гавзе Ф.И. Социалистический гражданско-правовой договор. – М., 1972. – 168 с.
7. Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 12-21.
8. Гончаренко Г.С. Экономическая философия договора // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 192-197.
9. Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2005. – 431 с.
10. Думкина Е.А. Некоторые особенности заключения договора поставки: вопросы теории и практики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 101-111.
11. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья первая // Правовое поле современной экономики. 2012. № 10. С. 77-99; Статья вторая // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 24-33; Статья третья // Правовое поле современной экономики. 2013. № 11. С. 29-43.
12. Ершов Ю.Л. Принципы свободы договора и его реализация в гражданском праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 170 с.
13. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
14. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
15. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
16. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
17. Золотухин А.В. Гражданско-правовые средства страхования предпринимательского риска. – Душанбе: Андалеб Р, 2015. – 224 с.
18. Золотухин А.В. Правовое обеспечение страхования предпринимательских рисков в гражданском праве Республики Таджикистан: Автореф. дис. докт. юрид. наук. – Душанбе, 2015. – 41 с.
19. Исмагилов Р.Ф., Курзенин Э.Б., Числов А.И. Договор в гражданском праве и его содержание // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 82-94.
20. Исмагилов Р.Ф., Курзенин Э.Б., Числов А.И. Договор в гражданском праве и налоги. Изменение, расторжение и прекращение договора, его недействительность // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 112-121.
21. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Свобода выбора пути развития экономики как непознанная государственная необходимость // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 11-26.
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Экономические проблемы – политические решения // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 112-126.
23. Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 46 с.
24. Клейн Н.И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2008. – № 1. – С. 27-33.
25. Корешкова А.А. Уменьшение неустойки как ограничение принципа свободы договора на стадии существования договорного обязательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4(18). – Тамбов: Грамота, 2012. – С. 105-108.
26. Кратенко М.В. Злоупотребление свободой договора: постановка проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 190-206.
27. Крючков Р.А. Подходы к определению риска в современном праве // Правовое поле современной экономики.

- 2014. – № 10. – С. 154-163.
28. Кузнецова О.А. Применение судами принципа свободы договора // Вестник Пермского университета.- 2009. – № 1(3). – С.73-83.
29. Кулагин М.И. Избранные труды. М: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997. – 281 с.
30. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2013. – 61 с.
31. Меркулов В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1994. – 375 с.
32. Меркулов В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 1994. – 46 с.
33. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М.: Экономика, 2000. – 876 с.
34. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003.
35. Нуреев Р.М. Курс микроэкономики: Учебник для вузов. 2-е изд., изм.- М.: НОРМА, 2002. -572 с.
36. Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С.84-93.
37. Руденский И.Н. Экономическая политика современной России: проблемы реализации // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 34-37.
38. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
39. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
40. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184.
41. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211.
42. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 11-17.
43. Схабо Н.С. Некоторые аспекты эволюции принципа свободы договора в отечественной цивилистике // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – Вып. 4. – С.93-95.
44. Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Финансово-правовые проблемы реализации социально-экономических реформ в России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 141-153.
45. Чепурина А.А. Недостатки рыночной экономики // Научный Вестник МГТУ ГА Серия Студенческая наука. – 2009. – № 153. – С.111-116.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,
профессор кафедры конституционного и между-
народного права Санкт-Петербургского универси-
тета МВД России, кандидат юридических наук,
доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: andreytso@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
жилищное право; семейное право; междуна-
родное частное право

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ БЕЖЕНЦЕВ В РОССИИ

***Аннотация.** Анализируется правовое регулирование миграционной сферы в Российской Федерации. Отмечается, что далеко не все виды вынужденной миграции подробно исследованы, и оздоровление миграционной ситуации невозможно без принятия неотложных мер. Сегодняшняя миграция представляет собой серьезный вызов социальной системе принимающего государства. И ответы на этот вызов России необходимо найти в ближайшем будущем.*

***Ключевые слова:** миграция; социальная система; беженцы; вынужденные переселенцы.*

ANDREYTSO S.Yu.

ON SOME PROBLEMS OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF REFUGEES IN RUSSIA

***The summary.** Legal regulation of the migration sphere in the Russian Federation is analyzed. It is noted that not all types of forced migration have been thoroughly investigated, and the improvement of the migration situation is impossible without the adoption of urgent measures. Today's migration represents a serious challenge to the social system of the host state. And Russia needs answers to this challenge in the near future.*

***Key words:** migration; social system; refugees; forced migrants.*

Зарубежные страны в отличие от России, которая столкнулась с интенсивными процессами внешней трудовой миграции после распада СССР, накопили значительный опыт правового регулирования указанной сферы общественных отношений [4].

На сегодня при обеспечении и защите прав иностранных граждан следует учитывать следующие обстоятельства:

- 1) в условиях миграции создаются специфические системы формальных и неформальных сетей мигрантов, регулирующих как отношения внутри общины, так и взаимоотношения этих общин с местным сообществом;
- 2) языковой барьер, материальная неустроенность, новая, совершенно незнакомая культура, отсутствие плотных коммуникаций затрудняют быстрое налаживание диалога между мигрантами и местным населением.

В имеющихся исследованиях указывается, что существуют и устойчивые религиозные и культурные стереотипы в восприятии мигрантов [1; 8; 10; 11]. Крайности проявляются в том, что мигранты, в особенности мусульманского происхождения и вероисповедания, рассматриваются во многих западноевропейских странах в качестве потенциальной угрозы традиционным ценностям и идентификации, а также как риск для национальной безопасности, связанный с терроризмом. Неуважение некоторых, со стороны мигрантов, к законам об иммиграции и правопорядку легко распространяется на негативный образ многих. Восприятие людей отражает реальные вопросы и реальные проблемы, но отражает и невежество, предрассудки и фобии.

За исторически очень короткий период – примерно за 20 лет – Россия перешла от ситуации, когда она, в отличие от большинства развитых стран, практически не знала международной миграции, к ситуации, когда международная миграция стала привычным фактом повседневности и в то же время породила множество реальных или мнимых проблем, глубоко затрагивающих области экономики, политики и, по существу, все сферы социальной жизни. Семь десятилетий жизни за запертыми дверями оказались достаточным сроком, чтобы опыт нормального общения с другими странами, пусть и ограниченный, никогда ранее не охватывающий основную массу российского населения, был

утрачен [5; 18].

Миграционную сферу в РФ регламентируют несколько сотен нормативно-правовых международных и национальных актов разной юридической силы. Помимо этого, в РФ действуют внутренние нормы, которые государство разрабатывает и принимает самостоятельно в пределах своей юрисдикции, исходя из собственных интересов. Эти нормы содержатся во внутренних законодательных актах РФ. Эксперты отмечают, что органы власти в процессе нормотворчества по вопросам миграционного законодательства предпочитают наносить точечные удары, решают отдельные, наиболее злободневные с их точки зрения вопросы, без стремления обозреть сложившуюся ситуацию комплексно, в рамках интересов участников миграционной политики государства, путем внесения многочисленных изменений в существующие законы [2; 13; 15].

Практическое обеспечение режима пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства и организация миграционного учёта с 2016 года возлагаются на МВД России.

По состоянию на 1 января 2016 года на учете территориальных органов ФМС России в качестве беженцев состояли 770 человек. На 1 января 2016 года на учете территориальных органов ФМС России в качестве лиц, получивших временное убежище состояло 313 707 иностранных граждан. Среди лиц, получивших временное убежище, подавляющее большинство составляют граждане Украины.

В 1993 г. принимается Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам [7], затем дополненное в 1995 г. Протоколом. В Соглашении подписавшие государства подтверждают свои обязательства по международным соглашениям, направленным на защиту прав человека, в том числе Конвенции 1951 г. и Протоколу 1967 г. Согласно ст. 1 Соглашения беженцем «признается лицо, которое, не являясь гражданином Стороны, предоставившей убежище, было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства на территории другой Стороны вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или преследования ..., либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к

определенной социальной группе в связи с вооруженными и межнациональными конфликтами...».

По мнению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, институт убежища в России, установленный Законом «О беженцах», излишне формализован и не отвечает современным гуманитарным требованиям.

Следует отметить, что далеко не все виды вынужденной миграции подробно исследованы. Так экологическая миграция, вызванная природными катаклизмами, стихийными бедствиями, а также их последствия мало изучены, нет статистических данных и результатов социологических исследований. Землетрясения, наводнения, засуха, лесные пожары уносят жизни людей. А сколько покалеченных судеб людей – экологических беженцев, мигрантов, сколько подвергшихся угрозе жизни из-за стихийных бедствий! Всем известны трагедии Арала, Семипалатинска, Чернобыля, Челябинска, наводнение в Якутии, вулканические извержения, взрывы на шахтах, вызванные техногенными процессами. Это далеко не полный перечень происходящего только на территории постсоветского пространства. Какую тревогу сегодня вызывает затопление территории Великобритании, Голландии, изменение климата стран Восточной Европы! Все это требует совместного изучения и выработки нового подхода к вопросам экологической миграции. Куда уезжают эти люди, как складываются их судьбы? Как принимают их в новой среде, как именуют их: беженцы, нелегалы, мигранты и др.? Как определяется их статус? В докладе Глобальной комиссии по международной миграции разработаны новые категории мигрантов, такие как «экологические мигранты» – люди, которые вынуждены переселяться вследствие экологических катастроф, и «вынужденные переселенцы» – те, кто был вынужден переехать в страну своего гражданства в результате обстоятельств, подвергающих опасности их жизни [6].

Особую роль в защите беженцев сыграло УВКБ ООН. В середине июня 2011 года после консультаций с Правительством России УВКБ ООН закрыло свой офис во Владикавказе и прекратило оказание прямой помощи лицам, перемещенным внутри страны (ВПЛ), в том числе по строительству жилья и предоставлению правовой защиты на Северном Кавказе. УВКБ ООН тесно работало с Федеральной миграционной службой над всесторонним пересмотром

законопроекта о беженцах с целью приведения его в соответствие с международными стандартами. Создание еще одного центра приема стало очередным шагом на пути усовершенствования условий приема. Лица, имеющие статус временного убежища, получили доступ к системе государственного медицинского страхования.

Комплексный подход к решению проблем лиц, длительное время находящихся в ситуации поиска убежища, открыл УВКБ ООН новые перспективы для поиска решений.

Большинство комментариев УВКБ ООН, касающихся изменений к ФЗ «О беженцах» и к законопроекту о бесплатной юридической помощи были приняты во внимание. Недалеко от Москвы при содействии УВКБ ООН был открыт третий Центр приема вместимостью 350 человек. Совместная работа с властями в ЦВР в Пермском крае позволила заметно улучшить условия проживания.

УВКБ ООН добилось успехов в деле защиты детей, особенно детей без сопровождения взрослых и детей, разлученных с родителями, в том числе посредством создания процедуры учета наилучших интересов ребенка.

Укрепление сотрудничества между юристами-практиками и УВКБ ООН привело к повышению качества поддержки лиц в ведении УВКБ ООН. Укрепившаяся сеть юридических консультаций включала более 100 юристов, которые предоставляли юридическую помощь в различных формах по почти 20 000 дел.

УВКБ ООН продолжало напрямую и через партнеров выступать за прекращение произвольного задержания лиц в ведении Агентства. Был достигнут значительный прогресс в соблюдении условий задержания лиц, подавших ходатайство о защите и находящихся в процессе экстрадиции. Не было отмечено никаких нарушений законодательства в части присуждения максимального срока предварительного задержания.

УВКБ ООН установило полезные рабочие контакты с офисами Уполномоченных по правам человека в разных регионах России, повышая таким образом информированность компетентных органов власти о проблемах беженцев и оказывая воздействие на позицию и практическую деятельность правоохранительных органов.

В Чечне и Ингушетии при поддержке УВКБ ООН действовали семь центров юридического консультирования (21 квалифицированный

юрист), что позволило обеспечить доступ к соответствующим правовым механизмам. Было проведено около 9000 юридических консультаций по различным темам – от вопросов социального обеспечения и обеспечения жильем до трудовых отношений и законодательства о семье.

В качестве главы Тематической группы по тендерным вопросам (ГТГ) при системе ООН в Российской Федерации УВКБ ООН работало с широким кругом партнеров по предотвращению насилия в отношении женщин.

По мнению УВКБ ООН оздоровление миграционной ситуации невозможно без принятия неотложных мер, которые должны быть направлены на:

- создание федеральной и региональных миграционных программ; стимулирование притока мигрантов;
- регулирование иммиграции; управление трудовой миграцией;
- содействие интеграции в российское общество иностранных граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, а также лиц, которым предоставлено политическое убежище или статус беженца;
- неукоснительное исполнение Российской Федерацией взятых ею международных обязательств по предоставлению убежища на своей территории;
- защиту законных прав и интересов иммигрантов (в том числе лиц, ищущих убежище, и беженцев) на территории Российской Федерации в соответствии с действующим российским законодательством и нормами международного права [9].

Основные Федеральные законы, регулирующие правовое положение беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации – ФЗ «О беженцах» [19] и ФЗ «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 г. [12], и разработанные позже нормативные акты о жилищном обустройстве вынужденных переселенцев и беженцев не отражают объективную ситуацию, складывающуюся из правовых и социальных проблем вынужденных мигрантов. В связи с полным отсутствием финансирования реализация этих законов в сфере материального обеспечения беженцев и вынужденных переселенцев была изначально невыполнима [3].

Миграционные органы Российской Федерации, опираясь на зарубежный опыт должны:

- а) не допускать нарушения принципа невысылки, проверяя, не было ли возбуждено преследование в отношении данного лица;
- б) учитывать не только непосредственное получение статуса беженца кем-либо из членов семьи ходатайствующего, но и сам факт обращения за получением статуса, что даст возможность еще раз более детально исследовать все обстоятельства исхода;
- в) учитывать опыт развитых стран, во многих из которых существует специальный апелляционный орган, рассматривающий жалобы на отказ миграционных органов в признании беженцем [3].

Дополнительной гарантией вынужденным переселенцам от возможного нарушения их прав уполномоченным миграционным органом будет включение в законодательство России положения о том, что решение об утрате или лишении статуса как беженца так и вынужденного переселенца должно быть принято не территориальным миграционным органом, а только по решению суда. Российский законодатель под беженцем понимает лицо, которое не является гражданином РФ и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться ее защитой, или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений, или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны его прежнего обычного местожительства, в результате подобных событий не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений [19], аналогичное определение содержится в международном законодательстве [14; 16].

По мнению некоторых авторов, беженцы часто рассматриваются как лица, которые вынуждены совершать попытку выхода из-под юрисдикции государства их национальной принадлежности непредусмотренным законом способом. Именно это обстоятельство и определяет специфику правоотношений между беженцами и государством, которое они покинули. Как правило, сами беженцы отказываются от покровительства

отечественного государства, а, следовательно, от его защиты, предоставляемой государством этим гражданам, находящимся за границей.

В связи с произошедшими изменениями, Россия сталкивается с качественно иными миграционными тенденциями по сравнению с началом текущего десятилетия. Прежде всего, снижается уровень образования и профессиональной подготовки мигрантов, существенно иным становится их культурный, религиозный и социальный профиль. По данным выборочных опросов, около половины мигрантов из стран СНГ не имеют профессионального образования. Мигранты приезжают в основном из небольших городов и сел. Они все хуже знают русский язык. Происходит сдвиг к бедной части социального спектра. По данным выборочных опросов, 84% мигрантов до выезда на работу относили себя к группе бедных и очень бедных. Затем, существенным изменением качественной характеристики миграции является ее феминизация, то есть увеличение доли женщин и детей в общей численности мигрантов. Наконец, еще одной существенной характеристикой миграции является ее временный или циркулярный характер. Согласно данным выборочных опросов, около 25% мигрантов, приехавших в последние годы на работу, практически постоянно находятся в России, выезжая на родину только в отпуск или в гости. Еще 40% потока предпочитают циркулярную миграцию, и проводят на выезде большую часть года, возвращаясь домой лишь на

несколько месяцев [17].

Все эти характеристики существенно влияют на динамику миграционных процессов, а также на социальные институты принимающего общества. Под влиянием этих объективных изменений меняется понимание миграции и ее роли в обществе. Стереотипный образ мигранта, как здорового молодого мужчины, оставившего семью на родине, уже не является абсолютно доминирующим. Сегодня трудовыми мигрантами могут стать многодетная семья, одинокая мама с маленьким ребенком, беременная женщина. Очевидно, что сегодняшняя миграция представляет собой серьезный вызов социальной системе принимающего государства. И ответы на этот вызов России необходимо найти в ближайшем будущем [17].

Касаемо возможностей доступа к отдельным видам социальной помощи, отмечалось, что в настоящее время государственная социальная помощь, включая различные пособия, оказывается только мигрантам, имеющим статус постоянно проживающих в России. Для большинства же мигрантов, даже длительно находящихся на территории России, государственная помощь недоступна. Некоторую гуманитарную помощь мигрантам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, оказывают благотворительные и правозащитные НПО. Однако такая помощь, как правило, очень ограничена; и кроме того, мигранты часто не обладают информацией о таких возможностях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 12. – Ст. 425.
2. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 12. – Ст. 427.
3. Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9.
4. Протокол 1967 года, касающийся статуса беженцев // http://www.un.org/ru/documents/deCl_Conv/Conventions/refugees_prot.shtml
5. Абезгильдин Р.Р. К вопросу о контроле за миграцией в Российской Федерации // Миграционное право. – 2016. – № 4. – С. 3-7.
6. Абезгильдин Р.Р. Правовые и социально-политические проблемы трудовых мигрантов в Российской Федерации // Миграционное право. – 2016. – № 3. – С. 18-21.
7. Аванесова А.А. Конституционно-правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев и проблемы его реализации в субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Южного федерального округа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
8. Андрейцо С.Ю., Грищенко Т.А. Актуальные проблемы миграции в России: Монография. – СПб.:

- Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2016. - 155 с.
9. Ахиезер А.С. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 70-78.
 10. Булешева Д.Д. Экологическая миграция: сущность, проблемы и возможные решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osCe.org/ru/eea/34464?download=true>.
 11. Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 5.
 12. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
 13. Губина О.В. Вынужденная миграция в Российской Федерации: Конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. 2004.
 14. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов»).
 15. Дзьоник Д.В. Специфика привлечения к ответственности юридических лиц за правонарушения, предусмотренные частью ч.1 (4). 18.15 КоАП РФ // Миграционное право. – 2016. – № 3. – С. 9-13.
 16. Козлова Л.Е. Административно-процессуальные формы реализации внешневластных функций Федеральной миграционной службой Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 35-37.
 17. Косарева В.В. Социальная природа и правовая сущность миграционных отношений // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 118-123.
 18. Сальников В.П., Силантьева В.А. Правовое регулирование миграционных процессов в России // Миграционное право. – 2017. - № 3. – С. 13-17.
 19. Трудовая миграция в России: медико-социальные и тендерные аспекты: Материалы международной конференции. Бюро Международной организации по миграции (Бюро МОМ) в Москве – М., 2012.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЕГОРШИН Виктор Михайлович,
профессор кафедры оперативно-розыскной
деятельности органов внутренних дел Санкт-
Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор, Заслу-
женный юрист Российской Федерации, Почетный
работник МВД СССР (г. Санкт-Петербург,
Россия)

E-mail: fonduniver@bk.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД
России, доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Почетный работник прокуратуры Российской
Федерации, Государственный советник юстиции
1 класса (г. Москва, Россия)

E-mail: fonduniver@bk.ru

СУРКОВ Константин Викторович,
доктор юридических наук, профессор, Заслу-
женный юрист Российской Федерации (г. Москва,
Россия)

ЧИСЛОВ Александр Иванович,
профессор кафедры кадрового и морально-
психологического обеспечения деятельности
ОВД Тюменского института повышения квали-
фикации сотрудников МВД России, доктор юри-
дических наук, профессор, генерал-майор милиции
(г. Тюмень, Россия)

E-mail: 944343@gmail.com

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НАУКУ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Рецензия на монографию Захарцева С.И., Вихрова В.А., Игнащенко
Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность и военная
безопасность» (М.: Граница, 2017. 424 с.)

Аннотация. Рецензируется монография «Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность». Рецензенты приходят к выводу о фундаментальности указанной книги для ОРД, широты поставленных проблем, ее важности для теории и практики. Впервые обосновывается, что ОРД скорее не только юридическая, а и военная наука.

Ключевые слова: право; оперативно-розыскная деятельность; военная безопасность; безопасность России.

EGORSHIN V.M.
KONDRAT I.N.
SURKOV K.V.
CHISLOV A.I.

**A NEW VIEW OF THE SCIENCE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY.
Review on the Monograph written by Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignaschenkov
Y.Y. and Salnikov V.P. under the title «Operational-search activity and military
security» (M.: Granitza, 2017. 424 p.)**

The summary. Reviews the monograph “Operational-search activity and military security”. Critics come to the conclusion about the fundamentality of this book for operational-search activity, breadth of the issues raised, its importance for the theory and practice. For the first time substantiates that operational-search activity is probably not only legal, but also military science.

Key words: law; operational-search activity; military security; security of Russia.

В середине 2017 года вышла в свет новая книга по оперативно-розыскной деятельности (ОРД) [4]. Авторы этой книги С.И. Захарцев, В.А. Вихров, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальников известны юридической общественности давно. И без преувеличения скажем, что их многие книги уже стали классическими в юридической науке.

Достаточно сказать, что монографии указанных ученых переведены на английский, немецкий, украинский, таджикский, другие языки мира и пользуются там спросом. Мало кто из юристов может похвастаться, что его книги выпущены за рубежом.

Уверены, что эта книга тоже будет востребована. Монография поражает широким охватом поднятых научных проблем: от теоретико-правовых и даже философских до сугубо прикладных. Причем все эти проблемы рассмотрены высокопрофессионально и глубоко.

Но чтобы понять значение этой монографии надо чуть углубиться в историю оперативно-розыскной науки. Оперативно-розыскная деятельность длительное время наукой вообще не считалась. Что она представляла собой? На

этот вопрос все отвечали по-разному, соглашаясь, что это некий набор специальных секретных знаний, ремесло или что-то в этом роде.

В 1970-х годах ОРД была разделена как бы на милицейскую оперативную работу и разведывательно-контрразведывательную деятельность, осуществляемую органами государственной безопасности. При этом признавались разведывательная и контрразведывательная науки, которые относились к военным наукам.

С названного времени многое поменялось. В России произошли глубокие социально-экономические преобразования. Осуществление государством оперативно-розыскной работы перестал быть секретным. Встал вопрос соблюдения прав человека при осуществлении ОРД, о контроле и надзоре за этой деятельностью.

Процессуалисты и криминалисты первыми поставили вопрос о необходимости детальной регламентации использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. И для этого тоже ОРД должна быть открытой деятельностью, которая необходимо изучается соответственно открытой наукой.

Для признания ОРД наукой требовалось очень

много усилий. И наконец, в 1995 году она появилось в единой номенклатуре специальностей научных и научно-педагогических работников. Но при этом была признана юридической наукой (!) и вместе с уголовным процессом и криминалистикой вошла в специальность 12.00.09. Признание юридической наукой потребовало издание открытого учебника. Но в то, что по ОРД издадут открытый учебник в тот период не верили даже оптимисты.

В.П. Сальников и С.В. Степашин приложили огромные усилия для того, чтобы открытый учебник по ОРД вышел в свет. И он действительно был издан в 1999 году [11].

Однако спустя немного времени специалистам стало понятно, что ОРД все-таки не вполне правовая наука. Было принято решение отгородить ОРД от науки уголовно-процессуального права и переместить в специальность 12.00.12 к криминалистике и судебно-экспертной деятельности. Криминалистику и судебно-экспертную деятельность принято относить к прикладным юридическим наукам. Но немало специалистов по-прежнему считают, что эти научные дисциплины вовсе не юридические науки. И именно к ним добавили науку ОРД.

При этом, несмотря на то, что ОРД официально признана открытой юридической наукой, по ней сохранилась возможность защищать закрытые (секретные и совершенно секретные) диссертации. Темы этих диссертаций, конечно, не всегда можно назвать правовыми. Более того, входящие в ОРД разведывательная и контрразведывательная науки по-прежнему считаются военными науками, по которым опять же можно защищаться в секретном режиме.

Такие практики-профессионалы и известные ученые как С.И. Захарцев, В.А. Вихров, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальников, конечно, особенно остро понимают, что в отнесении ОРД только юридическим наукам имеется определенное лукавство. ОРД всегда была и остается, в первую очередь, военной наукой. Этот вывод впервые очень четко и обоснованно прозвучал в рецензируемой монографии.

Для подтверждения этого вывода авторы задали три казальных вопроса:

1. Для кого, в первую очередь, существует наука ОРД и кто главный потребитель ее результатов?
2. Все ли положения ОРД можно регла-

ментировать законами и подзаконными нормативно-правовыми актами? То есть, можно ли базируясь исключительно на законодательстве, постичь ОРД в полном объеме?

3. Все ли в ОРД соответствует понятию права, имеет правовой характер? [4, стр. 29].

Очевидно, что потребителями науки ОРД, в первую очередь, являются оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативную работу. Именно оперативные сотрудники нуждаются в изучении накопленного опыта, выработки практических рекомендаций по совершенствованию оперативной работы. Органов, осуществляющих ОРД, в России в настоящий момент семь. При этом в большинстве из них - ФСБ, СВР, ФСО и ГРУ - предусмотрена военная служба. Военная служба была предусмотрена и в недавно реорганизованных субъектах ОРД: Федеральной пограничной службе и Федеральном агентстве правительственной связи и информации.

В трех оставшихся органах, осуществляющих ОРД, - МВД, ФСИН и ФТС – военная служба не предусмотрена. Однако сотрудники этих органов носят форму, имеют специальные звания и их служба не сильно отличается от военной. Поэтому очевиден вывод, что наука ОРД в первую очередь призвана для обслуживания военных и военизированных государственных структур.

Отвечая на второй вопрос, надо обратить внимание на то, что юридические науки базируются на изучении законодательства. Исключением являются прикладные юридические науки, призванные оказывать помощь в познании правоприменительной практики (например, криминалистика). Однако ОРД как практическая работа, конечно, в большей степени правом не регламентирована. Значительная часть положений оперативной работы и ее научного осмысления имеют секретный характер. Кроме того, оперативно-розыскная наука и практика во многом зависят от технических средств, имеющих в том числе секретный характер.

То есть, даже тщательнейшее изучение законодательства не даст полную картину познания оперативной работы.

На третий вопрос авторы ответили в историческом аспекте. Так, по воспоминаниям генерала НКГБ П. Судоплатова оперативно-розыскная

работа его подразделения была направлена в том числе на убийства (!), например, убийство политического деятеля Л. Троцкого, украинского националиста П. Коновальца и др. [13]. Если взять опыт осуществления ОРД иностранными государствами, то, например, разведка Израиля «Моссад» официально признает возможность осуществлять убийства лиц, ранее организовавших и совершивших террористический акт [4, стр. 30]. Где же тут право?

Основываясь на этих фактах с полной очевидностью следует признать, что не все положения ОРД соответствуют понятию права и даже имеют правовой характер.

Таким образом, авторы сделали справедливый вывод, что ОРД является военной наукой [4, стр. 30; 6, стр. 155-159].

Конечно, нельзя полностью отрицать и юридического характера ОРД. Оперативно-розыскная деятельность официально признана юридической дисциплиной, накопила богатый массив правовых работ. Однако очевидно, что базис ОРД, конечно, связан именно с военными науками. Такого вывода, без преувеличения, ждали многие специалисты по ОРД и другим смежным дисциплинам – как ученые, так и практики.

Развивая свои выводы, авторы сформулировали новое понятие ОРД. Оперативно-розыскная деятельность – это гласная и негласная работа, состоящая из оперативно-розыскных мероприятий и других действий по обеспечению безопасности человека, государств и общества, а также выполнения специальных государственных поручений [4, стр. 28]. Это определение было поддержано как учеными, так и практиками.

Подача материала в монографии строго логична и последовательна. Первоначально исследуется история возникновения и развития ОРД, затем исследуется наука ОРД. После этого рассматриваются актуальные философско-правовые и философско-научно-ведческие проблемы названной науки. Далее авторы переходят к теоретическим вопросам. А уже после их рассмотрения, как свойственно С.И. Захарцеву, В.А. Вихрову, Ю.Ю. Игнащенкову и В.П. Сальникову, скрупулезно изучаются прикладные проблемы науки ОРД [4]. Их много: особенности обеспечения военной безопасности при осуществлении ОРД, правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий,

использование результатов ОРД в доказывании, контроль и надзор за названной деятельностью и т.д.

Монография, без преувеличения, получилась фундаментальной для науки ОРД, что в очередной раз подтвердила статус С.И. Захарцева, В.А. Вихрова, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова в науке. Об этом пишут как российские, так и иностранные специалисты. Например, недавно на предыдущую книгу «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» опубликована рецензия Министра внутренних дел Республики Таджикистан Р.Х. Рахимзода, Председателя комитета по правопорядку, обороне и безопасности парламента Республики Таджикистан Д.З. Маджидзода и заместителя начальника Академии МВД Республики Таджикистан К.Х. Солиева. В рецензии, в частности, говорится, что «труды С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова переведены на несколько языков мира и достаточно известны за рубежом... Книга очень важна для практиков, особенно в части правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий, использования результатов ОРД в уголовном процессе, законности. Без нее едва ли обойдется профессорско-преподавательский состав. Например, в Таджикистане ею пользуются при проведении теоретических исследований, ее рекомендуют студентам и курсантам, получающим высшее юридическое образование... Мы искренне благодарим авторов за подготовку столь важной научной работы и в целом за вклад в оперативно-розыскную науку, желаем им новых научных достижений» [12, стр. 72]. Можно только добавить, что С.И. Захарцев и В.П. Сальников по показателям Индекса Хирша входят в десятку самых цитируемых российских юристов. Причем В.П. Сальников список цитируемых ученых возглавляет.

Монография будет полезна как теоретикам, так и практикам. Для практиков книга крайне полезна в контексте рассмотрения правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий и использования их результатов в доказывании по уголовным делам. Она, несомненно, вызовет интерес и у специалистов, занятых обеспечением военной и национальной безопасности.

В 2011 году С.И. Захарцев предложил научными методами изучать лиц, обладающих так

называемыми «экстраординарными психофизиологическими возможностями» [1, стр. 57]. Под такой сложной научной формулировкой, например, понимаются экстрасенсы. Изучать их требовалось именно научными методами, чтобы, во-первых, понять и объяснить уникальные феноменальные возможности таких людей, а во-вторых, чтобы использовать эти возможности на благо обществу. С.И. Захарцевым и В.П. Сальниковым была предложена и разработана наука под названием «экстрасенсоведение». Поначалу существование этой науки многие восприняли в штыки, а теперь достижения экстрасенсоведения успешно используют в борьбе с преступностью и для решения специальных задач [3, стр. 75-82; 8, стр. 184-190]. В данной монографии вновь обосновывается важность и польза экстрасенсоведения.

Экстрасенсоведение, философия ОРД и новый взгляд на профессиональную деформацию оперативных сотрудников представляют собой разработанные авторами новые научные направления. Указанные направления активно изучаются научной школой профессора С.И. Захарцева – одной из ведущих научных школ в науке оперативно-розыскной деятельности в России [9; 10].

Надо обратить внимание и на то, что авторы, представляя разные государственные органы, отказались от ведомственного изложения поднятых проблем. Более того, С.И. Захарцев, В.А. Вихров, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальников нашли в себе мужество объективно и принципиально оценить науку ОРД, выявить упущения науки, справедливо оценить проводимые диссертационные исследования.

Так, авторы выявили несколько типичных проблем и упущений в диссертациях по ОРД:

- дублирование тем исследования;

- секретность;
- отсутствие у соискателей интереса к теоретическим и методологическим проблемам ОРД;
- ведомственность подходов;
- в диссертационных работах по ОРД практически никогда не учитывается и не прогнозируется экономический эффект от полученных результатов и сформулированных предложений;
- искусственное усложнение науки [4, стр. 102-113];
- профессиональная деформация [5; 7].

Еще одно замечание относится к хорошим и полным монографическим исследованиям: научные выводы медленно реализуются или вообще не реализуются законодателем [4, стр. 109].

В работе сформулировано много предложения молодым ученым по проведению научных исследований по оперативно-розыскной деятельности. Рецензируемую книгу стали рекомендовать в аспирантурах.

Кстати, обратим внимание и на рецензентов книги. Ими выступили известные российские ученые: академик РАН генерал армии В.В. Корабельников и академик РАН генерал-лейтенант Н.Г. Ковалев, а также бывший директор ФСБ России, Министр внутренних дел России и Министр юстиции России, доктор юридических наук, профессор, генерал-полковник С.В. Степашин.

В завершение подчеркнем, что многие теории и практики по ознакомлению с монографией не сговариваясь указали на ее фундаментальность. Несомненно, книга удалась. Пожелаем ее авторам – С.И. Захарцеву, В.А. Вихрову, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальникову – новых научных достижений.

Список литературы

1. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 264 с.
2. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 135-139.
3. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
4. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.

5. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 335-343.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность военная наука // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2017. – № 5-6 (107-108). – С. 155-159.
7. Захарцев С., Сальников В. Профессиональная деформация сотрудников силовых структур // Защита и безопасность. – 2017. - № 2. – С. 22-24.
8. Захарцев С.И. Сальников В.П., Оперативно-розыскное экстрасенсоведение как новая прикладная наука // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 184-190.
9. Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 177-184.
10. Кондрат И.Н., Сальников В.П. О научных школах изучения оперативно-розыскной деятельности и месте школы С.И. Захарцева в изучении ОРД // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 2 (25). – С. 370-377.
11. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник для юридических вузов; Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим специальностям / Под ред. С.В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 1999. – 704 с.
12. Рахимзода Р.Х., Маджидзода Д.З., Солиев К.Х. Оперативно-розыскная политика в контексте политики государства и оперативно-розыскной науки (рецензия на книгу «Захарцев, С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: моногр. / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. М.: Норма, 2015. – 400 с.») // Оперативник (сыщик). – 2016. – № 4 (49). – С. 70-72.
13. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. – М., 2003.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры административного и финансово-
вого права МГИМО(У) МИД России, кандидат
юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

***Аннотация.** Рассматриваются важнейшие международно-правовые документы, направленные на борьбу с финансовыми правонарушениями. Приводятся рекомендации международных организаций по совершенствованию национального законодательства в этом направлении.*

***Ключевые слова:** финансовые правонарушения; международное сотрудничество; резолюции Совета Безопасности ООН; ФАТФ; МАНИВЭЛ.*

KONDRAT E.N.

SOME ISSUES OF THE HISTORY AND MODERNITY OF COMBATING OFFENSES IN THE FINANCIAL SPHERE: INTERNATIONAL LEGAL SUPPORT

***The summary.** The article consider the most important international legal documents aimed at combating financial violations. The recommendations of international organizations on the improvement of national legislation in this direction are given.*

***Key words:** financial offenses; the international cooperation; resolutions of the UN Security Council; FATF; MONEYVAL.*

Современная действительность характеризуется существенным ростом числа экономических правонарушений, связанных с внешнеэкономической деятельностью. Финансовая преступность приобрела транснациональный характер. Борьба с этим общественно опасным явлением основывается прежде всего на нормах национального уголовного законодательства. Вместе с тем страны мира стремятся объединять свои усилия в

деле противодействия налоговым и иным экономическим преступлениям, в том числе затрагивающим торговлю людьми и использование рабского труда [7; 10; 11; 12]. Это предполагает выработку на межгосударственном уровне общих подходов и принципов, которые закрепляются в международных актах, резолюциях и рекомендациях [2; 3; 4; 5; 6; 8].

В имеющейся современной правовой базе

можно выделить несколько групп международно-правовых документов, направленных на борьбу с финансовыми правонарушениями.

Международные конвенции

Международные конвенции являются важным элементом международной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма и совместно с рекомендациями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ) создают комплексные международные Стандарты в сфере противодействия отмыванию денег и финансирования терроризма на международном уровне (далее – ПОД/ФТ) Конвенции закладывают основы организации и правового обеспечения национальных режимов в области ПОД/ФТ и закрепляют эффективные механизмы реализации мер в этой области, включая вопросы международного сотрудничества компетентных органов государств. К числу таких конвенций, имеющих отношение к борьбе с финансовыми правонарушениями, относятся:

- Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. (Варшавская конвенция);
- Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (Меридская конвенция);
- Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.;
- Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (Палермская конвенция);
- Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (Нью-Йоркская конвенция);
- Конвенция Совета Европы о гражданской правовой ответственности за коррупцию 1999 г.;
- Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.;
- Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. (Страсбургская конвенция);
- Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (Венская конвенция).

Вторая группа международно-правовых документов, имеющих отношение к финансовой сфере, – это:

Резолюции Совета Безопасности ООН

Резолюции Совета Безопасности ООН являются важнейшим источником права для международной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. С 1999 года эти резолюции принимаются почти ежегодно, иногда по две в год: в 1999 г. – 1 (№ 1267, 1269), 2000 г. – 1 (№ 1333), 2001 г. – 2 (№ 1363, 1373), 2002 г. – 2 (№ 1390, 1452), 2003 – 2 (№ 1455, 1456), 2004 г. – 1 (№ 1526), в 2005 г. – 1 (№ 1617), 2006 г. – 2 (№ 1699, 1735), 2008 г. – 1 (№ 1822), ... 2015 г. – 2 (№ 2199, 2253),

Особо следует выделить в международно-правовых документах рекомендации ЕАГ.

Рекомендации Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов (далее – ЕАГ).

Представляют интерес ряд документов этой организации:

- рекомендации государствам – членам ЕАГ по итогам консультаций с частным сектором в рамках 9-го Пленарного заседания ЕАГ по вопросам оценки рисков ОД/ФТ в условиях финансовой нестабильности;
- рекомендации государствам – членам ЕАГ по итогам консультаций с частным сектором в рамках 10-го Пленарного заседания ЕАГ;
- рекомендации 10-го Пленарного заседания ЕАГ по результатам консультаций с парламентариями государств – членов ЕАГ.

и др.

Заявления ФАТФ и Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег (далее – МАНИВЭЛ).

Заявления ФАТФ:

- 23 июня 2017 года
- 24 февраля 2017 года
- 21 октября 2016 года
- 24 июня 2016 года
- 19 февраля 2016 года
- 23 октября 2015 года
- 26 июня 2015 года
- 27 февраля 2015 года
- 24 октября 2014 года
- 27 июня 2014 года
- 14 февраля 2014 года

- 18 октября 2013 года
- 21 июня 2013 года
- 22 февраля 2013 года
- 19 октября 2012 года
- 22 июня 2012 года
- 16 февраля 2012 года
- 28 октября 2011 года
- 24 июня 2011 года
- 25 февраля 2011 года
- 22 октября 2010 года
- 25 июня 2010 года
- 18 февраля 2010 года
- 26 июня 2009 года
- 25 февраля 2009 года
- 16 октября 2008 года
- 28 февраля 2008 года

Заявления МАНИВЭЛ:

- 11 июля 2014 года
- 24 сентября 2009 года
- 20 марта 2009 года
- 12 декабря 2008 года

В основе всех документов лежат основные положения, выработанные Генеральной Ассамблеей ООН.

Функция ООН как организатора борьбы с преступностью в мире заложена в уставе этой международной организации.

Так, в ст. 1 Устава ООН говорится, что ООН поддерживает международный мир и безопасность, развивает дружественные отношения между государствами, осуществляет международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального и гуманитарного характера.

Борьба с организованной транснациональной преступностью постоянно находится в центре внимания ООН. С этой целью разработана специальная Программа ООН по борьбе с преступностью и уголовному правосудию, в основе которой лежат решения Генеральной Ассамблеи, Экономического и Социального Совета и Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, рекомендации конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

ООН вырабатывает основные стандарты, принципы, рекомендации, формулирует международные нормы в защиту лиц, обвиняемых в совершении преступлений, и лиц, лишенных свободы. Эти нормы исходят из положений Всеобщей декларации прав человека и Международного

пакта о гражданских и политических правах.

Генеральная Ассамблея ООН приняла ряд документов, которые прямо направлены на борьбу с преступностью в мире. В их числе минимальные стандартные правила обращения с заключенными, кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, меры борьбы против коррупции, международный кодекс поведения государственных должностных лиц, основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, основные принципы, касающиеся независимости судебных органов, основные принципы, касающиеся роли адвокатов.

18 декабря 1991 г. была принята Программа ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, главная задача которой, как говорится в ее преамбуле, – оказание помощи в удовлетворении насущных потребностей мирового сообщества в деле предупреждения криминальных проявлений и правосудия.

Основные цели Программы следующие:

- борьба с преступностью национального и транснационального характера;
- объединение усилий государств – членов ООН в предупреждении транснациональной преступности;
- более эффективное отправление уголовного правосудия;
- содействие соблюдению самых высоких стандартов справедливости, гуманности, правосудия и профессионального поведения.

Для максимальной активизации борьбы с преступностью в 1992 г. в составе Экономического и Социального Совета ООН была создана Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию. В Комиссию входят представители 40 государств – членов ООН, избираемые на три года. Комиссия занимается разработкой проектов руководящих принципов предупреждения преступности и уголовного правосудия, определяет планирование мероприятий ООН по борьбе с преступностью, оказывает содействие институтам ООН, готовит Конгрессы ООН. Именно в рамках Комиссии была подготовлена принятая 51-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН (1996) Декларация

о преступности и общественной безопасности. В Декларации указано, что все государства – члены ООН должны взять на себя торжественное обязательство взаимно сотрудничать в целях предупреждения опасной транснациональной (в том числе организованной) преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия, контрабанды, других незаконных товаров, организованной торговли людьми, террористических преступлений, коррупции и отмывания преступных доходов.

Постоянное расширение масштабов международного сотрудничества, его направлений и форм побудили Генеральную Ассамблею поручить Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию рассмотреть вопрос о разработке международной конвенции против организованной транснациональной преступности. Это поручение вытекало из положений Неапольской политической декларации и Всемирного плана действий, принятых Всемирной конференцией по борьбе с организованной транснациональной преступностью (Неаполь, ноябрь 1994 г.).

Немаловажны и усилия ООН по подготовке так называемых модельных соглашений, к которым относятся Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия, Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства, Типовой договор о выдаче, Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены, Типовой договор о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие народов в форме движимых ценностей.

Помимо Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию, в систему органов ООН, специально занимающихся вопросами борьбы с преступностью, входят: Центр по международному предупреждению преступности (Венский центр), Межрегиональный римский научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия, Азиатский и Дальневосточный институт ООН в Токио по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Хельсинкский институт по предупреждению преступности и борьбе с ней, Африканский институт ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Арабский

исследовательский и учебный центр в Эль-Рияде по вопросам безопасности, Австралийский (Канберра) институт криминологии, Канадский (Ванкувер) Международный центр по реформам уголовного законодательства и политике по уголовному правосудию. Названные институты проводят научные исследования, занимаются вопросами повышения квалификации кадров национальных правоохранительных органов, оказывают методическую, материальную и техническую помощь в разработке разного рода проектов, обеспечивают заинтересованные организации информацией о преступности и мерах борьбы с ней в мире.

ООН, в силу своего специфического положения, в борьбе с преступностью решает в основном задачи глобального, стратегического характера. Более конкретные, тактические задачи решаются региональными международными организациями: Советом Европы, Европейским союзом, Организацией американских государств, Лигой арабских стран, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, Организацией африканского единства.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН еще от 14.12.1990 № 45/107 «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» отмечается: «Учитывая, что передовая технология и специальные технические знания применяются в преступных операциях в сфере международной торговли и коммерции, включая использование компьютеров для мошенничества, путем злоупотребления банковскими техническими возможностями, нарушения налогового законодательства и таможенных правил, сотрудники правоохранительных органов и органов уголовного правосудия должны быть должным образом подготовлены и обеспечены адекватными правовыми и техническими средствами для выявления и расследования таких правонарушений. Следует обеспечивать координацию и сотрудничество с другими соответствующими учреждениями на национальном уровне и далее расширять их возможности. Следует также добиваться заключения и укрепления прямых договоренностей о международном сотрудничестве между различными учреждениями национальных систем уголовного правосудия».

В 2000 г. резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября была принята

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности.

Как отмечает В. Меркушин, она впитала в себя предшествующий опыт государств в создании международно-правовых документов в деле объединения усилий по предотвращению организованной преступности и борьбе с ней. В Конвенции нашли отражение такие широко известные международно-правовые акты, как: Миланский план действий, принятый в 1985 г. на VII Конгрессе ООН по предотвращению преступности и обращению с правонарушителями, Типовой договор о выдаче (резолюция 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН), Типовой договор о взаимной правовой помощи в области уголовного правосудия (резолюция 45/117 Генеральной Ассамблеи ООН), Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий против транснациональной организованной преступности, принятые на Всемирной конференции по организованной транснациональной преступности в 1994 г., и т.д. [9].

Статья 7 этой Конвенции посвящена мерам по борьбе с отмыванием денежных средств.

В ней говорится, что каждое государство-участник:

- устанавливает всеобъемлющий внутренний режим регулирования и надзора в отношении банков и небанковских финансовых учреждений, а также, в надлежащих случаях, других органов, являющихся особо уязвимыми с точки зрения отмывания денежных средств, в пределах своей компетенции, в целях недопущения и выявления всех форм отмывания денежных средств, причем такой режим основывается на требованиях в отношении идентификации личности клиента, ведения отчетности и предоставления информации о подозрительных сделках;
- обеспечивает, чтобы административные, регулирующие, правоохранительные и другие органы, ведущие борьбу с отмыванием денежных средств (в том числе, когда это соответствует внутреннему законодательству, и судебные органы), были способны осуществлять сотрудничество и обмен информацией на национальном и международном уровнях на условиях, устанавливаемых его внутренним законодательством, и в этих целях рассматривает

вопрос об учреждении подразделения по финансовой оперативной информации, которое будет действовать в качестве национального центра для сбора, анализа и распространения информации, касающейся возможных случаев отмывания денежных средств.

Из документов других международных организаций следует также принять во внимание Рекомендацию № R (81) 12 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О вопросах экономической преступности», принятую Комитетом министров 25 июня 1981 г. на 335-м заседании представителей министров. В этом документе отмечается, что «экономическая преступность причиняет ущерб большому количеству людей (партнерам, акционерам, работникам, конкурентам, потребителям, кредиторам), обществу в целом и даже государству, которое вынуждено нести тяжелое финансовое бремя или страдать от значительного ущерба государственным доходам; причиняет вред национальной и (или) международной экономике; вызывает определенные потери в доверии к экономической системе самой по себе».

В связи с этим правительствам государств-членов рекомендовано «пересматривать свое законодательство, касающееся деятельности в сфере бизнеса, в сфере необходимости способствовать созданию согласованного и всеобъемлющего набора стандартов, легко доступных пониманию всех заинтересованных лиц, равно как и правовых систем, достаточно гибких для того, чтобы справляться с экономической преступностью, которая может являться результатом будущего экономического и технологического развития».

Рекомендуется также, чтобы правительства государств-членов:

1) уделяли больше внимания предотвращению экономической преступности, в особенности что касается законодательных положений относительно следующих вопросов:

- минимальный размер фондов, необходимых для учреждения и (или) осуществления деятельности коммерческой компании;
- необходимость соблюдения условий и выполнения формальностей для внесения коммерческих компаний в специальные реестры, которые ведет государство;
- бухгалтерия в коммерческих компаниях и

надзор за ней со стороны соответствующих органов;

- периодическое инспектирование компаний правительственными ведомствами и проведение административных проверок в отношении компаний, подозреваемых в серьезных нарушениях;

2) изучили возможности наделения омбудсмена полномочиями с целью защиты общественности, особенно потребителей, от злоупотреблений и противоправных действий в мире бизнеса;

3) налаживать сотрудничество между властями, ответственными за контроль за экономической преступностью;

4) информировали общественность о ее правах и правовых средствах защиты, доступных для борьбы с экономической преступностью, путем облегчения доступа к властям, поощряя обращения к этим властям за защитой;

5) поощряли торговые ассоциации и другие группы в мире бизнеса к принятию кодексов этики бизнеса».

В разделах 3 и 4 документа правительствам государств-членов рекомендуется:

1) предпринимать шаги для облегчения обнаружения экономических преступлений и начала уголовного разбирательства, в частности, путем:

- создания полицейских подразделений, специализирующихся на контроле за экономической преступностью;
- создания в рамках властей, ответственных за уголовное преследование, групп, специализирующихся на экономических делах;
- обеспечения специализированной подготовки полиции и других следственных органов, занимающихся экономической преступностью; такая подготовка, где это уместно, связывается с соответствующим профессиональным ростом;
- предоставления жертвам экономической преступности права поддерживать свои требования лично в ходе уголовного разбирательства или, если они уже обладают таким правом, путем облегчения их задачи;
- изучения возможности допускать некоторые объединения жертв в качестве сторон в ходе уголовного разбирательства;

2) предпринимать все необходимые шаги для обеспечения скорого и эффективного уголовного правосудия в сфере экономической преступности,

в частности, путем:

- обеспечения специализированной подготовки судей, рассматривающих дела по экономическим преступлениям;
- пересмотра норм о секретности для некоторых профессий (например, в сфере банковского дела);
- разрешения и поощрения других органов в предоставлении правоохранительным органам информации, необходимой для разбирательства по уголовным делам;
- изучения возможности принятия концепции уголовной ответственности корпораций или, по крайней мере, введения других мер, служащих достижению тех же целей в отношении экономических преступлений;
- поощрения органов, ответственных за уголовное преследование экономических преступлений, для избежания чрезмерных задержек;

3) пересмотреть свое законодательство по уголовным наказаниям за экономические преступления с учетом:

- адекватного применения наказаний, связанных с лишением свободы, в случаях серьезных преступлений;
- наложения штрафов в большем соответствии с финансовым положением преступника и с тяжестью совершенных экономических преступлений, стремясь путем законодательных или иных мер предупредить уплату штрафа третьим лицом, особенно лицом, ради чьей выгоды было совершено преступление;
- того, чтобы профессиональная дисквалификация становилась основным видом наказания, а компенсация потерпевшим также предусматривалась наказанием в соответствующих случаях.

Кроме того, в Рекомендациях R(81)12 правительствам государств-членов предлагается:

- вести подробную статистику по экономической преступности для облегчения криминологических исследований и усилить деятельность по предупреждению такой преступности и наказание за подобные преступления;
- поощрять и содействовать исследованиям относительно причин, проявлений и последствий экономической преступности и относительно эффективности

превентивных и карательных мер в этой сфере.

В Приложении к Рекомендации R(81)12 дан следующий перечень экономических преступлений:

- 1) преступления, совершаемые картелями;
- 2) обман и злоупотребления экономической ситуацией со стороны многонациональных компаний;
- 3) получение с помощью обмана или злоупотребление правом получения государственных грантов и грантов международных организаций;
- 4) компьютерные преступления (например, кража данных, нарушение секретности информации, махинации с компьютерными данными);
- 5) фиктивные фирмы;
- 6) подделка бухгалтерских балансов компании и преступления в сфере бухгалтерии;
- 7) мошенничество, связанное с экономической ситуацией и корпоративным капиталом компаний;
- 8) нарушение компанией стандартов в области безопасности и здравоохранения в отношении наемных работников.

Кроме того, правительствам государств-членов рекомендовано усиливать сотрудничество на международном уровне посредством подписания и ратификации Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и экстрадиции, протоколов к ней и любых других международных документов, облегчающих уголовное преследование. При этом обозначена необходимость «более тщательного изучения желательности гармонизации норм о взаимной помощи по уголовным делам» в рамках Совета Европы и определения сферы применения уголовного права при подавлении экономической преступности, в частности, с учетом возможности пересмотра национальных законов, ограничивающих помощь.

В ст. 18 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма определено, что государства-участники сотрудничают в предупреждении подобных преступлений путем принятия всех практически осуществимых мер, в частности путем изменения, при необходимости, их внутреннего законодательства для воспрепятствования или противодействия подготовке в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений на их территории или за ее пределами, в том числе:

- а) мер, запрещающих на их территориях

незаконную деятельность лиц или организаций, которые умышленно поощряют, подстрекают, организуют или совершают преступления;

- б) мер, обязывающих финансовые учреждения и другие организации, участвующие в совершении финансовых операций, принимать самые эффективные из имеющихся в их распоряжении мер для идентификации их постоянных или случайных клиентов, а также клиентов, в пользу которых открыты счета, и обращать особое внимание на необычные или подозрительные операции и сообщать об операциях, предположительно связанных с преступной деятельностью.

В ст. 7 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (принята 15.11.2000) записано, что каждое государство-участник:

- а) устанавливает всеобъемлющий внутренний режим регулирования и надзора в отношении банков и небанковских финансовых учреждений, а также, в надлежащих случаях, других органов, являющихся особо уязвимыми с точки зрения отмыывания денежных средств, в пределах своей компетенции, в целях недопущения и выявления всех форм отмыывания денежных средств, причем такой режим основывается на требованиях в отношении идентификации личности клиента, ведения отчетности и предоставления информации о подозрительных сделках;

- б) обеспечивает, чтобы административные, регулирующие, правоохранные и другие органы, ведущие борьбу с отмыыванием денежных средств (в том числе, когда это соответствует внутреннему законодательству, и судебные органы), были способны осуществлять сотрудничество и обмен информацией на национальном и международном уровнях на условиях, устанавливаемых его внутренним законодательством, и в этих целях рассматривает вопрос об учреждении подразделения по финансовой оперативной информации, которое будет действовать в качестве национального центра для сбора, анализа и распространения информации, касающейся возможных случаев отмыывания денежных средств.

Кроме того, государства-участники рассматривают вопрос о применении практически возможных мер по выявлению перемещения

наличных денежных средств и соответствующих оборотных инструментов через их границы и по контролю за таким перемещением при условии соблюдения гарантий, направленных на обеспечение надлежащего использования информации, и не создавая каких-либо препятствий перемещению законного капитала. Такие меры могут включать требование о том, чтобы физические лица и коммерческие организации сообщали о трансграничных переводах значительных объемов наличных денежных средств и передачах соответствующих оборотных инструментов.

При установлении внутреннего режима регулирования и надзора Международная конвенция предлагает государствам-участникам руководствоваться соответствующими инициативами региональных, межрегиональных и многосторонних организаций, направленными против отмывания денежных средств.

Международная конвенция призывает государства-участники к развитию и поощрению глобального, регионального, субрегионального и двустороннего сотрудничества между судебными и правоохранительными органами, а также органами финансового регулирования в целях борьбы с отмыванием денежных средств.

Кроме общих международных документов по борьбе с преступностью существует большая группа международных соглашений в области борьбы с нарушениями финансового и налогового законодательства, обусловленная исключительной специфичностью уголовно-правовой природы финансовых и налоговых преступлений, обособлением в структуре правоохранительных органов ряда государств подразделений, специализирующихся на их выявлении, предупреждении, пресечении и расследовании, а также наличием особенностей предмета доказывания и сбора доказательств по соответствующей категории уголовных дел.

Основываясь на взаимной заинтересованности государств в эффективном решении задач, связанных с предупреждением, выявлением и пресечением налоговых преступлений и правонарушений, Российская Федерация инициировала заключение ряда таких соглашений.

В числе первых подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве и обмене информацией в области борьбы с нарушениями налогового

законодательства (Ташкент, 25.04.1995). Позднее подобные соглашения были заключены Российской Федерацией с Азербайджаном (25.01.2002), Арменией (25.04.1996), Белоруссией и Украиной (19.10.1999), Казахстаном (06.07.1998), Киргизией (26.08.1999), Румынией (25.11.1999), Таджикистаном (14.01.1998) и некоторыми другими странами.

Эти Соглашения предусматривали осуществление следующих форм сотрудничества:

- обмен информацией о нарушениях налогового законодательства юридическими или физическими лицами;
- взаимодействие по вопросам проведения мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение налоговых преступлений и правонарушений;
- представление соответствующим образом заверенных копий документов, связанных с налогообложением физических и юридических лиц;
- обмен информацией о национальных налоговых системах, об изменениях и дополнениях налогового законодательства, а также методическими рекомендациями по борьбе с нарушениями налогового законодательства;
- обмен опытом по созданию и функционированию информационных систем, используемых в борьбе с нарушениями налогового законодательства;
- осуществление координации деятельности по вопросам, возникающим в процессе сотрудничества, включая создание рабочих групп, обмен представителями, экспертами и обучение кадров;
- проведение научно-практических конференций и семинаров по проблемам борьбы с налоговыми преступлениями и правонарушениями.

Соглашениями также предусмотрен обмен информацией о нарушениях налогового законодательства, который осуществляется по вопросам:

- сокрытия доходов юридическими или физическими лицами от налогообложения с указанием способов, применяемых при этом нарушителями налогового законодательства;
- открытия счетов в государственных и коммерческих банках юридическими и физическими лицами, а также движения

средств по этим счетам, если есть основания полагать, что на них находятся скрываемые от налогообложения суммы;

- доходов и размеров налогообложения юридических и физических лиц, нарушивших налоговое законодательство, а также предупреждения, выявления и пресечения налоговых преступлений и правонарушений.

Указанная информация предоставляется на основании запроса компетентного органа. В нем должны быть указаны: наименования запрашивающего и запрашиваемого компетентных органов; краткое изложение существа и обоснование запроса, а также другие сведения, необходимые для его исполнения. По уголовным делам, кроме того, указываются краткое описание фактических обстоятельств, квалификация преступления и размер причиненного ущерба.

Компетентные органы участников соглашений могут также предоставлять друг другу по запросу копии документов, касающихся налогообложения юридических и физических лиц, а также документов по вопросам, имеющим отношение к нарушениям налогового законодательства. Копии заверяются подписью уполномоченного лица и печатью запрашиваемого компетентного органа.

Взаимодействие компетентных органов при проведении мероприятий по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых преступлений и правонарушений в отношении лиц, совершивших такие преступления и правонарушения или подозреваемых в их совершении, включает совместное планирование, использование сил и средств, обмен информацией о ходе и результатах проведения этих мероприятий.

Соглашениями предусмотрен также регулярный обмен информацией о национальных налоговых системах, правовых основах проведения расследований преступлений и производства по делам об административных правонарушениях в области налогового законодательства, информирование друг друга об изменениях налогового законодательства не позднее одного месяца после принятия новых нормативных актов или внесения изменений в действующие нормативные акты.

Кроме того, компетентные органы должны осуществлять обмен опытом, методиками и научными материалами по вопросам создания и функционирования информационных систем при

организации борьбы с нарушениями налогового законодательства, безвозмездно предоставлять друг другу содержащуюся в их архивах и банках данных информацию.

Участники соглашений взяли на себя также обязанности по осуществлению сотрудничества в обучении и переподготовке кадров на базе своих учебных заведений, проведению совместных научных исследований по актуальным вопросам борьбы с нарушениями налогового законодательства, а также по обмену экспертами.

Примечательным с точки зрения расширения перечня форм оказания взаимной помощи является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства (Стокгольм, 02.12.1997) [1]. В частности, им предусмотрена возможность проведения расследования и других мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение налоговых нарушений. Согласно ст. 7 данного Соглашения по получению запроса «запрашиваемый орган проводит официальные расследования в отношении действий, которые противоречат или могут противоречить законодательству». Такие расследования проводятся в соответствии с законодательством государства запрашиваемой стороны, при этом запрашиваемый орган «проводит расследования так, как если бы он действовал от своего собственного имени». Запрашиваемый орган может разрешить официальным лицам запрашивающей стороны присутствовать при таких расследованиях. Результаты расследования передаются запрашивающему органу.

По итогам саммита «Группы двадцати» в Санкт-Петербурге в 2013 году опубликован целый пакет новых международных документов, нацеленных в том числе и на борьбу с правонарушениями в экономической сфере. В это пакет входят Санкт-Петербургская декларация лидеров «Группы двадцати», а также приложения к этому документу:

1. Заявление лидеров по случаю пятилетия «Группы двадцати»: взгляд в будущее
2. Санкт-Петербургский План действий
- 2.1. Приложения к Санкт-Петербургскому Плану действий (доступны только английские версии):

Приложение 1: St.Petersburg Fiscal

- Templates for advanced economies
 Приложение 2: St.Petersburg Fiscal
 Templates for emerging market economies
 Приложение 3: MAP Policy Templates for
 all G20 countries
 Приложение 4: The Accountability Assess-
 ment and associated Chart Pack
3. Рабочий план «Группы двадцати» по финансированию инвестиций. Заключение исследовательской группы и перспективы
 4. Доклад о прогрессе в области финансовых реформ
 5. Приложение по вопросам налогообложения к декларации лидеров стран «Группы двадцати»
 6. Санкт-Петербургская стратегия развития
 7. Санкт-Петербургский доклад о выполнении обязательств «Группы двадцати» в области развития
 8. Совершенствование транспарентности в РТС
 9. Мониторинговый отчёт рабочей группы по противодействию коррупции за 2013 год
 10. Принципы высокого уровня ОЭСР и «Группы двадцати» по долгосрочному финансированию инвестиций для институциональных инвесторов
 11. Дорожная карта «Группы двадцати» по усилению надзора и регулирования теневой банковской системы.

Список литературы

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства (Стокгольм, 02.12.1997) // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 12. – С. 49-54.
2. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
3. Волеводз А.Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международный опыт и российские перспективы // Наркоконтроль. – 2015. – № 4. – С. 37-45.
4. Волеводз А.Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международно-правовые основы // Наркоконтроль. – 2015. – № 3. – С. 28-35.
5. Кондрат Е.Н. Транснациональная организованная преступность и теневая экономика: некоторые общие проблемы взаимосвязи // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 128-135.
6. Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.В. Мозякова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 224 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
7. Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности // Российский следователь. – 2008. – № 1. – С. 60-63.
8. Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации // Российской государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конференции. Вып. 1. – Калуга, 2001. – С. 60-63.
9. Меркушин В. О повышении роли ООН в области борьбы с транснациональной преступностью и ее организованными структурами // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3.
10. Пиров М.Т. Правовые и организационные основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 105-115.
11. Пиров М.Т. Борьба с рабством: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 146-151.
12. Пиров М.Т. Работоторговля в современном глобальном мире: социальный и криминалистический аспекты // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 120-134.
13. <http://ru.g20russia.ru/news/20130906/782776168.html>

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

БОРОДИНА Светлана Васильевна,
доцент Воронежского института ФСИИ России,
кандидат юридических наук, доцент (г. Воронеж,
Россия)

E-mail: Svetiana-borodina-1969@mail.ru

ПЕТРОВ Анатолий Варфоломеевич,
старший преподаватель Государственного универ-
ситета морского и речного флота им. адмирала
С.О. Макарова (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: fkt_law@gumrf.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

РУССКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

***Аннотация.** Анализируется становление и развитие института присяжных заседателей в русском уголовном судопроизводстве. Рассматривается институт присяжных заседателей – это не новое, а забытое на определенное время старое.*

***Ключевые слова:** институт присяжных заседателей; коллегиальность; дорогостоящая судебная процедура; судебная реформа*

BORODINA S.V.

PETROV A.V.

RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: PAST AND PRESENT

***The summary.** This article present an analysis of formation and development of the institute of jurors in Russian criminal proceedings. The authors of this article consider “the institute of jurors” – this is not something new, this is long forgotten past.*

***Key words:** institute of jurors; collegiality; costly legal procedure; judicial reform*

Конституция Российской Федерации (ст. 118) устанавливает принцип осуществления правосудия только судом и, следовательно, исходя из положения ст. 49 Конституции РФ, закрепляющего презумпцию невиновности лица, совершившего общественно-опасное запрещённое под угрозой наказания деяние, предоставляется право установления виновности в совершении

преступления лишь приговором суда.

Уголовное же дело, прежде чем стать объектом судебного рассмотрения в большинстве случаев не может миновать предварительного расследования или дознания, выводы органов предварительного расследования не могут быть положены в основу приговора, суд принимает по нему решение самостоятельно и вправе как признать

подсудимого виновным, так и оправдать его.

В судебном разбирательстве уголовное дело должно быть всесторонне полно и объективно рассмотрено, все обстоятельства и факты, имеющие существенное значение для разрешения должны быть исследованы и только после этого они считаются достоверно установленными. Так как в будущем при разрешении вопроса о вынесении приговора, будут правильно оценены собранные в ходе предварительного расследования доказательства в соответствии с требованием материального закона, разрешен вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а в случае признания его виновным – и о его наказании.

Не менее важной задачей при судебном разбирательстве должно быть выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также и принятие мер к их устранению [21; 22].

Рассмотрение уголовного дела должно быть обеспечено так, чтобы наиболее удачно способствовать воспитательному воздействию на граждан в целях предупреждения правонарушений, созданы наиболее благоприятные условия для установления истины, в полной мере обеспечить реализацию прав и систему процессуальных гарантий, всем участвующим в разбирательстве дела лицам.

Недаром при рассмотрении отдельных уголовных дел, учитывая их общественное значение, степень опасности преступления, а также состояние преступности в городе или районе целесообразно проводить с выездом на предприятие, учреждение или организацию, либо по месту жительства подсудимого, что последнее время не основательно перестало проводиться [9].

Судебное разбирательство основывается на определенных принципах уголовного процесса и эти общие условия последовательно и полно должны осуществляться.

Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции, в прошлом XX веке, предусматривалось ранее в порядке ст. 15 УПК РСФСР коллегиально или единолично; коллегиальное рассмотрение дел осуществлялось судом в составе судьи и двух народных заседателей. Рассмотрение дел во всех судах кроме районного (городского) народного суда могло быть по решению соответствующего суда с согласия обвиняемого осуществляться судом в составе трех профессиональных

судей, один из которых являлся председательствующим (коллекцией судей).

Коллегия в составе судьи и двух народных заседателей рассматривала дела о преступлениях, за которые максимальное наказание, предусматривалось уголовным законом, более строгим, чем пять лет лишения свободы, но не превышала пятнадцати лет лишения свободы, а также все дела о преступлениях несовершеннолетних.

Уголовные дела о преступлениях, за которые уголовным законом предусматривалось максимальное наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни, рассматривала коллегия в составе трех профессиональных судей (ч.2 ст. 15 УПК РСФСР)*.

В соответствии с правилами раздела десятого действовавшего УПК РСФСР по ходатайству обвиняемого дела о преступлениях указанных в части второй ст. 15, рассматривались судьей и присяжными заседателями.

Народные заседатели при осуществлении правосудия пользовались всеми правами судьи. Они были равны с председательствующим в судебном заседании в решении всех вопросов, возникающих при рассмотрении дела и постановлении приговора.

В случаях, предусмотренных ст. 35 УПК РСФСР, рассмотрение дел в суде первой инстанции осуществлялось судьей единолично в общем порядке.

Рассмотрение дел в кассационном порядке осуществлялось в составе трех членов суда, а в порядке надзора – в составе не менее трех членов суда.

Решение о рассмотрении дела единолично, или с участием народных заседателей, или в составе трех профессиональных судей было связано с подсудностью дела, тяжестью совершенного преступления, сложностью возможного по делу производства, а также видом и размером наказания, которое могло быть назначено приговором суда осужденному.

Участие народных заседателей и иных представителей народа в осуществлении правосудия являлось гражданским долгом. Федеральный закон устанавливало определенные требования к гражданам, участвующим в осуществлении правосудия, За период времени участия гражданами Российской Федерации в осуществлении правосудия выплачивалось, предусмотренное

законом вознаграждение.

В соответствии со ст. 119 Конституции РФ граждане РФ, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, могут быть судьями. Вместе с тем федеральный закон может устанавливать дополнительные требования к лицам, избираемым на должность судьи судов РФ.

Исходя из специфики процессуальных задач суда и подсудности дел, для рассмотрения конкретного дела в различных судебных инстанциях формировался состав суда.

В прошлом важное значение было отведено повышению роли и активности народных заседателей при осуществлении правосудия придавал Пленум Верховного Суда РФ, указывая на то, что судьи не только должны сами тщательно изучать дела, выносимые в судебные заседания, но и помогать в этом заседателям, обеспечивая тем самым активное их участие в разбирательстве дела [2].

Во время судебного разбирательства задача российского суда заключается в том, чтобы показать населению насколько опасно для интересов государства совершенное преступление, создать, вокруг рассматриваемого судом дела такую моральную атмосферу осуждения, которая исключала бы возможность повторения аналогичных преступлений, исходя из этого, следует признавать правильными действия тех судов и лично судей, которые принимают решения о проведении судебных процессов над лицами, совершившими преступления, представляющими повышенную опасность, как уже отмечалось непосредственно на предприятиях, учреждениях, организациях, то есть в выездных сессиях, что в последнее время неосновательно перестало проводиться. Бесспорно, что выездные сессии, не только привлекают широкий круг граждан в судебное заседание, но и усиливали оказание воспитательное воздействие на присутствующих.

Определенное значение имело освещение в печати или по радиовещанию рассмотренных судами дел, представляющих общественный интерес.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не содержал нормы, в которой было бы упоминание о выездных сессиях судов. Принятый 22.11.01 г. новый уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации также не упоминает

об этом. В будущем следовало бы предусмотреть законодательное закрепление положения в котором, в целях усиления внимания граждан к рассматриваемым в суде делам, повышения воспитательной роли судебных процессов и предупреждения преступлений, следует в необходимых случаях, извещать по месту работы или учебы лиц, с кем работал подсудимый или население, где проживал о предстоящем судебном процессе.

Рассмотрение дела следует назначать на такие дни и часы, которые наиболее удобны для трудящихся. Такое требование содержал УПК УССР (ст. 20). Закрепление на законодательном уровне рекомендательного положения, применяемого в течение длительного времени в практической деятельности российскими судами, повысит ответственный подход судьей к своей профессиональной деятельности, особенно в выездных сессиях, проведение которых следует возобновить.

Усовершенствование российского законодательства – обычный необходимый творческий процесс. Он существует с момента зарождения правовых норм в истории существования человеческого общества. Изучая историю существования правовых норм, невольно обсуждая и анализируя о том, как когда-то было в прошлом и как стало, порою нет конца удивлению творческих возможностей человечества. Человечеству во все времена присуще было развитие, а вместе с тем приспособление любую из форм движения материального мира к удовлетворению своих потребностей и нужд. Не исключением является и социальное развитие, включая регулирование правовых отношений человечества.

Зарождение в процессе развития человеческого общества еще в глубокой древности отдельных правовых норм, регулирующих определенные институты, можно не переставать удивляться мудрости наших далеких предков. Многие из них не только не утратили своей свежести, но и необходимости служить благу человечества.

Примеров этого можно приводить немало. Это демократия, коллегиальное решение текущих жизненных вопросов, справедливый суд, обеспечение справедливости как таковой [16; 17], а также в ходу уголовного судопроизводства за счет воплощения состязательности и других прогрессивных принципов, существовавших в России, например, в XIX веке [28] и др. История знает,

что введение в России в XIX веке такого необходимого правового института, как суд присяжных, послужило тому, что в этот период времени в стране было цивилизованное правосудие. Несмотря на то, что и в тот период времени он содержал немало недостатков, результативность его деятельности трудно переоценить, сравнивая о том, как было до этого времени и как стало впоследствии.

Однако в истории существования человеческого общества было немало фактов, которые не только замедляли развитие, а порою наблюдались и его ухудшение. Такое наблюдалось во всех формах движения материального мира. Не исключением является и социальная сфера, в том числе и регулирование правовых отношений.

Одним из самых ярких примеров подтверждения сказанного, можно вспомнить, как в начале XX века, вскоре после революции, было решено отказаться от института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве. Потребовалось немало времени, чтобы прийти к выводу, что отказ от его существования в России, оказался ошибочным. Неспроста, когда на первых порах в Российской Федерации, в 90-х годах прошлого столетия мы вновь стали поэтапно вводить институт присяжных заседателей, было упомянуто, что мы не вводим его в наше российское уголовно-процессуальное законодательство, а возрождаем его. Хотя по этому вопросу, как и по необходимости возрождения института присяжных заседателей, существуют различные точки зрения [15].

Несомненно, институт присяжных заседателей в российском уголовном законодательстве – это не новое, а забытое на определенное время старое.

Пытаясь найти на тот или иной период времени ответ на вопрос о том, как быть при регулировании тех или иных правовых отношений, возникающих при определенных жизненных обстоятельствах и находя ответ, при анализе можно прийти к выводу, что это не новое открытие, а давно забытое старое.

Критически оценивая свои действия, человечество каждый раз начинает возвращаться к тому ценному, что оно имело в прошлом и в определенный период времени неоправданно забыло.

Среди такого забытого, что периодически применялось в прошлые времена, так это то, что в отдельных случаях, установленных

ведомственными правовыми актами и одним из самых распространенных случаев, если дело приобрело большой общественный резонанс в регионе, допускалось рассмотрение уголовного дела в выездной сессии суда.

В настоящее время такое давно перестало применяться на практике. А ведь какое это оказывало мощное профилактическое и воспитательное воздействие на население с целью предупреждения преступности, факт настолько бесспорен и не у кого не вызывает сомнения в полезности этого применения на практике.

В действующем УПК РФ нет норм, регламентирующих решение вопросов, связанных с рассмотрением уголовных дел в выездной сессии. Конечно, можно упомянуть, что в настоящее время действует Федеральный конституционный закон РФ (№ 1 от 07.02.2011 г., № 2 от 10.07.2012 г., № 3 от 01.12.2012 г.) ст.24, ст.33 ч.1, ст.44 ч.6 которого, допускается в целях приближения правосудия к месту жительства лиц, участвующих в деле, находящихся или проживающих в отдаленных местностях, федеральным законом в составе того или иного суда, проведение заседания суда, как в других населенных пунктах, так и других местах, если сочтут в этом необходимым. В законе упоминается, что может быть образовано постоянное судебное присутствие того или иного суда в другой местности, являясь обособленным подразделением и осуществляя его полномочия.

Однако эти нормы закона недостаточны для выполнения в полной мере задач, стоящих перед российским правосудием. В этом законе упоминается, что тот или иной суд может проводить заседания в других местах, в том числе и в населенных пунктах, если сочтет это необходимым.

Действующее положение не в полной мере способствует приближению правосудия к месту жительства. Законодатель не определил, какие же именно уголовные дела об определенных преступлениях должны рассматриваться в выездной сессии? Если руководствоваться действующими ранее правовыми актами и об одном из них упоминалось, то может ли это наши дни использоваться?

Именно эти вопросы должны стать объектом всестороннего, взвешенного обсуждения как научными, так и практическими работниками. Может ли предыдущий опыт рассмотрения дел в выездной сессии быть использован, в т. ч.

и случаи, в наши дни, это и должно получить всесторонне обобщение и на основе сделанных выводов в будущем в УПК РФ должны быть введены нормы, регламентирующие решение вопросов, связанных с рассмотрением уголовных дел в выездной сессии.

В последнее время, конечно, немало уделяется внимания разрешению вопросов, связанных как с обеспечением безопасности проведения судебного разбирательства, так и участников процесса [3; 7; 14]. Это, конечно, правильно и на данный период времени это, как никогда стало особо актуальным. Но все же эти вопросы, возникающие в связи с этим следует признать, разрешимы. В каждом конкретном отдельном случае, с учетом реальных возможностей, при рассмотрении уголовных дел в выездной сессии при содействии органов местного самоуправления, правоохранительными органами должна быть обеспечена безопасность участников судебного разбирательства. Это должно в форме определенного положения получить закрепление в будущем в нормах УПК РФ, регламентирующих разрешение вопросов, связанных с рассмотрением уголовных дел в выездной сессии [32].

Придавая большое правовое значение ранее применявшемуся порядку в практической деятельности судов, рассмотрение уголовных дел в выездных сессиях представляет собой определенную ценность в уголовном процессе. Следовало бы не отказываться от этого в наши дни. Этот ранее принявшийся порядок рассмотрения уголовных дел следует возродить, подобно тому, как был возрожден суд присяжных в России.

При беседе с судьями можно услышать, что для них это нежелательно, так как при этом предстоит разрешать немало вопросов, которые трудно разрешимы.

Одним из таких непростых для разрешения вопросов является не только организационное обеспечение предстоящей работы суда, но и обеспечение безопасности участников судебного разбирательства. Можно, конечно, говорить, что в наши дни с учетом самых различных обстоятельств, их разрешение будет обходиться дорого для государства.

Но следует учесть, исходя из практики применения предыдущих лет, они будут рассматриваться в небольшом количестве, как правило, дела, получившие определенный общественный резонанс в том или ином регионе. Затраты,

связанные с обеспечением судебного разбирательства, будут невелики. Оказанное при этом мощное профилактическое и воспитательное воздействие, будет способствовать предупреждению преступности. В последнее время на страницах юридической печати об этом, как имеющем оригинальную научную закономерность, как правило, не упоминается.

Затронутые вопросы следовало бы рассматривать в качестве актуальных нашего времени. Необходимость в этом назрела. Это подтверждается, как непосредственным восприятием действительности, так и основываясь на эмпирических выводах.

Нами был проведен опрос граждан. Основное число опрошенных лиц (опрошено около 50 человек) только приветствовали необходимость проведения выездных заседаний суда, считая их отечественной ценностью и имеющих важное практическое значение.

Судебное разбирательство, как и иные стадии российского уголовного процесса, основываются на ряде руководящих положений, отражающих его экономику, собственный строй, исторические и национальные традиции, уровень культуры и идеологию, а также идеи, взгляды, представления о справедливом правосудии.

Закрепление их в определенных формах призвано обеспечить выполнение задач перед российским правосудием, эффективную защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества от преступных посягательств.

Практическая деятельность по расследованию, судебному разбирательству и разрешению уголовных дел должно быть строго, согласована с процессуальными принципами.

Ряд положений Конституции Российской Федерации, относящихся к правосудию и судопроизводству, а также и нормы УПК РФ, непосредственно связанные правосудием, включают следующие принципы уголовного процесса: законность при производстве по уголовному делу (ст. 7); осуществление правосудия только судом (ст.8); уважение чести и достоинства личности (ст.9); неприкосновенность личности (ст.10); охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст.11); неприкосновенность жилища (ст.12); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных сообщений (ст.13); презумпция невиновности (ст.14); состязательность сторон (ст.15);

обеспечение подозреваемому или обвиняемому права на защиту (ст.16); свобода оценки доказательств (ст.17); язык уголовного судопроизводства (ст.18); право обжалования процессуальных действий и решений (ст.19). Принципы уголовного процесса активно обсуждаются в научной литературе [13; 18; 19; 20].

Начало коллегиальности в наши дни заняло особое положение, по сравнению с его правовым положением в предыдущие годы.

Было время, когда оно получало закрепление на конституционном уровне, в ныне действующей Конституции его закрепление получило лишь то, что в отдельных случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей (ст. 123 Конституции РФ).

И тем не менее, коллегиальное начало не потеряло своей актуальности, и в ходе проведения судебной реформы вновь с небывалой силой захватывает умы исследователей [5; 6; 11].

На наш взгляд, под коллегиальностью понимают начало правосудия, в соответствии с которой, рассмотрение применительно к уголовному судопроизводству осуществляется судом в составе не менее трех равноправных профессиональных судей, в случаях предусмотренных законом, принимающих решение по большинству голосов, так и в случаях и в порядке определенным федеральным законом с участием присяжных заседателей.

Учитывая сложившееся неблагоприятное финансово-экономическое положение в Российской Федерации, и в связи с этим то, что суд присяжных в течение длительного времени не получил распространение по всей территории Российской Федерации, как и в предыдущем столетии, актуальным звучит то, что было сказано в прошлом веке В. Случевским: «Несмотря на торжество Суда присяжных, на ту быстроту, с которой он в текущем столетии распространился по континенту Европы, спор о достоинствах и недостатках его до сих пор не может быть признан законченным» [29, стр. 215]. Очевидно, такая же ситуация наблюдается и в наши дни.

Нужна ли нам именно эта дорогостоящая судебная процедура рассмотрения уголовных дел, о которой будет немало сказано в настоящей работе?

Отвечая на этот вопрос, хотелось бы вернуться к сказанному В. Случевским в прошлом веке, что

вполне очевидно и в наши дни:

«В России институт присяжных заседателей призван к жизни ни под влиянием определенной партии, а общего сознания правительством, литературой и народом неудовлетворенности нашей прежней судебной организации и необходимостью поставить ее на более здоровую почву, ближе стоящую к задачам правосудия» [29, стр. 259].

Что же говоря о том, что у него есть отдельные противники, как и в прошлом веке, так и в наши дни, то хотелось бы отметить сказанное В. Случевским о том, что «составляя две категории аргументов нельзя не признать за последними большие силы убедительности, и не отметить при этом, что противники Суда Присяжных чаще всего прибегают к отдельным случаям ошибочной постановке вердиктов Присяжными для доказательства несостоятельности этого суда. А между тем, при применении такого критического приема упускаются из виду, что нет такой формы организации Суда, которая в этом отношении могла бы стоять вне всяких упреков» [29, стр. 217].

Делая вывод о деятельности суда присяжных, С.И. Викторский говорил: «Эти же суды наиболее других способны и вселить к себе доверие: они ближе к населению, их приговоры более индивидуальны, они и более независимы».

Кроме трех основных достоинств, требующихся от каждого суда, которыми Суд Присяжных отличается в высшей мере, он имеет еще один: является лучшим хранителем рассмотренных принципов. А именно:

1) устность и непосредственность применяется в судах присяжных в более широких рамках: присяжные совершенно незнакомы с актами предварительного следствия, судят исключительно по тем данным, которые перед ними на судебном следствии;

2) завоевав себе наибольшую популярность и являясь более многочисленными по своему составу, суды присяжных служат и лучшими хранителями гласности;

3) отсюда ясно, что на суде присяжных выигрывают и начала непрерывности и состязательности с равноправностью сторон;

4) суды присяжных являются и лучшими стражами соблюдения форм судопроизводства; если одни и те же судьи и решают дела, и наблюдают за исполнением законов по соблюдению разных

формальностей производства, да если при этом у них всегда под руками данные предварительного следствия, то также судьи бывают не редко склонны пренебрегать соблюдением форм производства, так как у них складывается впечатление, что они уже достаточно хорошо знают дело, а требования сторон только затягивают окончание его; вот почему большая терпимость к речам сторон, к предварительным допросам свидетелей, экспертов замечается именно на суде присяжных;

5) наконец, суды присяжных служат лучшим проводником правовых идей в народ и важной в этом смысле для него школой. Каждая сессия заседателей с присяжными, включая довольно значительное число присяжных (у нас до 33) по делам, после заседания несет в народ правовые знания.

«Невзирая, однако, на все только что приведенные доводы в пользу судов присяжных, против них раздаются многие голоса и до сих пор; но все эти возражения по существу своему совсем не подрывают достоинства суда присяжных, а указывают лишь на недостатки той или другой его организации или объясняются теми ненормальными условиями, среди которых протекает деятельность присяжных, и которую, конечно надо улучшить, как и саму организацию суда присяжных, вполне поддающуюся усовершенствованию» [10, стр. 35].

Что же касается оправдательных приговоров, о которых еще будет нами упоминаться, то хотелось бы отметить сказанное еще в прошлом веке И.Я. Фойницким, не утратившее своей истинности и в наши дни: «Если оправданные присяжными заседателями не виновны и на самом деле, значит, они неправильно привлечены на скамью подсудимых, значит, наша судебная система до такой степени несовершенна, что правый и виноватый почти в одинаковой степени рискуют подвергнуться всем бедствиям и позору подсудности.. Если оправдание, выносимое присяжными, дается, несмотря на виновность, значит, суд перестает исполнять свое назначение – ограждать общество от преступлений. Наконец, если присяжные заседатели поставлены в необходимость выносить оправдательные решения только по недостатку собранных доказательств и по тусклому их освящению, значит предварительное и судебное следствие, а также обвинительная деятельность стоят на такой низкой степени совершенства, которая делает невозможным

надлежащее отправление правосудия» [31, стр. 7].

Для тех, кто считает в наши дни о неприемлемости суда присяжных для российского правосудия, то вполне уместным является сказанное И.Я. Фойницким в прошлом веке: «можно, кажется признать не подлежащим ни малейшему сомнению, что каждый класс общества, каждое сословие имеет свои заблуждения, свои сильные тенденции, которыми они способны увлекать в ущерб делу. Но именно поэтому и необходим институт присяжных заседателей» [31, стр. 12].

Говоря о недостатках в деятельности суда присяжных, когда не достигается тот положительный результат судебного разбирательства, который ожидала от него публика, то хотелось бы вспомнить сказанное И.Я. Фойницким «Для того, чтобы судебная деятельность шла правильно необходимо стремиться к такому положению, при котором, каждый судья, каждый присяжный заседатель был бы искренне, и глубоко проникнут сознанием, что, участвуя в суде, он принимает участие в управлении, все части которого должны составлять одно стройное, гармоническое целое. Ослабить это сознание, значит, в тоже время порвать единение суда с управлением, которое составлено и составляет предмет заветных желаний и мудрой политики» [31, стр. 46-47].

Никогда не сможет утратить своей свежести сказанное Н. Н. Розиным о том, что «практически жизнь, не смущаясь этим, для целого ряда учреждений, – законодательных, административных и судебных приняло коллегиальное начало, как наивысшую гарантию обдуманности и правильности деятельности этих учреждений» [26, стр. 22].

«Суд – этот – честь и украшение страны, что суждения присяжных разумны и прямы, что приговоры их – продукт глубокой и серьезной вдумчивости» [26, стр. 21].

Относительно же гарантированности того, что лица совершившие общественно опасные деяния получают подлинную оценку своих действий со стороны присяжных, обобщенно упоминалось Н.Н. Розиным: «При таких условиях, когда положения закона противны совести присяжных, не может быть оправдательных приговоров, как они бывали и бывают во всех странах при подобных условиях» [26, стр. 23]. Кроме того, «суд присяжных является только глубоким и тонким выразителем и истолкованием воли закона, как великий артист выражает тончайшие

оттенки выполняемой им роли» [26, стр. 29].

Н.Н. Розин писал: «Этот народный суд, или народное участие в отправлении правосудия – есть явление известное истории всех народов, явление постепенно меняющее свою внешность в зависимости от государственных и социальных условий быта страны, но не умирающее в существе своем, жизненное» [26, стр. 18]. Исследователь отмечал также, что народный суд «является блестящим дополнением и проводником начал устности, гласности, состязательности, судебной независимости и принципа внутреннего убеждения при оценке доказательств и доставляемым этим началом необходимую обеспеченность, стройность и полноту» [26, стр. 2].

Давая общий анализ деятельности суда присяжных прошлого века, как одной из форм коллегиальных начал, хотелось бы отметить сказанное Н.Н. Розиным о том, что «если обратить внимание на процесс постепенного распространения суда присяжных, то можно прийти к одному только выводу: эта форма суда должна быть наиболее совершенной, наиболее удовлетворяющей задачам правосудия, если независимо от различия национальных черт современных народов, она повсюду проникла в судебный строй и повсюду удержалась» [26, стр. 2]. Ученый считал: «Приговоры такого суда авторитетны и непоколебимы» [26, стр. 13].

Возрожденный в наши дни суд присяжных не лишен и недостатков.

Так справедливо оценено В.И. Полудняковым: «Нужно учитывать и такой момент: подсудимый здесь, имеется ввиду нормы УПК РСФСР, имеет ограниченное право на обжалование; он не имеет право обжаловать ни обвинительный, ни оправдательный вердикт суда присяжных, и в этом для него определенная опасность. У него, правда, сохраняется право обжаловать решение суда по процедуре и процедурным моментам, но не по факту, не по доказанности. Очень много желающих судиться судом присяжных в Алтайском крае и в Московской области (до 80% дел). Фактически в регионах, где есть такие суды, каждое второе дело сегодня рассматривается судом присяжных. Это факт, говорит о недоверии подсудимого к профессиональному суду (в некоторой степени), и надежда на то, что население, народ его поймет. Но практика показало, что после случаев, когда присяжные выносили

вердикт о смертном приговоре, несколько месяцев не было заявок. Психологически это совершенно понятно» [24, стр. 21-22].

Суды с участием присяжных заседателей в Российской Федерации действовали в течение небольшого времени в девяти регионах. Знакомство со статистическими показателями их работы на первых порах деятельности, как отмечено А.И. Александровым и В.З. Лукашевичем позволяют сделать следующие выводы: «Во-первых, далеко не все обвиняемые желают рассматривать свои дела судом с участием присяжных заседателей: 1994 г. - 15,8%, 1995 г. – 9,5% от общего числа осужденных. В 1996 г. таких сведений нет, и даже подсудимые отказываются от суда присяжных в 1996 г. – 76 дел (12,1%).

Во-вторых, рассмотрение уголовных дел судами с участием присяжных заседателей по своим результатам значительно отличается от результатов рассмотрения уголовных дел с ранее действовавшими судами в составе судьи и двух народных заседателей. В 1994 г. судами с участием присяжных заседателей оправдано 45 граждан, или 11,9%. А по всем делам этих судов 1,2%. В 1995 году оправдано 81 лицо, а всего по этим делам судом 1996 г. оправдано, в 1996 г. - 98 граждан, вынесено 80 оправдательных приговоров, – 80, т.е. 19,1%.

Впечатляет и количество уголовных дел, направленных на дополнительное расследование, т.е. в период действия УПК РСФСР, когда допускалось принятия такого решения судами с участием присяжных заседателей: в 1994 г. – 136 (36,1%), а по всем делам этого звена 22,1%. В 1995 году направлены на доследование уголовные дела в отношении 220 лиц – 34% от общего числа дел, рассмотренных с участием присяжных 117 уголовных дел – 25,8% от общего числа дел» [4].

В начале второго десятилетия XXI века, к примеру, в 2011 г. судами с участием присяжных заседателей рассмотрены 537 уголовных дел, что составило 14,8% от общего числа окончанных производством уголовных дел судами областного звена (в 2010 г. 633 дела или 16,5%) Из них 427 уголовных дел рассмотрено с вынесением приговора; 6 прекращено; 54 возвращено прокурору для устранения недостатков в порядке ст. 237 УПК РФ.

По трем делам была возобновлена подготовка к рассмотрению дела судом с участием

присяжных заседателей в связи с роспуском коллегии присяжных (в 2010 по 13 делам).

Незначительно изменилось число осужденных лиц по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей – 1046 лиц (в 2010 г. 1157, оправданно 182 лица (в 2010 228 лиц)), число лиц, в отношении которых уголовные прекращены по другим основаниям, как и в 2010, в отношении 131 (133) невменяемого лица применены меры медицинского характера [27, стр. 54].

Согласно сводной статистической отчетности (форма 1) в Российской Федерации за 2012 г. из оконченных производством 941954 уголовных дел 237003 дела (25,1% прекращены производством по различным основаниям, 578071 дело (61,3%) рассмотрены в особом порядке принятия судебного решения. Таким образом в различных формах общего порядка судебного разбирательства рассмотрено не менее 15% уголовных дел, из них судом с участием присяжных заседателей рассмотрено 583 дела, а судом в составе трех профессиональных судей – 235 дел**.

Приведенная официальная судебная статистика говорит о том, что вопрос как о коллегиальности, так и в целом о российской судебной деятельности не утратил своей актуальности и вопросы, возникающие в связи с этим, требуют новых исследований.

Возрождение в России суда с участием коллегии присяжных заседателей – одно из направлений судебной реформы, призванной обеспечить гарантированное Конституцией Российской Федерации прав граждан на рассмотрение их дел по этой прогрессивной форме судопроизводства [12, стр. 6].

Принятым новым Уголовно-процессуальным кодексом РФ рассмотрение уголовных дел существенно изменено по сравнению с ранее действовавшим УПК РСФСР.

Рассмотрение уголовных дел (ст.30 УПК РФ) осуществляется судом коллегиально или судьей единолично, в т.ч. и мировым судьей.

Отказ же в настоящее время от суда присяжных означал бы сдачу позиций, завоеванных в ходе судебной реформы [12, стр. 6].

Хотим ли мы того или нет, но суд присяжных – это реальность, участие присяжных заседателей в судопроизводстве закреплено в ст.123 Конституции РФ. Поэтому актуальны и вопросы оптимизации работы системы уголовной

юстиции, связанной с судом присяжных, о путях повышения ее эффективности; обеспечения более полного и быстрого выявления и пресечения преступлений; раскрытия преступлений; осуждения виновных; предотвращения необоснованного привлечения к уголовной ответственности и наказания лиц, чья виновность не доказана [23].

Рассмотрение уголовных дел в определенных точно установленных законом случаях предусматривается либо судьей единолично, либо судьей федерального суда совместно с присяжными заседателями, либо коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Кроме того, предусматривается в соответствии с подсудностью рассмотрение определенной категории дел мировым судьей, а также рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке судьей районного суда единолично. Порядок рассмотрения дел в апелляционном, кассационном и надзорном порядке изменения по сравнению с ранее действовавшим, не претерпел.

Учитывая, что Федеральным Законом РФ от 18.12.01 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] действие упомянутых норм закона вводилось постепенно и только лишь с 1 января 2004 года новый кодекс в полной мере смог действовать, с окончательными выводами о целесообразности установления такого порядка рассмотрения уголовных дел, придется повременить, хотя некоторые выводы уже можно сделать и сейчас.

Дифференциация судопроизводства, как одна из задач судебной реформы, предполагала обращение к народному началу, оценку полезности действующих форм участия граждан в правосудии. Их две – народные заседатели и присяжные заседатели. Первая существовала в России с 1917 года и воспроизводила старогерманский суд шеффенов, вторая действовала с 1864 г. по 1922 г. по образцу суда присяжных Франции и возрождена вновь в 1993 г. Исторический опыт использования этих форм в правосудии дает основание для конкретных выводов об их положительных и негативных сторонах и о том, какая из них более предпочтительна. А такие выводы необходимы, ибо судебная реформа связывалась с надеждой на то, что новые законы будут способствовать устранению препонов к созданию форм правосудия, гарантирующих независимость каждого судьи в оценке исследуемых фактов и принятии

решений [25].

Первые и последующие процессы в регионах показали, что присяжные заседатели вполне могут анализировать представленные им доказательства, отнюдь не руководствуясь при этом чувством восприятия либо жадой расправы.

Не сбылись мрачные пророчества о превращении суда присяжных в этакие «суды Линча». Опровергнуты пессимистические прогнозы о том, что люди не пойдут в присяжные заседатели, как и не шли в народные [8, стр. 114; 9; 30, стр. 7; 32].

Примечания

- * Федеральным законом РФ от 18.07.1998 г. № 95-ФЗ действие ч. 2 ст. 15 УПК РСФСР было приостановлено до введения в действие УПК РФ.
- ** Данная статистика имеется на кафедре уголовного процесса и криминалистики СПГУ.

Список литературы

1. Федеральный Закон РФ от 18.12.01 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – ст. 4924.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 35 от 07.02.1967 г «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения судами РСФСР» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1967. – № 4. – С. 5.
3. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
4. Александров А.И., Лукашевич В.З. «Суды или присяжные» (как повлияет на компетенцию суда участие в нем заседателей) // Российские вести. – 1998. – 02 января.
5. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 97-101.
6. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 192 с.
7. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
8. Бородин В.В. Современная мировая конституционная практика // Право и жизнь. – 1998. – № 17. – С. 114-121.
9. Бородин В.В., Петров А.В. Рассмотрение уголовного дела в выездной сессии суда: прошлое и настоящее // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 120-124.
10. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М., 1912.
11. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 176 с.
12. Демидов В. Финансовая петля для суда присяжных // Российская юстиция. – 1995. – № 5. – С. 5-7.
13. Еникеев З.Д. Задачи и принципы уголовного процесса в свете проблем борьбы с преступностью // Актуальные вопросы уголовного процесса в современной России: Межвуз. сб. науч. трудов. – Уфа, 2003.
14. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М.: Экзамен, 2003. – 512 с.
15. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 144-151.
16. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и

- общество»).
18. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
 19. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
 20. Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 126-134.
 21. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гишинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
 22. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академик В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
 23. Овсянников И., Галкин А. Одни ругают суд присяжных, другие – прокурора // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С.7-9.
 24. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
 25. Радутная Н. Формирование состава народных заседателей // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 14-15.
 26. Розин Н.Н. О суде присяжных. – Томск, 1901.
 27. Российская юстиция. – 2012. – № 10.
 28. Сальников С.П. Воплощение состязательности и других прогрессивных принципов в судопроизводстве России XIX века // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4(28-2). – С. 433-435.
 29. Случевский В. Курс русского уголовного судопроизводства. – СПб., 1878.
 30. Тропин С. Суд присяжных возвращается в Россию. Подведены первые шаги // Российская юстиция. – 1994. – № 12.
 31. Фойницкий И.Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению. – СПб., 1879.
 32. Хохлов Е.Б., Бородин В.В. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. – 1993. – № 9. – С.152-158.

КЛЕЩИНА Елена Николаевна,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент, (г. Москва, Россия)

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

СУД ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО

***Аннотация.** Рассматривается охрана прав потерпевшего в суде первой инстанции. Анализируется порядок подготовки и проведения судебного разбирательства, в том числе в особом порядке судебного разбирательства и с участием присяжных заседателей. Формулируются авторские предложения по внесению изменений в отдельные статьи УПК РФ, совершенствующие гарантии прав потерпевшего в ходе уголовного процесса.*

***Ключевые слова:** потерпевший; права и свободы; уголовный процесс; судебное разбирательство; суд первой инстанции; особый порядок судебного разбирательства; присяжные заседатели.*

**KLESHCHYNA E.N.
KONDRAT I.N.**

COURT OF FIRST INSTANCE: ACTUAL PROBLEMS PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE VICTIM

***The summary.** The protection of the rights of the victim in the court of first instance is considered. The procedure for the preparation and conduct of the trial, including a special order of the trial and with the participation of jurors, is analyzed. Author's proposals on introducing amendments to certain articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that improve the guarantees of the rights of the victim in the course of criminal proceedings are formulated.*

***Key words:** victim; rights and freedoms; criminal process; trial; court of first instance; special order of the trial; jurors.*

В современный период в условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства важное значение имеет надлежащая охрана прав потерпевшего в суде первой инстанции.

Как известно, суд первой инстанции включает

две стадии уголовного процесса: подготовку к судебному разбирательству и судебное разбирательство.

Порядок подготовки к судебному заседанию регулируется главами 33 и 34 УПК РФ. «Перед первой судебной стадией стоят две главные

задачи: судебный контроль качества предварительного расследования и обеспечение беспрепятственного, правильного разрешения уголовного дела судом первой инстанции» [43, стр. 482].

Важно отметить, что нормы УПК РФ не формулируют нормативно непосредственные задачи стадии подготовки дела к судебному заседанию. Они могут быть выведены из общих полномочий суда, реализуемых на данном этапе, вне зависимости от предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством формы подготовки дела к судебному заседанию. Достаточно определилась в этих вопросах и уголовно-процессуальная доктрина, отнеся к указанным задачам, во-первых, независимую проверку и оценку судом:

- 1) соблюдения на досудебном этапе уголовного судопроизводства основных прав, свобод и законных интересов участников процесса, имеющих в деле признаваемый законом интерес;
- 2) соблюдения законности всех действий и решений публичных процессуальных органов имевших место на досудебном этапе уголовного судопроизводства;
- 3) отсутствие в данной связи объективных препятствий для рассмотрения и разрешения уголовного дела в суде первой инстанции по существу.

Во-вторых, непосредственной задачей указанной стадии является подготовка судом необходимых материальных, процессуальных, организационных и т.п. условий для предстоящего рассмотрения и разрешения поступившего дела по существу [18, стр. 642].

Гарантиями охраны прав потерпевшего в стадии подготовки к судебному разбирательству являются нормы УПК РФ, определяющие круг вопросов, которые должен выяснить судья, по поступившему в суд уголовному делу; установленные законом сроки принятия соответствующих решений со дня поступления уголовного дела в суд; нормы, регулирующие право потерпевшего заявлять ходатайства, подавать жалобы; право судьи при наличии ходатайства потерпевшего или его представителя либо прокурора вынести постановление о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества; в случаях, предусмотренных УПК РФ

проведение предварительного слушания; положение о том, что в случае, если с уголовным делом поступило постановление о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства, судья принимает меры, исключающие возможность ознакомления с указанным постановлением иных участников уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 227 УПК РФ по поступившему в суд уголовному делу в срок не позднее 30 суток, а в случае, если обвиняемый содержится под стражей, в срок не позднее 14 суток судья принимает одно из следующих решений: о направлении уголовного дела по подсудности; о назначении предварительного слушания; о назначении судебного заседания. Решение судьи оформляется постановлением, копия которого направляется обвиняемому, потерпевшему и прокурору. Следует отметить, что в указанный срок по поступившему уголовному делу судья выясняет круг вопросов в отношении каждого обвиняемого. Согласно ст. 228 УПК РФ к таким вопросам относятся: подсудно ли уголовное дело данному суду; вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта; подлежат ли отмене или изменению избранная мера пресечения; подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы; приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества; имеются ли основания проведения предварительного слушания, предусмотренные ст. 229 УПК РФ.

Согласно ст. 230 УПК РФ судья по ходатайству потерпевшего, гражданского истца или их представителей либо прокурора вправе вынести постановление о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества. Исполнение указанного постановления возлагается на судебных приставов исполнителей.

Важно подчеркнуть, что меры по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества – это процессуальные средства, с помощью которых суд вправе реально обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, либо возможную конфискации имущества, при условии, что подобные меры не были приняты следственными органами на досудебном этапе уголовного судопроизводства и имеется соответствующее ходатайство стороны, адресованное к

суду на этом этапе [18, стр. 655].

При отсутствии основания для направления уголовного дела по подсудности или о назначении предварительного слушания, судья назначает судебное заседание, о чем выносит постановление (ст. 231 УПК РФ). Стороны должны быть извещены о месте, дате и времени назначении судебного заседания не позднее 5 суток до его начала.

На стадии подготовки к судебному заседанию суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 229 УПК РФ проводит предварительное слушание, которое направлено на своевременное устранение препятствий по уголовному делу до разрешения его по существу на стадии судебного разбирательства.

Следует отметить, что в соответствии с ч. 5 ст. 217 УПК РФ право на заявление ходатайства о проведении предварительного слушания должно быть разъяснено обвиняемому на этапе окончания предварительного следствия при ознакомлении с материалами уголовного дела. Подобное право в равной степени принадлежит потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителям. При ознакомлении с материалами уголовного дела обязанность разъяснить указанным участникам право заявить данное ходатайство, возложена на следователя [19, стр. 495].

УПК РФ предусмотрена и дополнительная норма, согласно которой должно быть разъяснено право на заявление ходатайства о проведении предварительного слушания. В ч. 1 ст. 222 указывается, что обвиняемому, его защитнику, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям право заявить ходатайство о проведении предварительного слушания разъясняется при уведомлении последних прокурором о направлении уголовного дела в суд. Значимость эта норма приобретает в случае, когда потерпевший, его представитель не воспользовались своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела и не заявили ходатайство о проведении предварительного слушания на стадии предварительного расследования.

Предварительное слушание проводится: при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства, заявленного в соответствии с ч. 3 ст. 229 УПК РФ; при наличии основания

возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ; при наличии основания для приостановления или прекращения уголовного дела; при наличии ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ; для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей; при наличии не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление; при наличии основания для выделения уголовного дела.

Предварительное слушание проводится судьей единолично в закрытом судебном заседании при участии сторон с соблюдением требований глав 33, 35, 36 УПК РФ с изъятиями, установленными главой 34 УПК РФ.

Уведомление о вызове потерпевшего, его законного представителя и представителя должно быть направлено не менее чем за 3 суток до дня проведения предварительного слушания. Предварительное слушание может быть проведено в отсутствие обвиняемого по его ходатайству либо при наличии оснований для проведения судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, по ходатайству одной из сторон. Неявка других своевременно извещенных участников уголовного судопроизводства по уголовному делу не препятствует проведению предварительного слушания. В тоже время предварительное слушание должно быть отложено судом, если надлежало уведомленная сторона не может явиться на предварительное слушание по уважительной причине. Такая обязанность суда вытекает из необходимости свободной реализации права каждого участника процесса на непосредственное участие в предварительном слушании [19, стр. 508].

В случае, если стороной заявлено ходатайство об исключении доказательства, судья выясняет у другой стороны, имеются ли у нее возражения против данного ходатайства. При отсутствии возражений судья удовлетворяет ходатайство и выносит постановление о назначении судебного заседания, если отсутствуют иные основания для проведения предварительного слушания.

Рассматривая ходатайство стороны об исключении доказательства и признании его недопустимым судья проверяет процессуальный

порядок получения или закрепления такого доказательства. С этой целью судья вправе допросить свидетеля, огласить и приобщить к уголовному делу документ, указанный стороной в ходатайстве. Однако, в случае возражения одной из сторон против исключения доказательства, судья может огласить протоколы следственных действий и иные документы, как имеющиеся в деле, так и представленные сторонами [44, стр. 450].

При принятии судьей решения об исключении доказательства данное доказательство по уголовному делу теряет юридическую силу и не может быть в дальнейшем исследовано в судебном заседании и положено в основу приговора или иного судебного решения.

Следует отметить, что ч. 7 ст. 234 УПК РФ предусмотрено положение, согласно которому, ходатайство стороны защиты об истребовании дополнительных доказательств или предметов подлежит удовлетворению, если данные доказательства и предметы имеют значение для уголовного дела. Согласно данной норме, если потерпевший заявит такое ходатайство, то оно не подлежит удовлетворению. Как видно, такая норма противоречит принципу состязательности сторон.

Однако отметим, что в науке высказаны разные суждения относительно данной нормы. Так, по мнению Ю.В. Корневского, «предпочтение стороне защиты вполне объяснимо, поскольку сторона обвинения имела возможность собрать все необходимые доказательства на досудебных стадиях процесса» [23, стр. 427]. По нашему мнению, такое суждение недостаточно обосновано, т.к. как правильно подчеркивает Д.П. Чекулаев, «права потерпевшего на представление доказательств, так же как право участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, могут быть нарушены в ходе предварительного расследования дознавателем, следователем либо прокурором, и невозможность заявления рассматриваемого ходатайства на стадии предварительного слушания ограничивает право потерпевшего на доступ к правосудию» [47, стр. 93]. Поэтому предлагаем изложить ч. 7 ст. 234 УПК РФ в следующей редакции: «Ходатайство сторон об истребовании дополнительных доказательств или предметов подлежит удовлетворению, если данные доказательства и предметы имеют значение для уголовного дела».

Если судья удовлетворяет ходатайство об исключении доказательства и при этом назначает судебное заседание, то в постановлении указывается, какое доказательство исключается и какие материалы уголовного дела, обосновывающие исключение данного доказательства, не могут исследоваться, оглашаться в судебном заседании и использоваться в процессе доказывания.

Если в ходе предварительного слушания прокурор изменяет обвинение, то судья также отражает это в постановлении. При рассмотрении данного вопроса представляется важным раскрыть положение ч. 6 ст. 236 УПК РФ. Согласно этой норме, если при разрешении ходатайства обвиняемого о предоставлении времени для ознакомления с материалами уголовного дела суд установит, что требования ч. 5 ст. 109 УПК РФ были нарушены, а предельный срок содержания под стражей обвиняемого в ходе предварительного следствия истек, то суд изменяет меру пресечения в виде заключения под стражу, удовлетворяет ходатайство обвиняемого и устанавливает ему срок для ознакомления с материалами уголовного дела.

Учитывая, что уголовное дело находится на стадии подготовки к судебному заседанию, где принимается указанное решение, то представляется, что потерпевший должен быть защищен законом от возможного воздействия обвиняемого. На наш взгляд, суду следует уведомлять о таком решении потерпевшего, его законного представителя. Полагаем, что часть 6 ст. 236 УПК РФ нужно дополнить следующим положением: «Об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу уведомляется потерпевший, его законный представитель». В таком случае, при наличии оснований потерпевший может своевременно требовать о применении мер безопасности.

Согласно ст. 236 УПК РФ по результатам предварительного слушания судья принимает одно из следующих решений: о направлении уголовного дела по подсудности; о возвращении уголовного дела прокурору; о приостановлении производства по уголовному делу; о прекращении уголовного дела; о назначении судебного заседания; от отложении судебного заседания в связи с наличием не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление; о выделении или невозможности

выделения уголовного дела в отдельное производство в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 325 УПК РФ, и о назначении судебного заседания. Решение судьи оформляется постановлением в соответствии со ст. 227 УПК РФ. В нем должны быть отражены результаты рассмотрения заявленных ходатайств и поданных жалоб.

Судебное разбирательство – центральная стадия уголовного судопроизводства. Согласно ст. 49 и 118 Конституции РФ оно является основной формой осуществления правосудия по уголовным делам.

Известно, что в судебном разбирательстве уголовное дело рассматривается и разрешается по существу. Оно состоит в исследовании всех собранных в ходе предварительного расследования и вновь представленных доказательств при участии государственного обвинителя, подсудимого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей и других участников уголовного судопроизводства.

Судебное разбирательство осуществляется на основе состязательности сторон. Согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Значение принципа состязательности сторон состоит в том, что «истина устанавливается путем состязания, полемики... истинные факты познаются только путем столкновения противоречивых суждений. Стороны в судебном разбирательстве ведут спор о фактах и их правовой оценке, приводят доказательства в обоснование своей позиции» [31, стр. 34-35].

Как верно подчеркивает проблему Ю.А. Курохтин, «современная редакция нового УПК РФ содержит нормы, закрепляющие процессуальные условия реализации конституционного принципа состязательности. В то же время наличие множественных изменений в УПК РФ свидетельствует о незавершенности становления уголовного процесса, и как следствие, в кодексе не всегда точно изложены возможности сторон по реализации и защиты своих прав и законных интересов» [26, стр. 22].

Гарантиями обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в судебном разбира-

тельстве являются: общие условия судебного разбирательства; нормы, определяющие участие потерпевшего и его представителя в суде; право давать показания, заявлять ходатайства, отводы, приносить жалобы; участвовать в допросе других потерпевших, свидетелей, подсудимых, других судебных действиях; в определенных УПК РФ случаях имеет право на примирение с подсудимым; на участие в прениях сторон [8; 11; 16; 17; 22; 32; 39; 48; 49]. Заслуживает определенного внимания и опыт обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовной судопроизводстве зарубежных стран [45].

Задача подготовительной части судебного заседания состоит в установлении наличия необходимых условий для его проведения, устранения препятствий для этого... и в целом организации судебного процесса. Лишь после проведения подготовительной части судебного заседания суд может решить вопрос о дальнейшем движении дела, об отложении судебного разбирательства или о его продолжении, о переходе к судебному следствию [40, стр. 188].

Известно, что подготовительная часть судебного заседания включает: открытие судебного заседания; проверку явки в суд лиц, которые должны участвовать; объявление состава суда; разъяснение прав, участвующим в деле лицам; заявление и разрешение ходатайств.

На подготовительной части судебного заседания судья разъясняет потерпевшему, его представителю их права и ответственность, предусмотренные УПК РФ. Разъяснение прав участникам процесса председательствующим производится не только в подготовительной части судебного заседания, но и в дальнейшем при выполнении судом конкретных действий на протяжении судебного разбирательства, во время чего председательствующий принимает меры для реального осуществления прав этих лиц [40, стр. 203]. Кроме того, потерпевшему разъясняется его право на примирение с подсудимым в случаях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ. Согласно указанной норме суд на основании заявления потерпевшего или его законного представителя вправе прекратить уголовное дело в отношении обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Примирение возможно

до ухода судьи в совещательную комнату.

Согласно ч. 1 ст. 271 УПК РФ, председательствующий опрашивает стороны, соответственно и потерпевшего, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ. При этом необходимо обосновать заявленное ходатайство.

Следует отметить, что указанная норма содержит перечень ходатайств о наличии которых председательствующий обязан опросить стороны. Однако это не лишает участников заявить иные ходатайства, например, о признании потерпевшим.

Судебное разбирательство проводится с соблюдением общих условий судебного разбирательства, предусмотренных главой 35 УПК РФ.

Разбирательство уголовных дел в судах открытое. Для обеспечения безопасности потерпевшего, его близких родственников и родственников проводится закрытое судебное разбирательство. Закрытое судебное разбирательство допускается, если рассматриваются уголовные дела о преступлениях против половой неприкосновенности, половой свободы личности и других преступлениях, что может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни потерпевшего, либо сведений, унижающих его честь и достоинство.

В судебном следствии потерпевший использует свое право давать показания, участвует в допросе других потерпевших, свидетелей, подсудимых, экспертов, в осмотре местности и помещения, следственном эксперименте и других судебных действиях. При этом участие в указанных судебных действиях является средством защиты его прав и законных интересов.

В судебном следствии потерпевший допрашивается в соответствии со ст. 277, ч. 2-6 ст. 278 УПК РФ. Допрос потерпевшего производится по правилам, установленным для допроса свидетелей. Потерпевший с разрешения председательствующего вправе давать показания в любой момент судебного следствия. Потерпевший может пользоваться письменными заметками, которые предъявляются суду по его требованию. Потерпевшему разрешается прочтение имеющихся у него документов, относящихся к его показаниям. Эти документы предъявляются суду

и по его определению или постановлению могут быть приобщены к материалам уголовного дела.

Потерпевшему могут быть заданы вопросы государственным обвинителем, участниками со стороны защиты. Судья задает ему вопросы после его допроса сторонами. Следует отметить, что «все задаваемые вопросы должны строго контролироваться судом. Отклоняются не только наводящие, но и провоцирующие, запутывающие, демагогические вопросы» [7, стр. 272].

По определению суда или постановлению судьи для обеспечения безопасности потерпевшего, его близких родственников и родственников он может быть допрошен в судебном заседании без оглашения подлинных данных о его личности в условиях, исключающих его визуальное наблюдение. Но при этом суд, в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о потерпевшем, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить возможность ознакомление с указанными сведениями (ч. 5, 6 ст. 278 УПК РФ).

В ст. 280 УПК РФ предусмотрены особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего. «Для усиления гарантий получения от несовершеннолетнего потерпевшего... достоверных показаний, а также соблюдения его прав и законных интересов к участию в допросе привлекаются лица, которым ребенок или подросток обычно доверяет, так как они могут способствовать созданию нормальной атмосферы допроса, установлению психологического контакта с допрашиваемым. Такими лицами являются родители или иные законные представители несовершеннолетнего, а также педагоги» [19, стр. 564]. При допросе в судебном заседании потерпевших в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет участвует педагог. Допрос несовершеннолетних потерпевших, имеющих физические и психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога (ст. 280 УПК РФ). Педагог вправе с разрешения председательствующего задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему.

Гарантией охраны прав и безопасности несовершеннолетнего потерпевшего является

установленное ч. 6 ст. 280 УПК РФ правило допроса несовершеннолетнего потерпевшего в отсутствие подсудимого по ходатайству сторон либо по инициативе суда. После возвращения подсудимого в зал судебного заседания ему должны быть сообщены показания потерпевшего и предоставлена возможность задать ему вопросы.

По окончании допроса потерпевший, не достигший возраста восемнадцати лет, педагог, присутствующий при его допросе, а также законные представители потерпевшего могут покинуть зал судебного заседания с разрешения председательствующего.

В некоторых случаях потерпевший не является в судебное заседание. Исходя из общего правила о непосредственности судебного разбирательства, рассмотрение уголовного дела в его отсутствие недопустимо (ч. 1 ст. 240 УПК РФ). Такое правило соответствует международно-правовым стандартам. Согласно п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или требовать, чтобы эти свидетели были допрошены. Тем не менее встречаются случаи, когда по различным причинам как объективным (например, состояние здоровья, удаленность суда от места жительства и т.п.), так и субъективным (нежелание по тем или иным причинам давать показания против подсудимого, опасение негативной оценки собственного поведения, давление со стороны заинтересованных в исходе дела лиц и т.п.) потерпевшие не являются в судебное заседание.

Оглашение показаний потерпевших, данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства возможно лишь в случаях предусмотренных ст. 281 УПК РФ. Так, оглашение показаний потерпевшего, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов допускаются с согласия сторон в случае неявки потерпевшего за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 6 ст. 281 УПК РФ.

При неявки в судебное заседание потерпевшего суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных им показаний и

о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, в случаях смерти потерпевшего, тяжелой болезни, препятствующей его явке в суд, отказа потерпевшего, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда, а также в случае стихийного бедствия, иных чрезвычайных обстоятельствах, препятствующих явки потерпевшего в суд.

По ходатайству стороны суд вправе принять решение об оглашении показаний потерпевшего, ранее данных им при производстве предварительного расследования либо в суде, при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде. В других случаях при неявки потерпевшего применяется принудительный привод.

Согласно ч. 6 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов осуществляется в отсутствие несовершеннолетнего потерпевшего без проведения допроса. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд выносит мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего повторно.

По нашему мнению, потерпевшему необходимо предоставить право, в случае неявки в судебное заседание по уважительной причине, ходатайствовать о дополнительном исследовании доказательств, что способствовало бы защите прав и законных интересов потерпевшего, своевременному заявлению ходатайств, представлению доказательств. Полагаем, что ст. 249 УПК РФ следует дополнить частью 2-1 в следующей редакции: «В случае неявки по уважительной причине в судебное заседание, потерпевший вправе заявить ходатайство о повторном исследовании доказательств с его участием».

Следует отметить, что документы, представленные потерпевшим, могут быть на основании определения или постановления суда исследованы и приобщены к материалам уголовного дела (ст. 286 УПК РФ).

Важное значение с позиции охраны прав потерпевшего является участие государственного

обвинителя в судебном разбирательстве. Согласно ч. 2 ст. 246 УПК РФ участие государственного обвинителя обязательно в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также при разбирательстве уголовного дела частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено следователем либо дознавателем с согласия прокурора.

Государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. Согласно ч. 6 ст. 246 УПК РФ прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, общественных или государственных интересов. Особую важность это положение закона приобретает в случаях, когда потерпевший в силу беспомощного состояния, зависимого положения, угроз со стороны подсудимого и других лиц, заинтересованных в исходе дела, не может самостоятельно заявить гражданский иск. Это положение имеет значение также еще и потому, что суд не вправе по собственной инициативе решать вопрос о возмещении имущественного вреда, если гражданский иск не был предъявлен. Суд при постановлении приговора решает вопрос, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Суд вправе рассмотреть гражданский иск в отсутствие гражданского истца (потерпевшего), если гражданский иск поддерживает прокурор.

Государственным обвинителям следует всемерно способствовать установлению фактических обстоятельств дела с целью вынесения судом законного, обоснованного и справедливого решения. При определении своей позиции относительно наказания строго руководствоваться требованиями закона о его соразмерности и справедливости с учетом характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. В необходимых случаях ставить перед судом вопрос о назначении дополнительного наказания, о возмещении причиненного преступлением материального ущерба, компенсации морального вреда.

Государственный обвинитель должен принимать исчерпывающие меры, направленные на восполнение пробелов расследования, представляя доказательства.

Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Важнейшее значение при этом имеют вопросы защищенности прав и законных интересов потерпевшего.

Рассмотрев дело о проверке конституционности положений ряда статей, в том числе и ст. 246 УПК РФ, в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан Конституционный Суд в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П признал не противоречащими Конституции РФ взаимосвязанные положения ч. 7 и 8 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК РФ, т.к. по их конституционно-правовому смыслу в системе норм предполагается, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде. Представляется, что такое решение Конституционного Суда РФ направлено на охрану прав.

Данное положение воспринято судебной практикой, в соответствии с которой полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения предопределяют принятие судом решения в

соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечивается обвинителем. Вместе с тем государственный обвинитель в соответствии с требованиями закона должен изложить суду мотивы полного или частичного отказа от обвинения равно как и изменения обвинения в сторону смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания. Суду надлежит рассмотреть указанные предложения в судебном заседании с участием сторон обвинения и защиты на основании исследования материалов дела, касающихся позиции государственного обвинителя, и итогов обсуждения отразить в протоколе судебного заседания [18, стр. 706].

Как справедливо подчеркивает В.В. Демидов, «поскольку изменение прокурором обвинения есть не что иное, как его частичный отказ от обвинения, то такой отказ может быть принят судьей при условии, что часть обвинения не требует исследования подтверждающих его доказательств, а также их оценки (например, в случае истечения срока давности уголовного преследования). В противном случае частичный отказ прокурора от обвинения не может быть принят и уголовное дело должно быть рассмотрено в условиях судебного разбирательства с обеспечением прав сторон, включая потерпевшего, на участие в исследовании материалов уголовного дела и изложение своей позиции по результатам его рассмотрения» [13].

Как отмечает Л.А. Курочкина, «деятельность прокурора в судебном разбирательстве является многофункциональной, в том числе направленной на обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве. Посредством отказа от обвинения он способствует судебной защите прав подсудимого. Именно так необходимо рассматривать отказ прокурора от обвинения в судебном разбирательстве» [27, стр. 106]. Автор также справедливо подчеркивает, что признание поддержание обвинения единственным направлением деятельности прокурора в судебном разбирательстве означало бы, что его правозащитное направление является второстепенным [27, стр. 114].

Учеными высказаны различные суждения относительно положения потерпевшего

в судебном заседании. Так, по мнению Д.П. Чекулаева, потерпевшего на судебных стадиях правильнее именовать «дополнительным обвинителем», т.к. его обвинение именно дополняет, но не при каких случаях не замещает обвинение государственное [47, стр. 97-98]. Юношев С.В. полагает, что «с отпадением официального обвинения не исчезает автоматически обвинение, осуществляемое потерпевшим и его представителем... в этом случае выступает на первый план его субсидиарный, т.е. «запасной», восполняющий характер» [51, стр. 63-64]. Представляется, что в УПК РФ должно быть регламентировано положение, согласно которому отказ прокурора от обвинения и изменение обвинения в стадии судебного разбирательства возможны лишь на этапе прений сторон, когда исследованы все доказательства. Следует отметить, что подобное суждение уже высказывалось в науке [35, стр. 92].

Полагаем, что редакцию части 7 статьи 246 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «Если государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа на этапе судебных прений. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса».

В свое время мы уже отмечали необходимость повышения роли представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве. В суде представитель потерпевшего «дополняет речь прокурора, приводит какие-либо новые факты и дает характеристику потерпевшему. Его речь должна вызвать уважение к потерпевшему, сочувствие к нему, осознание необходимости восстановления его законных прав и интересов» [7, стр. 296].

Прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый (ч. 1 ст. 292 УПК РФ). В прениях могут также участвовать потерпевший и его представитель (ч. 2 ст. 292 УПК РФ). Выступление в прениях потерпевшего и

его представителя является одним из способов защиты его прав и законных интересов.

В прениях потерпевший вправе высказать свое убеждение по результатам рассмотрения уголовного дела. При этом он не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом не допустимыми.

При всем различии позиций участников прений можно указать на определенный круг вопросов, который анализируется в речах. В их числе: общественная опасность преступления, фактические обстоятельства его совершения, наступившие последствия (моральный, физический или имущественный вред), юридическая оценка преступления (применение норм Общей и Особенной частей УК), обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, личность подсудимого или потерпевшего, причины и условия, способствующие совершению преступления. В речи должен содержаться вывод с предложением участника прений сторон либо о признании подсудимого виновным (невиновным), о квалификации преступления, о виде и размере наказания или об освобождении от наказания, либо об оправдании подсудимого, о судьбе гражданского иска, а также по другим вопросам, вытекающим из уголовного дела [33, стр. 520].

Лишение потерпевшего права участвовать в судебных прениях является существенным ограничением его права на судебную защиту [1].

После произнесения речей всеми участниками прений сторон каждый из них может выступить еще один раз с репликой. Право последней реплики принадлежит подсудимому и его защитнику (ч. 6 ст. 292 УПК РФ).

В реплике потерпевший вправе высказать возражение стороне защиты. Он может затронуть вопросы, относящиеся к существу обвинения, личности подсудимого, квалификации преступления и т.д. В реплике должна прослеживаться аргументация его позиции на основании данных, которые исследовались в судебном заседании.

По окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату государственный обвинитель, потерпевший и другие участники судебных прений, указанные в ч.1 и 2 ст. 292 УПК РФ вправе представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решения вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора. Предлагаемые формулировки

не имеют обязательной силы для суда (ч. 7 ст. 292 УПК РФ).

Если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие. По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и представляет подсудимому последнее слово (ст. 294 УПК РФ).

Заключительной частью судебного разбирательства является постановление приговора. Приговор, являясь актом государственной власти (ст. 10 Конституции РФ) выносится и провозглашается именем Российской Федерации (ст. 296 УПК РФ).

«Приговор с одной стороны, подводит итог деятельности органов предварительного расследования и суда первой инстанции, обеспечивая защиту прав и законных интересов всех участников процесса, с другой – как первая ступень в судебном разрешении всех вопросов уголовного дела служит основой для дальнейшего развертывания последующих институтов судебной защиты, а именно обжалования в других судебных инстанциях, без которых невозможно функционирование системы правосудия» [42, стр. 398-399].

Приговор имеет социальное значение, т.к. в этом акте содержится оценка общественной опасности преступного деяния от имени государства. Провозглашенный публично приговор способствует формированию правового сознания граждан и оказанию профилактического воздействия на общество. Общим условием судебного разбирательства является положение о том, что приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании (ч. 3 ст. 240 УПК РФ).

Важной гарантией обеспечения прав и законных интересов потерпевшего являются положения ст. 297 УПК РФ, регламентирующей, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Важнейшее значение это положение имеет для потерпевшего.

При этом справедливым считается приговор, если назначенное по нему наказание соответствует тяжести преступления и личности осужденного. Справедливость как понятие – этическая

категория, являющаяся мерилем «добра» и «зла» в общественном сознании и в общественной практике. Назначение наказания есть восстановление социальной справедливости. Как отмечает Р.Г. Искендеров, «выделение справедливости как требования предъявляемого к приговору имеет не только правовое значение, но глубоко нравственное, моральное. В этом смысле принятые в приговоре решения должны соответствовать представлениям о справедливости, отвечать моральным и правовым воззрениям общества» [15, стр. 151]. Следует добавить, что если приговор не обладает указанными свойствами, то тем самым нарушаются права и законные интересы потерпевших.

Приговор постановляется в условиях тайны совещания судей (ст. 298 УПК РФ). Суд в совещательной комнате при постановлении приговора разрешает перечень вопросов, установленных ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Эти вопросы находятся в логической взаимосвязи, поэтому разрешаются последовательно, начиная с вопроса доказано ли, что деяние совершил подсудимый, и, завершая вопросом, следует ли отменить или изменить меру пресечения в отношении подсудимого. Разрешение судом этих вопросов имеет существенное значение для защиты прав и законных интересов потерпевшего.

Насколько правильно будет дана оценка доказанности деяния, его квалификации с соответствующим пунктом, частью, статьей УК РФ, разрешен вопрос о виновности подсудимого, учтены судом отягчающие и смягчающие обстоятельства, настолько у потерпевшего будет складываться мнение о восстановлении социальной справедливости.

Если потерпевшему причинен моральный или имущественный вред, то суд при постановлении обвинительного приговора разрешает вопрос, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере. При этом суд исходит из доказанности оснований и размеров иска, полностью или частично удовлетворяет его либо отказывает в удовлетворении исковых требований.

Если рассматриваемый вред причинен несколькими подсудимыми, то суд решает, долевой или солидарной будет ответственность этих лиц. Следует отметить, что «размер, условия, способ возмещения вреда определяется судом в соответствии с нормами гражданского,

трудового и другого законодательства» [37, стр. 179].

По сложившейся судебной практике при возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, учитывается стоимость похищенного или поврежденного имущества на момент принятия решения о его возмещении, с учетом инфляционных процессов и сводного индекса потребительских цен [29, стр. 51].

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7, от 16 апреля 2013 г. № 11) судам надлежит иметь в виду, что лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, который в соответствии с законом осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При разрешении подобного рода исков следует руководствоваться положениями ст. ст. 151, 1099, 1100, 1101 ГК РФ, в соответствии с которыми при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении морального вреда должны учитываться требования справедливости и соразмерности.

Как показало изучение уголовных дел, имеются определенные трудности при определении размера морального вреда, т.к. суду достаточно сложно установить степень нравственных страданий в результате преступления. В основном суды не конкретизируют свои формулировки о возмещении морального вреда, поэтому остается не четким для понимания с учетом каких обстоятельств взыскана судом сумма.

В науке также нет единого подхода к вопросу возмещения морального вреда. Так, Н.С. Малеин отмечает, что полноценность процесса компенсации морального вреда заключается «в предоставлении потерпевшему возможности облегчить моральные потери, страдания, восстановить его

коммуникабельность и т.п.» [30, стр. 206].

По мнению Н.В. Куркиной, «в функцию компенсации морального вреда должна входить функция личного удовлетворения, которая позволила бы судам более точно определять присуждаемый размер компенсируемого морального вреда» [25].

Ряд ученых полагают, что исследование причиненного морального вреда потерпевшему возможно только при применении специальных психологических познаний. Именно проведение психологической экспертизы позволит достоверно установить степень и характер нравственных и физических страданий потерпевшего [9, стр. 227; 41, стр. 42; 46, стр. 113; 50, стр. 14]. По нашему мнению, такое решение проблемы было бы верным, т.к. уже «присутствие в заявлении сведений о силе страданий человека является основанием для их проверки на достоверность и точность, поскольку эмоциональная охваченность снижает уровень реалистичности оценки происходящего» [50, стр. 14]. Кроме того, решение этого вопроса с учетом понятий разумности и справедливости приводит к субъективному пониманию и толкованию судьей закона и конкретной ситуации.

Оставление судом гражданского иска без рассмотрения не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Существенное значение для охраны прав и законных интересов потерпевшего имеет положение, установленное ч. 5 ст. 313 УПК РФ. Так, в случае если до окончания прений сторон потерпевший или его законный представитель изъявил желание получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, суд одновременно с постановлением обвинительного приговора выносит определение или постановление об уведомлении потерпевшего или его законного представителя, копию которого направляет вместе с копией обвинительного приговора в учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания.

Важно также отметить, что важнейшим процессуальным документом является протокол

судебного заседания, который ведется в соответствии с требованиями ст. 259 УПК РФ.

Протокол судебного заседания является единственным документом, который отражает весь ход судебного разбирательства, способствует постановлению приговора в соответствии с материалами, рассмотренными в судебном заседании, и обеспечивает возможность контроля за выполнением судом первой инстанции требований закона» [10]. С учетом решающего значения, которое может иметь точность отражения в протоколе хода и содержание судебного разбирательства, прежде всего для оценки вышестоящим судом законности, обоснованности и справедливости приговора, стороны кровно заинтересованы в том, чтобы в протоколе не было ошибок и искажений, которые могут сказаться на их интересах [24, стр. 246].

В этих целях потерпевшему УПК РФ предоставлено право ходатайствовать об ознакомлении с протоколом судебного заседания. Согласно ч. 6 ст. 259 УПК РФ ходатайство подается в письменном виде в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания. Указанный срок может быть восстановлен, если ходатайство не было подано по уважительным причинам. Председательствующий обеспечивает потерпевшему возможность ознакомления с протоколом судебного заседания в течение 3 суток со дня получения ходатайства. Если протокол судебного заседания в силу объективных обстоятельств изготовлен по истечении 3 суток со дня окончания судебного заседания, то потерпевший, подавший ходатайство, должен быть извещен о дате подписания протокола и времени, когда он может с ним ознакомиться. Время ознакомления с протоколом судебного заседания устанавливается председательствующим в зависимости от объема протокола, однако оно не может быть менее 5 суток с момента начала ознакомления. В исключительных случаях председательствующий, по ходатайству потерпевшего, знакомого с протоколом, может продлить установленное время.

Потерпевший вправе в течение 3 суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания подать на него замечания. Замечания на протокол рассматриваются председательствующим незамедлительно. В необходимых случаях председательствующий вправе вызвать потерпевшего, подавшего замечания, для уточнения их

содержания. По результатам рассмотрения замечаний председательствующий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении.

Главой 40 УПК РФ предусмотрен особый порядок судебного разбирательства, который характеризуется как упрощенная процессуальная форма судебного производства по отдельным категориям уголовных дел, в процессе которого суд, без проведения судебного следствия в полном объеме и без непосредственного исследования доказательств в судебном заседании постановляет обвинительный приговор [20, стр. 532].

Особенности, установленные главой 40 УПК РФ, с учетом положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. от 09.02.2012 г.) и от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (в ред. от 05.06.2012) позволяют суду при рассмотрении дела в особом порядке не проводить в общем порядке исследование собранных по делу доказательств. Из этого следует, что если подготовительная часть судебного заседания и другие элементы судебного разбирательства особой спецификой не обладают, то судебное следствие обладает значительными особенностями.

Особый порядок судебного производства позволяет более оперативно осуществлять правосудие по уголовным делам, сократить временные, материальные и моральные издержки участников процесса, а также стимулировать обвиняемого на позитивное поведение в период предварительного расследования и судебного разбирательства дела [5].

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 60 от 5 декабря 2006 г. (в ред. от 05.06.2012) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» обращает внимание судов на недопустимость ограничения прав участников судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел в особом порядке и необходимость соблюдения принципов уголовного судопроизводства при их разрешении. Кроме того, в этом документе указано на недопустимость рассмотрения уголовных дел в особом порядке без подсудимого, его защитника, государственного или частного обвинителя,

поскольку от позиции указанных участников судебного разбирательства зависит возможность применения особого порядка принятия судебного решения. В судебном заседании следует также удостовериться в отсутствии у потерпевшего, надлежащим образом извещенного о месте и времени судебного заседания, в том числе посредством СМС-сообщения в случае его согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату, возражений против заявленного обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Для реализации особого порядка судебного разбирательства в нормах главы 40 УПК РФ установлен ряд требований, при соблюдении которых суд вправе постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Так, согласно ст. 314-316 УПК РФ для удовлетворения ходатайства обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства требуются два основания:

- 1) обвиняемый должен быть согласен с предъявленным ему обвинением;
- 2) он должен заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Наряду с этими основаниями в главе предусмотрены условия для применения особого порядка судебного разбирательства:

- 1) обвиняемому предъявлено обвинение в совершении преступления, наказание за которое, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);
- 2) обвинение с которым согласился обвиняемый (подсудимый) обосновано, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (ч. 7 ст. 316 УПК РФ);
- 3) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ);
- 4) ходатайство заявлено обвиняемым добровольно и после проведения консультаций с защитником (п. 2 ч. 2 ст. 314 УПК РФ);
- 5) ходатайство заявлено обвиняемым в присутствии с защитником (ч. 1 ст. 315 УПК РФ);
- 6) ходатайство заявлено обвиняемым после ознакомления с материалами уголовного дела (п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ) или на

предварительном слушании, когда оно является обязательным (п. 2 ч. 2 ст. 315 УПК РФ);

- 7) государственный либо частный обвинитель и потерпевший согласны с заявленным обвиняемым ходатайством о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);
- 8) отсутствие оснований для прекращения уголовного дела.

Как правило, только совокупность указанных оснований и условий дает право суду вынести приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Важным условием применения особого порядка судебного разбирательства является согласие потерпевшего. При этом по смыслу ч. 1 ст. 314 УПК РФ наличие ходатайства и согласия других участников уголовного процесса (государственного обвинителя, обвиняемого) на проведение особого порядка судебного разбирательства, без согласия на это потерпевшего, не имеют правового значения. По нашему мнению, это верное решение законодателя.

Судебное заседание по ходатайству подсудимого о постановлении приговора без проведения особого порядка судебного разбирательства проводится в порядке, установленном главами 35, 36, 38 и 39 УПК РФ, с учетом требований ст. 316 УПК РФ.

При участии в судебном заседании потерпевшего судья разъясняет ему порядок и последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства и выясняет у него отношение к ходатайству подсудимого. Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

При возражении потерпевшего, а также государственного и частного обвинителя, подсудимого против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

Если судья придет к выводу, что обвинение,

с которым согласился подсудимый, обоснованно подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не превышает две трети максимального срока и размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Рассматривая вопросы охраны прав и законных интересов потерпевшего в особом порядке судебного разбирательства, следует остановиться на следующих проблемах.

Условием применения особого порядка судебного разбирательства при производстве по уголовному делу, кроме условий, перечисленных в главе 40 УПК РФ, должно быть возмещение вреда, причиненного преступлением потерпевшему. Полагаем, что такое условие будет направлено на восстановление нарушенных прав потерпевшего.

Проблема в том, что перечень условий, указанных в главе 40 УПК РФ, является исчерпывающим, в силу чего дознаватель, следователь, прокурор и суд не вправе требовать от обвиняемого (подсудимого) совершение других посткриминальных действий. На наш взгляд, ч. 1 ст. 314 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «Обвиняемый, в случае возмещения причиненного потерпевшему вреда и при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего, вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает 10 лет лишения свободы».

Как уже отмечалось, доказательства в особом порядке судебного разбирательства не исследуются. Часть 7 ст. 316 УПК РФ устанавливает, что если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый обосновано, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор. Здесь уместно привести справедливую точку зрения И.Л. Петрухина, который считает, что необходимо в какой-то мере восстановить судебное следствие. Так, он отмечает, «... доказательства при производстве «в особом порядке» не исследуются. Как же

может судья вынести приговор, подтвержденный доказательствами, если он их не исследовал?... При рассмотрении дела «в особом порядке» всегда существует риск осуждения невиновного. Подсудимый, руководствуясь различными соображениями, может принять на себя чужую вину. Наиболее опасен самооговор, вызванный угрозами, ложными обещаниями, угрозами и другими незаконными действиями» [35, стр. 105].

В науке высказано верное суждение, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства «допустимо судебное следствие в ограниченных пределах» [12, стр. 27].

В науке является дискуссионным вопрос о том, следует ли предусмотреть обязательный допрос потерпевшего при рассмотрении уголовных дел в особом порядке. По мнению А.В. Пиюка, правила об обязательном допросе потерпевшего в уголовно-процессуальном законе закреплять не следует, хотя суд должен быть наделен правом при необходимости осуществить любые действия, в том числе и его допрос. Изложенное не связано с тем, что права потерпевшего менее важны, чем права подсудимого, ценность их прав равнозначна. Допрос потерпевшего сам по себе может дать информацию, необходимую для доказывания, лишь в определенных случаях, в частности, по делам, связанным с воздействием на личность, таким, как грабеж, разбой, причинение телесных повреждений различной степени тяжести, по обвинению же лица в совершении тайного хищения имущества, совершении налоговых, финансовых преступлений ценность показаний потерпевшего невелика [36, стр. 175-176].

По нашему мнению, особый порядок судебного разбирательства должен включать допрос подсудимого и допрос потерпевшего. Эти судебные действия позволили бы, сформировать у судьи внутреннее убеждение о совершенном преступлении, о мере наказания, знать точку зрения потерпевшего, выяснить в полной мере обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Вследствие чего, ст. 316 УПК РФ следует дополнить частью 5.1 в следующей редакции: «В судебном заседании производится допрос подсудимого, в порядке установленном, статьей 275 настоящего Кодекса, и допрос потерпевшего, по правилам, установленным статьей 277 настоящего Кодекса».

Как уже отмечалось, согласно ч. 1 ст. 314 УПК РФ для рассмотрения ходатайства обвиняемого (подсудимого) о применении особого порядка судебного разбирательства достаточно, чтобы он полностью согласился с предъявленным обвинением и признал свою вину. При этом верно замечает Х.Д. Аликперов, «... признание обвиняемым своей вины в предъявленном обвинении не предполагает его обязательного раскаяния в содеянном» [6, стр. 36-37].

В этом, по нашему мнению, видится следующая проблема. Так, обвиняемый совершает, к примеру, тяжкое преступление, соглашается с предъявленным обвинением, если не возражает государственный и частный обвинитель и потерпевший, то суд назначает наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Обвиняемому разъясняются соответствующие нормы, и ему заранее известно, каким может быть наказание за содеянное. Между тем, следует учитывать, что «преступники уходят от признания своей виновности... разбойники, грабители, насильники, воры расхитители в своей массе внутренне не осуждают себя. Их самооценки отличаются низкой самокритичностью, неадекватностью. Большинство преступников не относят себя к типичному образу преступников, они выводят себя за рамки социальной ответственности, формируя механизм психологической защиты. В связи с этим они становятся малочувствительными к информации, противоречащей их личностным установкам (механизм психологического вытеснения)... Лица, совершившие преступления «искренне убеждены, что действительными виновниками являются потерпевшие, свидетели, жизненные трудности и иные обстоятельства, признают же себя виновными лишь формально. Понятно, что при таком отношении трудно рассчитывать на осмысление содеянного, на раскаяние, на стремление исправиться» [7, стр. 91]. С учетом отмеченного, представляется важной роль государственного обвинителя в оценке ситуации, когда обвиняемым заявлено ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

В научной литературе отмечается, «законодатель, оставляя на усмотрение государственного обвинителя возможность постановления

приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке на основании ходатайства обвиняемого, преследует цель не допустить использование рассматриваемого института по тем делам, по которым имеются препятствия правового либо этического характера» [21].

С точки зрения УПК РФ, государственный обвинитель дает согласие при наличии оснований и условиях, указанных в соответствующих нормах. Представляется, что государственный обвинитель должен критично оценивать нравственный аспект при даче согласия на применение рассматриваемого института.

Верно подчеркивает Рыбалов К.А., «решая вопрос о допустимости постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, государственному обвинителю надо не ограничиваться общей формулой «преступление – это аморально», а исходить из того, насколько такая уступка обвиняемому согласуется с моральными устоями общества и насколько она может обеспечить защиту интересов граждан и общества в целом» [38, стр. 75-76]. Кроме того, следует добавить, что государственный обвинитель должен учитывать, насколько защищены права и законные интересы потерпевшего при применении рассматриваемого производства.

Государственный обвинитель и непосредственно суд (судья) должны изучать, не оказывается ли воздействие на потерпевшего обвиняемым (подсудимым) и другими заинтересованными лицами на применение особого порядка судебного разбирательства. Думается, что такие положения должны быть разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ и приказах, инструкциях Генерального прокурора РФ.

После провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования. При этом, согласно ст. 317 УПК РФ приговор, постановленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Оправданность такого ограничения перечня оснований обжалования приговора заключается в том, что выводы судьи, изложенные в приговоре, полностью основываются на обвинении, предъявленном органами уголовного преследования, а

также на тех доказательствах, с которыми безоговорочно согласен как обвиняемый (подсудимый), так и другие участники уголовного процесса. В силу этого ни одно из доказательств вины подсудимого, собранных в ходе предварительного расследования с согласия сторон, не становится предметом исследования в ходе судебного разбирательства, а априори считается установленным [38, стр. 98].

По всем другим основаниям, предусмотренным в п. 2-5 ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ осужденный, его защитник, государственный обвинитель, частный обвинитель, потерпевший вправе обжаловать приговор в апелляционном порядке.

Таким образом, применение особого порядка судебного разбирательства оправдано, если это не противоречит нравственным, этическим нормам, принятым в обществе, способствует охране прав потерпевшего.

Рассмотрим проблемы охраны прав потерпевшего при производстве по уголовному делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей.

Производство в суде с участием присяжных заседателей ведется в общем порядке, установленном главами 33-39 УПК РФ, с учетом особенностей, предусмотренных главой 42 УПК РФ. Известно, что при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела следователь разъясняет ему его право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей. Рассмотрение дела в указанном составе суда возможно, если оно подсудно верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа (п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ). К преступлениям, которые могут быть рассмотрены, указанными судами относятся, например, ст. 105 ч. 2 (убийство при отягчающих обстоятельствах), ст. 126 ч. 3 (похищение человека при отягчающих обстоятельствах), ст. 131 чч. 3 и 4 (изнасилование при отягчающих обстоятельствах) и др. Если обвиняемый не заявит ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, то уголовное дело рассматривается другим составом суда – единолично судьей федерального суда общей юрисдикции или коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Проведение предварительного слушания обязательно для решения

вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей (п. 5 ч. 1 ст. 229 УПК РФ).

Учитывая особенности рассматриваемого производства, потерпевшему должна оказываться квалифицированная юридическая помощь. Поэтому в УПК РФ следует предусмотреть норму об обязательном участии представителя потерпевшего при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Представитель, с учетом особенностей данного производства, окажет помощь потерпевшему в выполнении юридически грамотных действий, участии в исследовании доказательств. Следует отметить, что согласно п. 6 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника обвиняемого (подсудимого) обязательно, если уголовно дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Конституционный Суд РФ в своих решениях указал, что необходимой гарантией судебной защиты и справедливого судебного разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на судебную защиту, которая по смыслу ст. 46 Конституции РФ и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, должна быть справедливой, полной, эффективной [2; 3; 4].

Рассматривая вопросы охраны прав потерпевшего при производстве в суде с участием присяжных заседателей, важно затронуть и другой аспект. Согласно ч. 8 ст. 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются в суде с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). «Подобные данные могут быть доведены до сведения присяжных заседателей, если они подлежат доказыванию по делу исходя из предъявленного обвинения или из версии со стороны защиты. Например, если подсудимому предъявлено обвинение в том, что он, отбывая наказание в исправительной колонии, совершил

преступление в отношении другого осужденного, то в этом случае до присяжных заседателей вынужденно доводятся сведения о том, что подсудимый отбывает наказание в колонии. Однако такие сведения должны быть минимальными, ограничены лишь фактом нахождения подсудимого в исправительной колонии, а другие данные, в частности о том, за какое преступление подсудимый осужден, какой срок был назначен и т.п. не исследуются» [40, стр. 378].

Как видно, указанные данные не исследуются, т.к. могут вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении подсудимого. Однако присяжные заседатели, как будет отмечаться ниже, вправе вынести оправдательный вердикт, что повлечет за собой постановление оправдательного приговора, или признать, что подсудимый заслуживает снисхождение, то срок и размер наказания не может превышать двух третей максимального срока и размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение преступления. Если соответствующей статьей Особенной части УК РФ предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказаний не применяются, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК (ч. 1 ст. 65 УК РФ). Согласно ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание не учитываются.

Поскольку вердикт присяжных заседателей влечет за собой обозначенные правовые последствия, «благоприятные» для подсудимого, то при наличии, конечно же, доказательств о том, что им совершено преступление, потерпевший вряд ли будет удовлетворен результатом производства по уголовному делу.

Следует отметить, что и другими специалистами высказаны суждения о проблемах рассматриваемой нормы. Как подчеркивает А. Леви, «как можно решить заслуживает ли подсудимый снисхождения, если ничего не известно о его прошлом» [28, стр. 24]. Петропавловский В.Г. отмечает, российский законодатель решил, что «присяжные не должны ничего знать о подсудимом, особенно о его преступном прошлом... В таком случае им надо сначала ответить, имело ли место деяние, и совершил ли его подсудимый.

После этого они должны ознакомиться с данными о его личности, чтобы дополнительно решить, заслуживает ли он наказания со снисхождением или без» [34, стр. 36-37].

На наш взгляд, следует в определенном объеме доводить до сведения присяжных заседателей факты о прежней судимости, признание подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом или иные данные о нем, если они не использовались для установления признаков состава преступления. Так, к примеру, в отношении подсудимого рассматривается уголовное дело о преступлении, предусмотренном п. «е-1» ч. 2 ст. 105 УК РФ (умышленное убийство, совершенное по мотиву кровной мести), при этом у подсудимого имеется судимость по п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ (изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей). Если присяжные заседатели вынесут по рассматриваемому делу вердикт о том, что подсудимый заслуживает снисхождения, о последствиях такого вердикта указано выше. Будет ли в таком случае справедливым назначенное судом наказание? Сложится ли у потерпевшего мнение о восстановлении социальной справедливости? Думается, что подобные факты о судимости следовало бы доводить до сведения присяжных заседателей.

Полагаем что часть 8 ст. 335 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «Данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков преступления, в совершении которого он обвиняется. Председательствующий уведомляет присяжных заседателей о прежней судимости подсудимого, указав на преступления,

предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, о признании подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом. Запрещается исследовать приведенные обстоятельства, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении подсудимого».

Перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта председательствующий обращается к присяжным заседателям с напутственным словом. В соответствии с ч. 3 ст. 340 УПК РФ в напутственном слове председательствующий приводит содержание обвинения, сообщает содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый; напоминает об исследованных в суде доказательствах, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, не выражая при этом своего отношения к этим доказательствам и не делая выводов из них; излагает позиции государственного обвинителя и защиты. Полагаем, что в напутственном слове судья должен изложить позицию потерпевшего, поскольку она может не совпадать с позицией государственного обвинителя. Представляется, что п.4 ч. 3 ст. 340 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «излагает позиции государственного обвинителя, потерпевшего и защиты».

С учетом отмеченного, производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, вызывая много дискуссий [14], предполагает необходимость совершенствования, что будет способствовать охране прав потерпевшего.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 г. № 1-П.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-0.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 2; 2012 – № 7.
6. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. – М.: Московский психолого-социальный институт; ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ; Воронеж: МОДЭК, 2001. - 128 с.
7. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. – М.: Пенатес-Пенаты, 2000. - 454 с.

8. Артамонова Е.А. О проблеме обеспечения квалифицированной юридической помощью потерпевших, лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы // *Юридическая наука: история и современность*. – 2012. – № 11. – С. 95-98.
9. Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 249 с.
10. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1987. – № 7.
11. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 267 с.
12. Демидов В. Некоторые вопросы применения особого порядка судебного разбирательства // *Российская юстиция*. – 2003. – № 4. – С. 25-27.
13. Демидов В.В. К статье 246 УПК РФ. Судебный мониторинг // *Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): Сб. статей и материалов / Под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина / Науч. ред. Е.Б. Мизулина. – М., 2006. – С. 144-145.*
14. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // *Мир политики и социологии*. – 2013. – № 9. – С. 144-151.
15. Искендеров Р.Г. Судебный приговор. Правовые и социальные аспекты. – М.: Юрид. лит., 1990. – 270 с.
16. Клещина Е.Н., Кондрат И.Н., Шаров Д.В. Вред, причиненный потерпевшему преступлением: понятие и виды // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 12. – С. 141-147.
17. Клещина Е.Н., Кондрат И.Н., Шаров Д.В. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: понятие и сущность // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 11. – С. 111-117.
18. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2011.
19. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
20. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.Я. Сухарева. – М., 2002.
21. Комментарий к УПК РФ / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М., 2002.
22. Кондрат И.Н. Права потерпевшего в контексте международно-правовых требований // *Юридическая наука: история и современность*. – 2017. – № 5. – С. 112-118.
23. Корневский Ю.В. Комментарий к главе 34 УПК РФ // *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. и науч. ред. А.Я. Сухарева. – М., 2004.*
24. Корневский Ю.В. О замечаниях на протокол судебного заседания // *Уроки уголовного правосудия в России (по материалам работы межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): Сб. статей и материалов / Под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина; науч. ред. Е.Б. Мизулина. – М., 2006.*
25. Куркина Н.В. К проблеме теоретического толкования морального вреда и его соотношения с другими видами вреда по российскому законодательству // *Следователь*. – 2004. – № 2. – С. 23-25.
26. Курохтин Ю.А. Актуальные проблемы реализации конституционного принципа состязательности в уголовном процессе // *Российская юстиция*. – 2006. – № 3. – С. 22-26.
27. Курочкина Л.А. Обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства уголовных дел. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.
28. Леви А. Суд присяжных: нужна реформа // *Законность*. – 2006. – № 12. – С. 24-25.
29. Макаров Ю.Я. Частное обвинение: теория, судебная практика, документы. – М.: Проспект, 2008. – 152 с.
30. Маленин Н.С. Юридическая ответственность // *Правовая система. Функционирование и развитие*. Т. 2.
31. Мичурина О.В. Обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном процессе: Лекция. – М.: Юридический институт МВД России, 1996.
32. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // *Юридическая наука: история и современность*. – 2012. – № 1. – С. 118-126.
33. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – М., 2003.
34. Петропавловский В.Г. Основные вопросы присяжным требуют уточнения // *Российская юстиция*. – 2006. – № 2. – С. 36-37.
35. Петрухин И. Л. Человека и власть (в сфере борьбы с преступностью). – М.: Юрист, 1999. – 392 с.
36. Пилюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 264 с.

37. Радченко В.И., Томин В.Т., Поляков М.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М., 2006.
38. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации: проблемы его реализации. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 152 с.
39. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Монография. – Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2013. – 320 с.
40. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: Практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Под общ. ред. А.И. Карпова. – М.: Юрайт, 2008.
41. Толстик Н. Компенсация морального вреда // Законность. – 2006. – № 11. – С. 41-43.
42. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой, -3- е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
43. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Е.Н. Клещиной. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2014.
44. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М., 2004.
45. Харитонов И.В. Обеспечение прав потерпевшего на предоставление необходимой информации по уголовному делу в США // Идеиные и нравственные начала уголовного процесса: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Московская академия экономики и права, 2009. – С. 376-378. – в кн. 396 с.
46. Хохлова Т.Н. Проблемы возмещения вреда жертвам преступлений // Оказание помощи жертвам преступлений: предотвращение, информирование, статус жертв преступлений: Материалы международного семинара и круглого стола. – М.: Московский университет МВД России, Щит-М, 2008.
47. Чекулаев Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 264 с.
48. Щерба С.П., Зайцев О.А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. – М.: Спарк, 1996. – 123 с.
49. Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсендаев Т.Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам / Под ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 200 с.
50. Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2000.
51. Юношев С.В. Проблема обеспечения прав потерпевших ждет своего разрешения // Российская юстиция. – 2008. – № 1. – С. 63-66.

БРЫЛЕВА Елена Александровна,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)

E-mail: elenbrylev@yandex.ru

ОГАНЕСЯН Степан Мхитарович,

профессор кафедры теории и истории права и государства Юридического института Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,

Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ОСУЖДЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

***Аннотация.** Анализируются социально-политические права и свободы осужденных в Российской Федерации. Рассматриваются установленные правовые нормы, направленные на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь в условиях изоляции от общества, а также установленные законодательством ограничения социально-политических прав и свобод осужденных.*

***Ключевые слова:** осужденные; лишение свободы; социально-политические права и свободы; пенитенциарная политика; пенитенциарная политика.*

**BRYLEVA E.A.
OGANESYAN S.M.
SAL'NIKOV M.V.**

SOCIO-ECONOMIC RIGHTS AND FREEDOMS OF CONVICTS IN THE CONTEXT OF THE LEGAL STATUS OF A PERSON

The summary. Socio-political rights and freedoms of convicts in the Russian Federation are analyzed. The established legal norms aimed at creating conditions that ensure a dignified life in conditions of isolation from society, as well as restrictions on social and political rights and freedoms of convicted persons, are considered.

Key words: convicts; deprivation of liberty; socio-political rights and freedoms; penitentiary policy; penitentiary policy.

В данной статье мы планируем проанализировать социально-экономические права и свободы осужденных. Предварительно хотели бы обратить внимание на дискуссионность самой классификации прав и свобод человека и гражданина.

Нередко в правовой науке в XXI веке стало принято анализировать права человека применительно к публичному и частному праву. Ранее такой подход наблюдался значительно реже. Скажем, в хорошо известном и весьма авторитетном «Большом юридическом словаре», изданном в конце XX века под редакцией профессоров А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина и В.Е. Крутских, видим другой подход. Здесь читаем: «Права человека – понятие, характеризующее правовое положение человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, социальной, политической и культурной сферах. Права человека принято делить на абсолютные и относительные. Ограничение или временное приостановление первых не допускается в демократическом государстве ни при каких обстоятельствах. Абсолютными являются... право на жизнь, право не подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому, унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, свободу совести, свободу вероисповедания, а также право на судебную защиту, правосудие и связанные с ними важнейшие процессуальные права. Все остальные права человека являются относительными и могут быть ограничены или приостановлены на определенный срок в случае введения режима чрезвычайного или военного положения» [7, стр. 514].

В данном случае, как и во многих других изданиях, институт прав человека традиционно рассматривается без учета деления права на публичное и частное. Многие годы советская юридическая наука чаще изучала публичное право, порой забывая о том, что есть еще и частное право. Хотя в России с периода империи уже имелись серьезные работы, посвященные в том числе разграничению публичного и частного права. Например, Л. Герваген в своей работе «На чем основано разделение права на публичное и частное, гражданское?» указывал: «Право – это один из разных способов указания человеку, как ему действовать.

Сообразно этому разница между моментами частным и публичным в области права имеется в трех отношениях:

- в отношении к человеку, который указывает;
- в отношении к человеку, которому указывают;
- в отношении к способу, каким указывается объект действий» [12, стр. 13].

Исходя из приведенного подхода к разграничению публичного и частного права современные представители теоретической науки приходят к мысли о том, что государство, как центр публичности, формирует систему публичного права для упорядочения и охраны частно-правовых интересов человека и гражданина. «В подобном понимании права человека являются, – считают авторы трехтомного учебника, изданного Фондом «Университет», – естественными, возникающими независимо от государства и связанными с ними постольку, поскольку оно (государство) выступает в качестве силы, обеспечивающей создание оптимальной системы регулятивно-охранительных отношений, и, таким образом выступает в качестве основного гаранта реализации и защиты частного права» [41, стр. 155].

Исходя из указанной посылки, цитируемые авторы предлагают классифицировать права и свободы на личные и гражданские (экономические, политические, социальные, культурно-духовные, экологические и т.д.).

По их мнению, гражданские права «складываются из субъективных прав позитивного характера». Их содержание определяется государством и фиксируется в законодательстве, придавая тем самым им определенные свойства. «Будучи закрепленными по Конституции и иным государственно-правовым актам, – считает Г.А. Куракин, – они приобретают качество прав гражданина, не утрачивая, однако, самостоятельности существования. Права гражданина – это форма опосредования прав человека, которые признаны государством и поставлены под его защиту» [24, стр. 116].

Гражданские права теснейшим образом связаны с политико-правовым положением гражданина в государстве, определяются его правовым статусом, который, при всей дискуссионности проблемы [8; 11; 26] в теоретическом правоведении воспринимается как основанная на законе и взятая в единстве совокупность

субъективных прав, законных интересов и юридических обязанностей граждан [6, стр. 125; 41, стр. 152, 156].

Отсюда и связь прав гражданина и гражданства. Эти два феномена, как и данные две категории органически связаны между собой. Связь определяет различие между личными правами человека и правами гражданина: любой гражданин, как известно – это человек, однако не каждый человек является гражданином данного конкретного государства [13; 41, стр. 156].

Среди гражданских прав исследователи выделяют политические, экономические, социальные и другие. Учитывая, что политические права осужденных мы ранее рассмотрели, в данной статье предлагаем анализ их социально-экономических прав. Социальные и экономические права и свободы осужденных мы объединили в одну группу, их и хотим рассмотреть.

«Социально-экономические права и свободы – это возможности личности в сфере производства и распределения, материальных благ, призванные обеспечить удовлетворение экономических и тесно связанных с ними духовных потребностей и интересов человека» [40, стр. 197]. Применительно к личности осужденных рассматриваемые права и свободы направлены на создание условий, обеспечивающих им достойную жизнь в условиях изоляции от общества.

К числу социально-экономических прав и свобод личности относятся: право на предпринимательскую деятельность; частную собственность и наследование; землю, свободный труд; отдых; защиту материнства, детства и семьи; социальное обеспечение, жилище, охрану здоровья; благоприятную окружающую среду; образование; свободу творчества (ст. 34–44 Конституции РФ).

В местах лишения свободы, осужденные в полной мере, без каких-либо ограничений имеют право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение материального ущерба, причиненного их здоровью экологическими злоупотреблениями, в соответствии с экологическим законодательством России.

В условиях изоляции от общества особое внимание уделяется охране материнства и детства. По данным Минюста России по состоянию на 7 июня 2000 г. в 10 женских колониях

с домами ребенка содержалось около 500 детей в возрасте до трех лет. Государство принимает различные меры по улучшению положения детей в исправительных колониях, проводится специальная программа Российского детского фонда «За решеткой детские глаза» [31; 42, стр. 61]. В соответствии с этой программой принимаются меры по улучшению питания детей и бытовых условий в домах ребенка при колониях, намечена организация воспитательной работы с детьми и пр.

В исправительных учреждениях беременным женщинам, кормящим матерям и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, отбывающим наказание и случаях, когда к ним неприменима отсрочка его исполнения (отсрочка отбывания наказания в соответствии с ч. 1 ст. 82 УК РФ не применяется при осуждении к лишению свободы срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности и в случаях, когда у суда есть основание полагать нецелесообразность ее применения), создаются условия, обеспечивающие их нормальное проживание и развитие, могут организовываться дома ребенка. Осужденным беременным женщинам создаются улучшенные бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания. Они обеспечиваются пособиями по беременности и родам на общих основаниях.

Осужденные беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей, могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, находящихся на их лицевых счетах, в пределах полутора минимальных размеров оплаты труда с учетом надбавок, предусмотренных законодательством Российской Федерации. На период освобождения от работы осужденным беременным женщинам и кормящим матерям питание предоставляется бесплатно. Осужденные беременные женщины и женщины, чьи дети находятся в домах ребенка исправительных учреждений, могут получать дополнительные посылки и передачи и количестве и ассортименте, определяемых в соответствии с медицинским заключением. Они могут быть привлечены к работе без оплаты труда только по их желанию. За нарушение установленного порядка отбывания наказания, осужденные женщины, имеющие грудных детей в доме ребенка исправительного учреждения, и женщины, освобожденные от работы по

беременности и родам, не могут быть в порядке применения меры взыскания переведены в штрафные изоляторы и помещения камерного типа (ч. 7 ст. 117 УИК РФ).

Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает за женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет, право выбора на помещение их в дома ребенка при исправительных учреждениях или передачу родственникам, либо по решению органов опеки и попечительства – иным лицам, а по достижении детьми трехлетнего возраста – направлять в соответствующие детские учреждения. По достижении ребенком, содержащимся в доме ребенка исправительного учреждения, трехлетнего возраста в случаях, когда его матери осталось отбывать наказание сроком не более одного года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матерью. Осужденным женщинам, поместившим своих детей в дома ребенка при исправительном учреждении, разрешено общаться с ними в свободное от работы время без ограничений. Им может быть разрешено совместное проживание со своими детьми.

Осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до семи суток, а осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, – один краткосрочный выезд для свидания с ними на тот же срок. На лицевой счет осужденных беременных женщин и женщин, имеющих в домах ребенка исправительных учреждений детей, независимо от всех удержаний, зачисляется не менее 50% начисленных им заработной платы, пенсий или иных доходов (ч. 5 ст. 88, ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 97, ч. 1 ст. 98, ч. 5, 6 ст. 99, ст. 100, ч. 3 ст. 107 и др. УИК РФ).

Семья осужденного, забота о детях, нетрудоспособных родителей находятся под охраной государства и в местах его изоляции от общества. В соответствии со ст. 79 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными в местах лишения свободы «особое внимание следует уделять поддержанию и укреплению связей между заключенным и его семьей,

которые... служат интересам обеих сторон».

Сохранение семейных отношений для осужденного является важным стимулирующим фактором стремления к исправлению. Многие осужденные стараются сохранить брачные отношения или заключить брак в период пребывания в исправительном учреждении. Свидания осужденных с супругами способны разнообразить, оживить их жизнь, придать ей смысл. И наоборот, распад семьи приводит к озлобленности, апатии и, как следствие – к нарушению внутреннего распорядка в исправительном учреждении.

Вместе с тем семейные отношения дело сугубо личное. Супруг, оставшийся на свободе, поставлен в не менее сложное положение. Практика показывает, что в случаях совершения осужденным преступлений на почве личных неприязненных отношений между супругами не всегда целесообразно принимать меры к сохранению семьи. В подобных ситуациях осужденный часто озлобленно относится к супругу, оставшемуся на свободе, который, по его мнению, «засадил его за решетку». Вместе с тем длительное лишение виновного свободы не способствует поддержанию брачного союза. В сознании каждого супруга, как правило, идет трудный психологический процесс ломки понятий и представлений о браке и семье.

Семейные отношения осужденных, изолированных от общества, подвергнуты в большей мере косвенным ограничениям, так как сам факт пребывания в исправительном учреждении не влечет за собой прекращения семейных прав и обязанностей, вместе с тем косвенно осужденные существенно ограничены в поддержании семейно-брачных отношений, воспитании детей, оказании внимания родителям и т. п.

Семейный кодекс РФ устанавливает упрощенный порядок расторжения брака по заявлению супруга, находящегося на свободе, независимо от наличия у них общих несовершеннолетних детей, если второй супруг осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет (ч. 2 ст. 19 СК РФ). Согласия супруга, находящегося в исправительном учреждении, на расторжение брака не требуется. Но он должен быть извещен о поданном в загс заявлении о разводе [14, стр. 48].

Осужденным, содержащимся в местах лишения свободы, разрешена регистрация брака

как с лицами, находящимися на свободе, так и с осужденными, содержащимися в исправительных колониях. Регистрация брака осуществляется администрацией исправительного учреждения. Например, в августе 2000 г. в исправительной колонии № 7, расположенной в пос. Социалистический Щекинского района Тульской области отмечали сразу три свадьбы. Бракосочетание шло под живую музыку – марш Мендельсона играл оркестр из заключенных. Ни один из женихов не попадал под амнистию в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне, так как они совершили тяжкие преступления [21]. Подобная практика распространена в современных исправительных учреждениях. Регистрация брака осужденных, во-первых, в ряде случаев юридически оформляет существовавшие добрачные отношения и предоставляет супругу-осужденному определенные права, например: право на совместное проживание в колонии-поселении на арендованной или собственной жилой площади на территории колонии-поселения или за ее пределами, на длительные свидания, возвращение в семью после отбытия наказания и пр. Супругу, находящемуся на свободе, в свою очередь, может быть оказана материальная помощь со стороны супруга, содержащегося в исправительном учреждении.

Осужденный за умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга может быть лишен родительских прав в порядке, предусмотренном ст. 69, 70 СК РФ. Лишение родительских прав не освобождает осужденного от обязанности содержать своих детей. Осужденные родители обязаны заботиться не только о воспитании детей, но и об их содержании, не снята с них и обязанность по содержанию своих нетрудоспособных родителей. Осужденные производят выплаты по исполнительным листам на содержание несовершеннолетних детей или детей-инвалидов, а также нетрудоспособных супругов или нетрудоспособных родителей. Они сами по собственному желанию могут отправлять денежные переводы близким родственникам, а с разрешения администрации исправительного учреждения могут отправлять посылки и бандероли (ч. 6 ст. 90, ч. 4 ст. 91 УИК РФ). Для поддержания родственных отношений осужденным разрешены переписка без ограничения

и четыре телефонных разговора в год продолжительностью до 15 мин. каждый. Телефонные разговоры оплачиваются осужденными за счет собственных средств. При отсутствии технических возможностей телефонный разговор может быть заменен краткосрочным свиданием. По просьбе осужденного ему может быть дополнительно разрешен телефонный разговор по прибытии в исправительное учреждение, а также при исключительных личных обстоятельствах (ч. 1, 2 ст. 92 УИК РФ); краткосрочное и длительное свидание в соответствии с определенными ему режимом и условиями отбывания наказания.

Прямые ограничения установлены в социальном обеспечении осужденных. Согласно ч. 1 ст. 98 УИК РФ обязательному государственному социальному страхованию в порядке, установленном Правительством РФ, подлежат только осужденные, привлеченные к труду в местах лишения свободы. Важно отметить, что обязательное государственное страхование осужденных введено впервые, и это является еще одной гарантией охраны их прав. Осужденные женщины, как уже отмечалось, обеспечиваются пособиями по беременности и родам в порядке, установленном Правительством РФ.

В данном случае пенитенциарная политика современной России [35; 36; 37; 38] предполагает учет того положения, что семья в нашей стране традиционно, исторически всегда рассматривалась и сейчас признается одной из главных социальных ценностей российского общества [2; 3; 4; 5; 17; 22; 32; 39].

На общих основаниях осужденные к лишению свободы имеют право на пенсионное обеспечение в старости, при инвалидности, потере кормильца и в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Выплата пенсий осужденным осуществляется органами социальной защиты населения по месту нахождения исправительного учреждения путем ее перечисления на их лицевые счета. Из пенсий осужденных производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию, определяемые ст. 107 УИК РФ. На общих со всеми гражданами Российской Федерации основаниях осужденные, утратившие трудоспособность в период лишения свободы, имеют право на возмещение ущерба. Действие добровольного медицинского страхования в отношении лиц, лишенных свободы, приостанавливается до окончания срока

их пребывания в исправительном учреждении (ч. 6 ст. 98 УИК РФ).

Право осужденных на жилище. Ограничения осужденных в праве на жилище рассматриваются в отношении жилища, имевшегося у них на свободе до отбывания наказания, и применительно к нормам жилой площади, установленной в расчете на одного осужденного в исправительном учреждении.

Право осужденного на жилище, имевшееся у него до исполнения наказания, независимо от жилищного фонда, частного (индивидуальные жилые дома, приватизированные, построенные и приобретенные квартиры и дома, квартиры в домах жилищных и жилищно-строительных кооперативов с полностью выплаченным паевым взносом и т. п.) или государственного (ведомственного или муниципального и т. п.) ст. 7 Закона РФ «Об основах федеральной жилищной политики» от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 [1] сохраняется за ним на общих основаниях, распространяются на него и обязанности по содержанию жилого помещения. Осужденный и в местах лишения свободы остается собственником недвижимости в частном жилищном фонде. Однако в силу его пребывания в исправительном учреждении он косвенно ограничен в правах пользования и владения жилым помещением. Он должен через представителя или при содействии администрации исправительного учреждения производить оплату жилья, может через своего представителя осуществлять полномочия по распоряжению своим жильем, например, сдавать его в наем, в аренду, продавать и пр.

Если до исполнения приговора у осужденного осталось жилье, предоставленное ему из государственного жилищного фонда, то в случаях осуждения его к лишению свободы оно сохраняется за ним, но распоряжаться им на правах собственника он не может. Конституционный Суд РФ признал не соответствующим Конституции положение ч. 8 ст. 60 ЖК РСФСР об утрате осужденным права на сохранение жилья в случае его осуждения к лишению свободы на срок свыше шести месяцев.

В исправительных учреждениях для лиц, лишенных свободы, устанавливаются нормы жилой площади в расчете на одного осужденного. Сразу отметим, что в России установленные УИК РФ нормы жилой площади в расчете на одного осужденного, во-первых, отстают от

международных стандартов и, во-вторых, нарушаются на практике в связи с их несоблюдением в силу перенаселения ряда исправительных учреждений.

Стандартные минимальные правила обращения с заключенными (ст. 9, 10) рекомендуют, чтобы каждый осужденный располагал отдельной камерой или комнатой, а в случаях их проживания в одном помещении должное внимание обращалось на минимальную площадь, освещение, отопление и вентиляцию [25].

Согласно ч. 1 и 2 ст. 99 УИК РФ норма жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы в исправительных колониях не может быть менее 2 кв. м, в тюрьмах – 2,5 кв. м, в колониях, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами, – 3 кв. м, в воспитательных колониях – 3,5 кв. м, в лечебных исправительных учреждениях – 3 кв. м, в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы – 5 кв. м.

Осужденным предоставляются индивидуальные спальные места и постельные принадлежности. Рассмотренные положения ч. 1, 2 ст. 99 УИК РФ пока только декларированы. По количеству лиц, находящихся в местах заключения, в расчете на 100 тыс. населения Россия сегодня занимает 10-е место в мире.

Всего в России, сообщил А.Рудый, функционирует 213 следственных изоляторов с лимитом наполнения 117,4 тыс. человек. В них содержится 109,2 тыс. человек или 93% от установленного лимита мест. Размер камерной площади, приходящейся в среднем на одного подозреваемого или обвиняемого, составляет 4,3 квадратных метров, при установленной законом норме 4 квадратных метра. В 62 региональных СИЗО имеется резерв свободных мест. Однако, в течение последних двух лет отмечается неуклонный рост числа лиц, которым судами избирается мера пресечения в виде заключения под стражу. Так, в 2013 году по сравнению с 2012 годом численность подозреваемых и обвиняемых увеличилась на 6 тыс. человек, в 2014 году – на 4,8 тыс. человек и составила 247,8 тысяч вновь арестованных. При этом, каждый пятый заключенный под стражу впоследствии освобождается. Так, с начала 2014 года, в связи с вынесением обвинительных приговоров с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно, из

СИЗО освобождено 16,6 тыс. человек, еще 7,7 тыс. человек - в связи с изменением меры пресечения, и еще 2,2 тыс. человек - в связи с прекращением дел судами и оправдательными приговорами. Всего, таким образом, вышли на свободу 26,5 тыс. человек или 10,7%. То есть, одним из основных факторов, влияющих на наполняемость следственных изоляторов, является рост количества лиц, в отношении которых судами избирается мера пресечения в виде заключения под стражу за преступления небольшой или средней тяжести. Жилплощадь уголовно-исполнительной системы практически заполнена, а следственные изоляторы переполнены почти в полтора раза. Федеральная служба исполнения наказаний Минюста России разрабатывает меры, направленные на решение проблемы перенаселения исправительных учреждений – это и строительство новых и реконструкция старых исправительных учреждений, и анализ зарубежного опыта и др.

Например, венгерские власти как-то видели выход из создавшегося в их стране подобного российским исправительным учреждениям положения с загруженностью мест лишения свободы в приватизации тюрем. По их мнению, местные или иностранные инвесторы, купившие тюрьму в собственное владение, могли бы организовать на ее территории какое-нибудь несложное производство и усилиями самих осужденных не только решить вопросы содержания осужденных в нормальных человеческих условиях, но и получать прибыль. Государство при этом брало бы на себя обязательства по оплате труда персонала исправительных учреждений и частичного финансирования пребывания каждого осужденного, что в значительной мере снизило бы расходы инвесторов и повысило бы их заинтересованность в создании таких учреждений. В Венгрии уже существует подобное учреждение: «Осужденные частной тюрьмы на 60 посадочных мест работают на частной же макаронной фабрике, получают зарплату, а по выходным разъезжаются отдохнуть по домам. Решеток на окнах нет – отсюда не убегают, потому что надежное рабочее место и стабильный заработок привязывают сегодня в Венгрии надежнее любых цепей. Конечно, рецидивистов и особо опасных преступников среди изготовителей лапши и вермишели нет – для них предусмотрен особый режим» [9].

Как показывает зарубежный опыт, никаких особых привилегий частные тюрьмы не имеют. Они действуют строго в рамках национального законодательства. Условия содержания в них заключенных такие же, как в государственных учреждениях. Если владельцы частных тюрем нарушают закон, их учреждения ликвидируются. Отличие частных тюрем от государственных состоит в том, что прибылью от труда осужденных распоряжается владелец тюрьмы.

Вопросы о частных тюрьмах обсуждались и российскими юристами, которые противоречивы в своих суждениях [18]. Представляется, что в условиях социально-экономической и политической нестабильности государства, растущей безработицы частные исправительные учреждения просто не смогут окупить себя, не говоря уже о прибыли, в силу чего вряд ли найдутся организации или частные лица, желающие приобрести тюрьму, и проблема приватизации исправительных учреждений сама по себе откладывается на неопределенный срок. Однако нельзя не признать, что частные тюрьмы – один из возможных вариантов решения вопроса скученности в местах лишения свободы.

Нетрадиционным способом проблему «перенаселенности» тюрем пытаются решить в США. Отдельные заключенные, которым остается отбывать наказание менее года, или осужденные, потенциально не опасные для общества, переводятся под домашний арест. «На прощание» к их ноге прикрепляют миниатюрный радиопередатчик. Избавиться от него практически невозможно, браслет ежесекундно сообщает, где находится поднадзорный. Когда осужденный покидает свою квартиру на расстояние более 30 м или предпринимает попытку избавиться от «электронного надзирателя», прибор сразу же подает сигнал мощному приемнику, связанному с полицейским или тюремным компьютером. Дежурный наряд полиции немедленно выезжает по адресу нарушителя. Электронный браслет был изобретен в США в 1991 г. фирмой «Би Аи Инкорпорейтед» и получил название «электронное домашнее заключение». В США браслет стоит 1000 долл., часть этой суммы вносит заключенный, который предпочитает сидеть дома, остальное доплачивает администрация исправительного учреждения. Эксплуатационная стоимость системы – 15 долларов в день, а содержание того же самого заключенного – 65 долларов в сутки.

Подобный эксперимент проводился и в Швеции. Результаты более чем обнадеживающие – 92% осужденных отсидели свой срок на дому. Иногда, правда, приходилось напоминать им о недопустимости отклонения от маршрута следования или установленного для них графика, для чего достаточно было обыкновенного звонка. Остальные, как оказалось, не сумели пользоваться полусвободой – они предпочли отбывание наказания в исправительном учреждении. Несколько человек не смирились с необходимостью постоянного ощущения электронного «стукача» и пытались снять браслет. Но главное, что с августа 1994 г., когда шведы начали этот эксперимент, ни один из 705 приговоренных к домашнему заключению не пытался убежать. Практикуется подобный опыт отбывания наказания и во Франции. Причем некоторым осужденным разрешается продолжать свою трудовую деятельность. Полиция в таких случаях прокладывает конкретный маршрут от дома до работы, отклониться от которого браслет не допустит. По пути с работы на осужденного возлагается обязанность пройти в ближайшем отделении полиции контроль или освидетельствование на предмет алкогольного или иного опьянения. Полиция имеет право в любое время посетить осужденного. Осужденным к лишению свободы с отбыванием на дому разрешается на час в неделю отлучаться в магазин за покупками, а в выходные могут быть предоставлены два часа свободного времени. Дома осужденные могут заниматься любыми делами, браслет водонепроницаемый и жаростойкий [29; 44].

С января 1999 г. в Великобритании электронные браслеты обязаны носить те преступники, которых освободили за два месяца до истечения срока наказания при том условии, что оно не превышало четырех лет тюремного заключения.

В последнее время электронные браслеты применяют в таких странах, как Бельгия, Голландия, Швейцария и некоторых других. Однако его массовое внедрение сдерживается скептическим отношением к этой новинке отдельных представителей правоохранительных органов, опасаящихся использования его преступниками в своих интересах [27].

Тюремной реформой Германии вводятся частные тюрьмы, в которых охрану заключенных осуществляют частные лица. В свое время правительство Гессена объявило о частичной

приватизации услуг тюремного персонала. Одновременно в порядке эксперимента в Гессене и во Франкфурте-на-Майне в Германии, как и в Швеции, Франции, официально вводятся электронные кандалы для лиц, осужденных условно или по каким-либо основаниям отпущенных на некоторое время домой. Тюремное начальство будет следить за перемещением по карте и вовремя сможет заметить недозволенные передвижения осужденного. В Германии осужденным с электронными кандалами запрещено посещать различные питейные заведения. Участвовать в подобном эксперименте осужденные будут добровольно, и одновременно в одной тюрьме под электронным наблюдением в Германии могут находиться не более 30 человек. Правительству Германии этот эксперимент стоил почти миллион марок [43].

Частные тюрьмы – очень перспективная идея. А.И. Зубков правильно подметил, что «любая частная тюрьма не предполагает никакой вольницы». Порядки в ней должны быть такие, как и в любой тюрьме, персонал проходит специальное обучение и действует строго в соответствии с общими для всех инструкциями. Некоторые исключения могут состоять лишь в большей жилой площади в расчете на осужденного и в лучшем питании. За свое содержание в таких тюрьмах сами осужденные нигде в мире не платят. В зарубежных странах предприниматели идут на создание частных тюрем, как правило, для того, чтобы получить льготы по налогам (там это считается благотворительностью) и увековечить свое имя.

В России идея частных тюрем предпринимателями воспринимается как возможность с их стороны отбора осужденных для содержания в таких учреждениях с учетом их материальных возможностей и введение собственных порядков, что категорически запрещено. Эти обязательные положения о работе частных тюрем, а также стоимость содержания в них одного осужденного не вдохновляют российских предпринимателей вкладывать средства в частные тюрьмы [45].

В порядке эксперимента в России можно было бы воспользоваться и идеей электронных наблюдателей. Правда, электронные браслеты предпочтительнее производить в своей стране, а не закупать за рубежом. Однако, учитывая специфику географического положения России, ее отставание от развитых западных стран в

экономике, воплощение в жизнь и этой идеи – дело отдаленного будущего. Пока же проблема переполнения исправительных учреждений в Российской Федерации решается обычными методами – актами о применении амнистии к отдельным категориям осужденных, предоставлением положительно себя зарекомендовавшим осужденным по отбытии ими установленного законом срока условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или заменой наказания другим, более мягким. Однако перечисленные меры не всегда способствуют решению рассматриваемой проблемы, они не застраховывают освобожденных от рецидива, ведь многие из них после освобождения из исправительного учреждения не обеспечены жильем, утратили связи с родственниками, прежними друзьями, не всегда могут быть трудоустроены, в силу чего попадают под влияние преступного мира, и т. п.

Охрана здоровья осужденных. В праве на охрану здоровья осужденные ограничены косвенно. В силу перенаселения исправительных учреждений, несоответствия их в ряде случаев элементарным санитарно-гигиеническим требованиям в местах лишения свободы распространены туберкулез и другие инфекционные заболевания.

Сеть медицинских учреждений исправительной системы России насчитывает 119 больниц различного профиля, 189 медицинских частей и здравпунктов. Специализированная противотуберкулезная помощь оказывается в 36 лечебно-профилактических и 56 исправительных учреждениях. Например, по данным на февраль 1999 г., в учреждениях исправительной системы Российской Федерации находилось 92 тыс. больных туберкулезом, а по состоянию на 1 июня 2000 г. – 90,8 тыс., среди них 51 тыс. осужденных содержатся в противотуберкулезных колониях; 17,4 тыс., – в туберкулезных больницах, а остальные отбывают наказание без требуемой изоляции, часто со здоровыми осужденными. В уголовно-исполнительной системе растет смертность от этого заболевания [19; 42, стр. 61]. Так, в конце XX века около 1,5 тыс. осужденных были ВИЧ-инфицированы. В российской исправительной системе до сих пор не создано специальных учреждений для ВИЧ-инфицированных. Выделяемые учреждениям уголовно-исполнительной системы средства обеспечивают закупку медицинских препаратов

только на 20% [10, стр. 51].

Вместе с тем пенитенциарная политика российского государства направлена на проведение мероприятий, способных оградить осужденных от болезней, которыми они не страдали до лишения свободы. Среди них:

1) помещение осужденных к аресту, лишению или ограничению свободы, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом или наркоманией, а также страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в лечебные исправительные учреждения (ч. 8 ст. 74 УИК РФ);

2) обязательное лечение, по решению медицинской комиссии, осуществляемое непосредственно в исправительном учреждении, в котором отбывается наказание, осужденных, больных токсикоманией, ВИЧ-инфицированных, а также осужденных, больных открытой формой туберкулеза или не прошедших полного курса лечения венерического заболевания (ч. 3 ст. 18 УИК РФ);

3) право на получение больными осужденными и осужденными, являющимися инвалидами I или II гр, дополнительных посылок и передач в количестве и ассортименте, определяемых в соответствии с медицинским заключением. Посылки, передачи и бандероли с лекарственными средствами и предметами медицинского назначения, получаемые осужденными в соответствии с медицинским заключением, не включаются в количество посылок, передач и бандеролей, установленное режимными требованиями ст. 121, 123, 125, 131 и 133 УИК РФ (ч. 2, 3 ст. 90 УИК РФ);

4) не допускается передвижение без конвоя или сопровождения, а также краткосрочные выезды за пределы исправительного учреждения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, осужденных, не прошедших полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании, ВИЧ-инфицированных осужденных, осужденных, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, а также в случаях проведения противоэпидемических мероприятий (ч. 2 ст. 96, ч. 3 ст. 97 УИК РФ);

5) в уголовно-исполнительной системе для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические

и туберкулезные больницы и медицинские части) (ч. 2 ст. 101 УИК РФ);

б) лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным, изолированным от общества, организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и законодательством Российской Федерации, нормативно-правовыми актами Министерства юстиции и Министерства здравоохранения Российской Федерации (ч. 1 и 5 ст. 101 УИК РФ);

7) в случаях отказа осужденного от приема пищи и возникновения угрозы его жизни допускается принудительное питание осужденного по медицинским показаниям (ч. 4 ст. 101 УИК РФ);

8) ответственность за обеспечение охраны здоровья осужденных и выполнение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований несет администрация исправительных учреждений (ч. 3 ст. 101 УИК РФ).

Конечно, далеко не все требования закона, направленные на охрану здоровья осужденных, реализуются сегодня на практике, но наличие прочной законодательной базы – путь к воплощению требований нормативных актов, совершенствованию деятельности исправительных учреждений, их реконструкции в направлении превращения в социально-медицинские клиники. Проведение намеченных мероприятий требует времени и средств.

Право на образование. Заботиться о повышении образовательного уровня каждого человека – одна из основных задач государства. Осужденные не являются исключением. В местах лишения свободы постоянно совершенствуются формы и методы обучения содержащихся в них лиц.

При исправительных учреждениях имеется 283 общеобразовательные организации и 503 их филиалов, 302 профессиональных образовательных учреждений ФСИН России и 404 их структурных подразделений.

К началу XXI века Минюстом России в составе уголовно-исполнительной системы создано 4 высших (с филиалами в пяти городах) и 2 средних специальных учебных заведений, 50 учебных центров, образован научно-исследовательский институт с филиалами в Твери и Иванове [42, стр. 61].

Осужденные косвенно лишаются права обучения в учебных заведениях, в которых они обучались до осуждения, в силу необходимости пребывания их в исправительных учреждениях, из которых они не могут быть отпущены для сдачи итоговых или государственных экзаменов, защиты дипломов.

Вместе с тем получение общего образования и профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы являются одним из основных средств их исправления (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Именно обучение призвано давать осужденным не только определенную сумму знаний, но и способствовать их исправлению, совершенствованию как личностей.

В силу краткосрочности пребывания осужденных в арестных домах (при осуждении к аресту*), согласно закону, их общее образование и профессиональная подготовка не осуществляются (ч. 2 ст. 69 УИК РФ). Несмотря на то, что арест пока не может назначаться виновному, целесообразно поставить вопрос о необходимости дополнения норм УИК РФ о порядке исполнения ареста положением об организации в арестных домах специальных кратких курсов обучения, способствующих повышению кругозора осужденных, их общему развитию.

В соответствии с УИК РФ осужденные к лишению свободы в возрасте до 30 лет обязаны получить основное общее образование. Осужденные старше 30 лет и осужденные, являющиеся инвалидами I или II гр., имеют право, по их желанию, на получение основного общего или среднего (полного) образования.

Реализация права на образование осуществляется на основании Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1, Уголовно-исполнительного кодекса РФ, На основании совместного Приказа Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 марта 2006 г. № 61/70 «Об утверждении Положения об организации получения основного общего и среднего (полного) общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях и тюрьмах уголовно-исполнительной системы». Прием в школу

осужденных, не достигших возраста 30 лет и не имеющих основного общего образования, производится по представлению администрации учреждения, а остальных осужденных – по их личному заявлению. Зачисление осужденных в школу оформляется приказом за подписью директора школы по согласованию с начальником ИУ. Право осужденных на получение образования гарантируется созданием вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений (школ, учебно-консультативных пунктов) при исправительных учреждениях, осуществляющих свою деятельность на основе Типового положения о вечернем (сменном) общеобразовательном учреждении, утвержденного постановлением Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № г-1237.

В учреждениях ФСИН России в 2017 г. содержалось 57 589 осужденных, подлежащих обязательному обучению (т.е. 10,9% от общего количества осужденных), в том числе 4 006 женщин и 1 354 несовершеннолетних, из них несовершеннолетних женского пола – 106 человек. Зарегистрированных учащихся на начало 2016 - 2017 учебного года - 71 638 человек (на 24,4% больше, чем подлежащих обязательному обучению), в том числе 5 491 женщин (на 37,1% больше) и 1 563 несовершеннолетних (на 15,4% больше).

Обязанности обучающихся определяются уставом школы с учетом порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Обучающиеся, успешно выполняющие учебный план, на период сдачи выпускных и переводных экзаменов должны быть освобождены от работы с сохранением заработной платы по месту работы, в дни занятий не должны привлекать к сверхурочным работам, связанным с отрывом от учебных занятий. Они имеют право на сокращенную рабочую неделю. В период учебного года не допускается перевод обучающихся из одного учреждения в другое, если это не вызвано требованиями оперативного и режимного характера или другими исключительными обстоятельствами. Для выпускников 9, 11-х классов, освобождаемых от отбывания наказания за три месяца до начала государственной (итоговой) аттестации, могут быть организованы досрочные экзамены. Осужденные, водворенные за нарушения требований режима отбывания наказания в штрафной изолятор, переведенные в помещения камерного типа, единое помещение

камерного типа, в одиночную камеру в колониях особого режима, на строгие условия отбывания наказания, обучаются по заочной форме обучения (ст. 8–11 Положения о порядке организации получения основного общего и среднего (полного) общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях и тюрьмах) [33].

Нормативными актами, регламентирующими учебный процесс в исправительных учреждениях, установлен порядок его организации и проведения на основе общеобразовательных учебных планов и программ. В целях надлежащего обеспечения процесса обучения осужденных в школах на исправительное учреждение возлагается обязанность по подбору квалифицированных педагогических кадров, предоставлению и содержанию на должном санитарно-гигиеническом уровне помещения школы, приобретению необходимой мебели, учебников, учебно-наглядных пособий, письменных принадлежностей, технических, аудио и видеосредств, химических реактивов и пр. Непосредственное управление школой осуществляет прошедший соответствующую аттестацию директор, назначенный учредителем и работающий во взаимодействии с администрацией исправительного учреждения.

Ограничения права осужденных на образование в местах лишения свободы прямые. Они выражаются главным образом в том, что учебный процесс осуществляется с учетом требований режима содержания осужденных. Педагогический персонал учреждения также обязан подчиняться Правилам внутреннего распорядка соответствующего учреждения.

В современный период на более, по сравнению с взрослыми, высоком уровне организован процесс обучения осужденных в воспитательных колониях для несовершеннолетних. Исправительные учреждения, так же как и многие государственные образовательные учреждения, испытывают проблемы экономического характера, нехватки средств на приобретение необходимого оборудования, а также кадровые проблемы. Вместе с тем в исправительных учреждениях ведется учет осужденных, подлежащих обязательному обучению, а также лиц, желающих повысить свой общеобразовательный уровень, создаются условия для самообразования.

Условия для самообразования создаются и лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы, которые не привлекаются к общему образованию (ч. 6 ст. 112 УИК РФ). При исправительных учреждениях имеются библиотеки. Осужденным разрешается без ограничения подписываться на газеты и журналы за счет собственных средств, получать в посылках, передачах и бандеролях письменные принадлежности, необходимую литературу, приобретать их по безналичному расчету через торговую сеть исправительного учреждения. Они имеют право в свободные от работы часы, кроме времени, введенного распорядком дня для ночного отдыха, на прослушивание радиопередач, просмотр телепередач и на приобретение теле и радиоприемников или получение их от родственников или иных лиц.

Осужденные к лишению свободы, не имеющие профессии (специальности), по которой они могут работать в неправильном учреждении, обязаны получить профессиональное начальное образование или пройти профессиональную подготовку по специальности, по которой они смогут работать и после освобождения. Ограничение осужденных в праве на получение профессии выражается в его обязательном характере и возможности выбора профессии в пределах, имеющихся в данном исправительном учреждении. Лица, лишённые свободы, являющиеся инвалидами I или II гр., мужчины в возрасте старше 60 лет и женщины старше 55 лет могут получить соответствующую профессиональную подготовку по их желанию.

Профессиональное обучение и профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы осуществляются в порядке, установленном Минюстом России по согласованию с Минобрнауки России. Организуется профессиональное обучение осужденных непосредственно на производстве исправительного учреждения, а также в школах при нем. Основными формами профессионального обучения являются: индивидуальное, бригадное и курсовое обучение. Для изучения обязательных курсов специальных, общетехнических и других дисциплин одной или родственными специальностями осужденные, обучаемые бригадным или индивидуальным методом, объединяются в учебные группы.

Осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, профессиональную подготовку

получают непосредственно на производстве колонии (ч. 5 ст. 108 УИК РФ).

Принимая во внимание необходимость охраны здоровья осужденных, в исправительных учреждениях созданы специальные службы, ведущие отбор и учет осужденных, которым предстоит профессиональное обучение, и производящие их медицинский осмотр на предмет соответствия их физиологии занятиям соответствующей профессией.

Отношение осужденных к профессиональному обучению учитывается при решении вопроса о степени их становления на путь исправления (ч. 3 ст. 108 УИК РФ),

Представляется целесообразным решение вопросов о профессионально-техническом обучении осужденных строго дифференцированно и индивидуально еще до направления их в соответствующее исправительное учреждение, за исключением лиц, которым назначено отбывание лишения свободы в тюрьме. Это позволило бы в большей степени учитывать имеющуюся у осужденного профессию или его желание получить какую-либо профессию, естественно, исходя из лимита исправительной системы. Представляется, что такой подход стимулировал бы и стремление виновного к исправлению, освобождению и нормальной жизни в обществе.

Было бы полезно предоставлять осужденным, отбывающим наказание в исправительной колонии-поселении, а также лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, право на заочное обучение (или его продолжение, или в порядке перевода на эту форму обучения в связи с осуждением) в гражданских учебных учреждениях страны.

В условиях научно-технического прогресса расширяется круг лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за неосторожные преступления. До марта 2001 г. Уголовный кодекс РФ, с учетом особой тяжести последствий, наступающих вследствие совершения неосторожных преступлений, относил некоторые из них к категории тяжких, устанавливая наказание от четырех до десяти лет лишения свободы, например, за транспортные преступления (ч. 3 ст. 263, ч. 3 ст. 264, ч. 3 ст. 266, ч. 3 ст. 267 УК РФ и др.). В соответствии же с изменениями и дополнениями, внесенными в Уголовный кодекс РФ в марте 2001 г., неосторожные преступления перестали относиться к категории тяжких, однако

длительные сроки лишения свободы за их совершение остались. Вряд ли оправданно лишать таких лиц права на получение желаемого образования. Если осужденных, отбывающих наказание за преступления, совершенные по неосторожности, наделить правом на заочное обучение в гражданских вузах страны, то на администрацию колонии необходимо возложить обязанности по оказанию им содействия в своевременном получении заданий из соответствующих вузов и отправлении выполненных работ. Экзамены осужденные могли бы сдавать после освобождения из колонии в специально установленные для них сроки или при наличии возможности – по дистанционной форме и пр. Предоставлять им в этих целях краткосрочные выезды вряд ли целесообразно. Все мероприятия с лицами, лишенными свободы, должны проводиться в условиях их изоляции.

Действующим законодательством лицам, отбывающим наказание в колониях-поселениях, разрешается заочное обучение в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования, расположенных только в пределах соответствующей административно-территориальной единицы. Таким образом, осужденные ограничены в выборе профессии местом дислокации исправительного учреждения. Такое ограничение в какой-то мере оправданно в отношении лиц, переведенных в колонии-поселения из колоний общего и строгого режимов в порядке поощрения и вряд ли приемлемо в отношении лиц, совершивших преступление по неосторожности (ч. 4 ст. 129 УИК РФ).

Идея о предоставлении осужденным возможности получения высшего образования обсуждалась в 1998 г. в ЮНЕСКО, куда обратились преподаватели нескольких российских вузов с предложением о совместном создании программы «Тюремные университеты». Сегодня в российских вузах имеется уже достаточно наработок в области дистанционного обучения. Вот уже много лет в недрах ФСИН Минюста России проходит эксперимент по обучению осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, в высших учебных учреждениях. Более 500 заключенных заочно обучаются в вузах страны. По числу узников-студентов лидирует Северо-Западный политехнический институт в Санкт-Петербурге, там обучается более 100 осужденных. Еще в 1999 г. ФСИН

заключил соглашение с Московским государственным университетом экономики, статистики и информатики (МЭСИ) о развитии проекта «Дистанционное образование в пенитенциарной системе России». В нескольких субъектах РФ появились студенты-заочники МЭСИ за колочей проволокой. Пока осужденные занимаются так называемым кейс-методом: они получают учебники и учатся когда могут. Но ФСИН уже отправил в ЮНЕСКО заявку на получение гранта для создания компьютерной сети, что позволит обучать заключенных на расстоянии в режиме реального времени [23].

Реальные шаги в воплощении идеи «тюремных университетов» сделаны в свое время в Тверской области. Такое обучение там введено как платное. Прослушивание одного курса в период введения стоило 679 руб. Осужденные платили по 200 руб., остальные расходы брало на себя Управление исполнения наказаний области. Результаты проводимого эксперимента свидетельствовали о том, что обучение благотворно сказывается на дисциплине, вызывает положительный отзыв со стороны близких осужденных, общества. В подобных случаях одновременно решается и задача подготовки осужденных к жизни на свободе [15]. Представляется, что за этой идеей будущее исправительных учреждений страны. Пока высшее образование заключенные получают в порядке экспериментов. Законодательство не регламентирует правила получения высшего образования. Однако в концепции реформирования уголовно-исполнительной системы Минюста России предусмотрена система норм о возможности получения заключенными высшего образования. О реализации права получения осужденными высшего образования свидетельствует дополнение ч. 4 ст. 108 УИК РФ в марте 2001 г. положением, согласно которому «с учетом имеющихся возможностей администрация исправительного учреждения оказывает содействие осужденным в получении среднего (полного) общего образования и высшего профессионального образования».

Свобода творчества. Поддержание творческой инициативы осужденных призвано содействовать организации их досуга, что в настоящее время особенно актуально ввиду безработицы в некоторых исправительных учреждениях. Лицам, изолированным от общества, гарантируется

свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. Творческая деятельность для осужденных представляет своего рода психологическую разгрузку, помогающую им в таких своеобразных условиях сохранять человеческое лицо, чувствовать себя способными выйти на свободу полноценными гражданами.

В местах лишения свободы, осужденные в свободные от работы часы могут заниматься каким-либо мастерством, творческой деятельностью. Ограничения прав осужденных в творчестве связаны с требованиями режима, запретами на пользование специальными видами инвентаря и технологий, используемых при осуществлении такой деятельности. Осужденным прямо запрещено иметь при себе для поделок, производимых в свободное от основной работы время без соответствующего надзора, колюще-режущие предметы, различного рода химические составы и т. п. Перечень предметов, запрещенных к использованию, содержится в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Осужденные во все времена стремились к творческой деятельности.

Ф.М. Достоевский отмечал: «Без своего особого, собственного занятия, которому бы он предан, был всем умом, всем расчетом своим, человек в остроге не мог бы жить. Да и каким способом весь этот народ, развитой, сильно поживший и желавший жить, насильно сведенный сюда в одну кучу, насильно оторванный от общества и от нормальной жизни, мог бы ужитья здесь нормально и правильно, своей волей и охотой? От одной праздности здесь развились бы в нем такие преступные свойства, о которых он прежде не имел и понятия. Без законной нормальной собственности человек не может жить, развращается, обращается в зверя. И потому каждый в остроге, вследствие естественной потребности и какого-то чувства самосохранения, имел свое мастерство и занятие... каждая казарма, несмотря на запрет, обращалась в огромную мастерскую. Собственно труд, занятие не запрещались; но строго запрещалось иметь при себе, в остроге, инструменты, а без этого невозможна работа. Но работали тихонько, и, кажется, начальство в иных случаях смотрело на это не очень пристально. Многие из арестантов приходили в острог ничего, не зная, но учились у других и потом выходили на волю

хорошими мастерами» [16, стр. 43-44].

Понятно, что условия отбывания уголовного наказания, которые имел в виду великий писатель-философ Ф.М. Достоевский, были тогда иные, цели и задачи его тоже отличались. Однако жизненный опыт, приобретенный и полученный писателем, в том числе и в пенитенциарной области, до сих пор еще достаточно не оценен. Не оценен он как в сфере исполнения уголовного наказания, так в общем-то и в философии права и юриспруденции, он ждет внимания философов и юристов [20; 34].

На творческую ноту настраивает осужденных сам процесс отбывания лишения свободы. И в наше время из чего только не мастерят осужденные свои поделки. На выставке достижений народного хозяйства, проходившей в начале 90-х гг., были представлены экспонаты, сделанные руками лиц, отбывавших лишение свободы на территории Российской Федерации. Там и предметы первой необходимости, и художественная лепка, и резьба по дереву. Для своих поделок осужденные используют самые разнообразные материалы, например хлеб, шерстяные нитки, кусочки ткани, косточки от фруктов, скорлупу орехов, ложки, кружки и пр. Французский писатель Оноре де Бальзак правильно подметил, что «все человеческое умение – не что иное, как смесь терпения и времени».

В одной из исправительных колоний по инициативе ее начальника проводился эксперимент по созданию собственного телевидения. Видеокамеру им помог приобрести попечительский совет колонии, а необходимую для трансляции аппаратуру осужденные приобретали всем миром, подключив и платежеспособных родственников. Отбывали наказание в колонии свои «видеоинженеры», «монтажеры», «ведущие», которые занимались организацией в колонии КВНов. Местное телевидение, передававшее новости колонии, по рейтингу осужденных, опередило все другие информационные каналы. Рубрики подсказывает сама жизнь в колонии, например, «Благая весть», созданы и развлекательные программы, например, «Интеллект-шоу», «В мире животных» (в колонии разводят кроликов). Предполагается сотрудничество колонии с городскими телестудиями [30]. Творческая деятельность, особенно видеосъемка, ведется под наблюдением администрации колонии.

В одной из колоний Волгоградской области вот уже несколько лет проводятся всевозможные самодеятельные смотры, конкурсы, спартакиады. Администрация колонии стремится приобщить каждого осужденного к искусству. С этой целью к так называемому Дню колонии «каждый отряд (или группа) готовит свою театрализованную «программу», оснащенную богатейшим выбором костюмов, и тщательно продумывает свой наряд – от римских гладиаторов, рыцарей до солдат армий Наполеона и Кутузова» [28].

Сегодня к работе с осужденными привлекаются и деятели культуры: приезжают известные артисты, эстрадные группы и пр. Осужденные занимаются и научной деятельностью. Они

вносят рационализаторские предложения по совершенствованию производства, им гарантировано право авторства на изобретения и открытия. Все это содействует адаптации осужденных в предстоящей жизни на воле.

Таким образом, социально-экономические права и свободы, реализуемые осужденными в период отбывания уголовного наказания, связанного с лишением свободы, имеют существенную значимость для их исправления и подготовки к жизни в условиях свободы. Поэтому администрация пенитенциарных учреждений должна стремиться к созданию необходимой обстановки, позволяющей заключенным реализовать свои социально-экономические права и свободы.

Примечания

- * В соответствии со ст. 5 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» от 25 декабря 1996 г. и ст. 4 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 6-ФЗ, было указано, что наказание в виде ареста будет применяться по мере создания необходимых условий для его исполнения, но не позднее 2001 г.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 3. – Ст. 99.
2. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
3. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
4. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
5. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
6. Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права. Краткая энциклопедия. – Н. Новгород, 1998.
7. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина и В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1999.
8. Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В. Правовой статус личности осужденного: общетеоретическая характеристика в контексте пенитенциарной политики государства // Правовое поле современной экономики. – 2016, – № 9. – С. 126-134.
9. В Венгрии рецидивисты живут в камерах «люкс» // Приложение к «Комсомольской правде». – 1996. – 13 апреля.
10. В Совете Федерации. Положение в местах лишения свободы признано критическим // Российская юстиция. – 1999. – № 2.
11. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. – М.: Юрид. лит., 1985. – 176 с.
12. Герваген Л. На чем основано разделение права на публичное и частное, гражданское? – Пг.: Типография М.А. Александрова, 1915. – 23 с.
13. Гусев А.Д. О правах человека и гражданина // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 3. – С. 79-88.

14. Дерюга Н. Расторжение брака лиц, осужденных к лишению свободы // Российская юстиция. – 2000. – № 2.
15. Дзюя Р. Тюремные университеты // Российская газета. – 1999. – 30 июля.
16. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. – СПб., 1994.
17. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
18. Захарова Е. Продается камера после евроремонта // Российская газета. – 1999. – 3 июля.
19. Зубков А. Тюрьма – не резиновая // Российская газета. – 1999. – 4 февраля.
20. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
21. Киреев Н. Кому – свобода, кому – молодая жена // Российская газета. – 2000. – 14 октября.
22. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
23. Кулик В. Ликбез за решеткой // Российская газета. – 2000. – 12 мая.
24. Куракин Г.А. Личность. Общество. Государство (теоретико-правовой аспект): Дис... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.
25. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году) // Советская юстиция. – 1992. – № 2. – С. 19.
26. Миняева Т.Ф. Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. – М.: Норма, 2001. – 320 с.
27. Паклин Н. От электронного браслета не зарекайся // Российская газета. – 2001. – 23 января.
28. Пастушков А. А рядом Гамлет спит на нарах. Комедия строгого режима в натуре // Российская газета. – 2001. – 9 февраля.
29. Полиция за рубежом. Когда не хватает тюрем // На страже. – 1989. – 3 июня.
30. Полякова А. Говорит и показывает тюрьма! // Комсомольская правда. – 1996. – 25 декабря.
31. Рожденные в неволе // Российская газета. – 2000. – 7 июня.
32. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века (страницы истории права) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 104-110.
33. Российская газета. – 1999. – 19 марта.
34. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья // Р.Ф. Исмагилов. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»). – С. 10-17.
35. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
36. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
37. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
38. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
39. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
40. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1997.
41. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
42. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации. ЦОС ГУИН Минюста России // Российская юстиция. – 2000. – № 9.
43. Частная тюрьма нам пока не грозит? // Российская газета. – 2000. – 27 мая.
44. Чикин М. Твой дом, француз, теперь тюрьма! // Комсомольская правда. – 1996. – 8 августа.
45. Ямшапов Б. Кто построит казенный дом // Российская газета. – 2000. – 27 мая.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

МАДЖИДЗОДА Джурахон Зоир
(Зоиров Джурахон Маджидович),
председатель комитета Маджлиси Намояндагон
Маджлиси Оли (Парламента) Республики
Таджикистан по правопорядку, обороне и безо-
пасности, профессор Таджикского националь-
ного университета, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный работник Республики
Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Zoirov2009@mail.ru

ХОЛИКЗОДА Абдураъим Гафор,
председатель комитета Маджлиси Намояндагон
Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджи-
кистан по государственному устройству и мест-
ному самоуправлению, доктор юридических наук,
профессор (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Halim2006@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятель-
ность, прокурорская деятельность, правоза-
щитная и правоохранительная деятельность

ОБЪЕКТ НАУКИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОВРЕМЕННОМУ ТАДЖИКИСТАНУ

***Аннотация.** Рассматривается объект науки прав человека применительно к современной Республике Таджикистан. Отмечается, что сам этот феномен весьма многогранен, в связи с чем разночтения его смысла неизбежны, его проблемы могут изучаться различными отраслями гуманитарных и отраслевых наук. Приводится авторская классификация существующих взглядов на предмет и объект изучения науки о правах человека.*

***Ключевые слова:** права человека; наука прав человека; Республика Таджикистан; гражданское общество.*

**MADZHIDZODA D.Z.
HOLIKZODA A.G.**

OBJECT OF HUMAN RIGHTS SCIENCE: SOME GENERAL REFLECTIONS APPLIED TO MODERN TAJIKISTAN

***The summary.** The object of the human rights science as applied to the modern Republic of Tajikistan is considered. It is noted that this very phenomenon is very multifaceted, in connection with which the discrepancy of its meaning is inevitable, its problems can be studied by various branches of the humanities and branch sciences. The author's classification of existing views on the subject and object of studying the human rights science is given.*

***Key words:** human rights; the science of human rights; The Republic of Tajikistan; civil society.*

В рамках науки юриспруденции при разграничении объекта науки прав человека и объектов других отраслевых прав, с учетом уже сложившихся традиций в отраслевой классификации, упор делается на вертикальные и горизонтальные теории правоотношений. Такой подход (по сравнению со всеми остальными принципами дефиниции категории прав человека) оказался намного результативнее, потому что при нем все горизонтальные правовые отношения, являющиеся результатом правоотношений субъектов, находящихся в равном положении, попадают под воздействие отраслей права. Например, субъекты гражданского права при заключении договора купли-продажи находятся в равном положении, и их волеизъявление выступает гарантией реализации их интересов. Точно в таком же положении находятся будущие супруги при заключении акта бракосочетания, согласно ст. 3 Семейного кодекса РТ. В уголовно – правовых отношениях при нанесении вреда, при совершении кражи, убийства и в других деликатных отношениях граждане находятся в горизонтальных правоотношениях, при которых субъекты в большинстве случаев свободны в выборе действия. Конечно, здесь могут быть и исключения, например при административных правонарушениях.

Что касается вертикальных правоотношений, то здесь субъекты права, во-первых, находятся в неравном положении, и, во-вторых, эти отношения, в которых с одной стороны участвует государство, а с другой – человек – гражданин, иностранец, лицо без гражданства. При вертикальных правоотношениях человек вступает в правоотношения с государством. Когда признанные и гарантированные государством права человека нарушаются, а государство, обязанное обеспечить их, не проявляет заботу, человек требует справедливости. В таком случае государство обязано конституционно выполнять свои обязанности перед гражданином или человеком, так как Конституция и международно-правовые акты всесторонне закрепили эти права.

Здесь возникает вопрос: являются ли человек и государство равнозначными партнерами в возникающих правоотношениях? Профессоры В.А. Бачинин и В.П. Сальников на данный вопрос отвечают следующим образом: «Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, – пишут В.А. Бачинин и В.П. Сальников, – то их разномасштабность

позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравнивания» [3, стр. 133-134].

Именно гражданское общество в конечном счете «заставляет» государство исполнять свои обязанности перед человеком.

Права и свободы человека в Таджикистане закреплены в 4-х статьях первой главы и 34-х статьях второй главы Конституции республики [1].

Часть этих прав и свобод стала обязанностью нашего государства в силу принятия Таджикистаном на себя обязательств по международным договорам, ратифицированным им (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Факультативный протокол к данному пакту и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 и др.). Международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются международно-правовые акты (ст. 10 Конституция РТ).

Таким образом, в Конституции страны международно-правовым актам отдается приоритет перед национальным законодательством, что открывает широкий простор для реализации современных достижений в области прав человека. Если какие-то требования Конституции противоречат международным нормам, то последние, во-первых, не ратифицируются до момента наличия противоречия, а во-вторых, если такое упущение все же допускается, то в случае его обнаружения, в соответствии с ч. 1 ст. 10 Конституции РТ, на территории республики

нормы Конституции все же имеют высшую юридическую силу.

Ученые при определении прав человека особое внимание уделяют гарантии прав и свобод со стороны государства (вертикальная теория прав человека). Любой вред или ущемление прав и свобод человека со стороны других, равных с ним по положению лиц (правовой статус), в зависимости от содержания являются предметом отраслей права (гражданское, уголовное и др.) (горизонтальные правоотношения). Есть ученые, которые стараются обосновать права человека только в рамках горизонтальной теории. Основное внимание они уделяют первичному состоянию человека, любое посягательство на его права, по их мнению, это и есть граница прав человека. Другие исследователи настаивают на том, что здесь имеют место равные правовые отношения, и говорить в данном случае о правах человека неправомерно. Согласно этой теории, государство выступает как гарант прав сторон, а не как нарушитель этих прав, а если государство не защищает эти права, то сторонники этой теории говорят о нарушениях прав человека. Неисполнение государством своих обязательств – это не начало нарушения прав, а продолжение и усиление давления на человека, продолжение его дискриминации. Когда же нарушение этих прав исходило со стороны субъектов, равных по положению, и государство допускало эти негативные явления, то здесь налицо опосредованные правоотношения – пассивный фактор, порождающий наличие объекта прав человека. Например, человека избили, нанесли ему тяжкие телесные повреждения, но суд неправильно применил закон, который гарантирует права и свободы человека. На стадии судебного процесса человек вступает в вертикальные правоотношения, где государство берет конкретное обязательство, и человек реализует другие свои права – право на справедливый, объективный суд, равные права перед законом, право на защиту и др.

Таким образом, когда человек напрямую находится в вертикальном правоотношении – человек и государственный орган, должностное лицо – то, скорее всего, это и есть объект дисциплины современного понимания прав человека.

С другой стороны, чтобы наука прав человека не пересекалась с интересами отраслей права, считаем необходимым отметить следующее. Нас не должен волновать принцип абсолютного

разделения отраслей права по предмету и объекту правоотношений, которые всегда опираются на системы специальных юридических норм вроде закона, кодекса и т.д., так как наш объект, являясь основным во всех отраслях права (это особенно хорошо просматривается в свете новых конституционных ориентиров), объединяет в себе интерес всей правовой системы. Во всяком случае, на такой подход нас ориентируют современные достижения таджикских исследователей в области прав человека [11; 12; 13; 14; 21; 28].

Предмет науки прав человека является основной (или одной из основных) целью всех отраслей права. Подходя к проблемам прав человека сугубо с точки зрения функциональных интересов, отрасли права нередко впадают в эйфорию реализации отраслевых принципов. На первый план здесь выдвигаются надуманные идеи: нормативизм, законность, правопорядок. Последние господствующие идеи и принципы в большинстве случаев не соответствуют другим основополагающим принципам социальной справедливости, гуманизму и торжеству прав и свобод человека. Именно поэтому введение курса «Права человека» в юридических вузах, как дополнительное средство обеспечения справедливости в обществе, необходимо. Эта дисциплина обращает внимание студентов на архиважные моменты, объединяющие материю права, справедливость и мировое сообщество [20; 22; 33].

Если отрасли права к правам человека подходят со стороны интересов государства, общества, коллективов, то отправной точкой науки прав человека является сам человеческий фактор, т.е. субъектами в данных правоотношениях выступают человек и государство. Если при анализе отношений человека с коллективом и обществом, с точки зрения защиты частных интересов, в некоторых случаях мы отдаем приоритет человеку, то при соприкосновении интересов человека с государством, субъектом, имеющим властные полномочия, перед нами встанет проблема уравнивания этих субъектов. Из вертикальных отношений мы переходим к справедливому судебному взвешиванию интересов и прав сторон.

Измерение ценностей происходит с позиции того, что человек (его человеческое достоинство) признается мерой всякой справедливости и истинности. В этом ракурсе вопросы достоинства, чести, личных свобод и других качеств

человека, с учетом достижений других гуманитарных наук, анализируются с точки зрения юриспруденции. Дело в том, что признание прав человека как индивидуальных прав, вполне приемлемо при условии, если субъективные права целиком регулируются отраслями права. Но отсюда и сложности в разграничении предмета прав человека и предметов других отраслей права.

Логично, что и другие личные права обусловлены действием человеческого фактора. Но они, выступая в равных условиях между равными субъектами, подпадают под юрисдикцию отраслей права. В истории права же неравное отношение, ограниченные свободы с трудом пробили себе дорогу, между тем индивидуальные права, как архиважные в аспекте защиты достоинства человека, в целом нуждались в признании, гарантии и защите как со стороны государства, так и со стороны граждан. В итоге развитие прав и свобод человека в истории нуждается в самостоятельном анализе, во многом отличающемся от установок, присущих изучению их в ракурсе вертикальных отношений. Кроме того, если мы признаем науку прав человека как теорию и науку наук юриспруденции, то мы, включая в нее исторический аспект, тем самым лишаем себя возможности изучать ее сегодняшнее состояние (прав и свобод человека) на основе источников современного национального и международного права, так как это очень обширное и громоздкое дело. Помимо того, сама проблема разграничения прав человека и отраслевых прав очень сложна.

Введение курса по правам человека в юридических вузах и организация кафедр «Права человека» в науке юриспруденции постсоветских государств – явления новые. Наука о правах человека практически заявила о себе в конце второй половины XX в. Формирование ее было связано с необходимостью дальнейшего развития теории и диктовалось потребностями практики. Представление о том, что эта наука дублирует другие отрасли и предметы юридической науки, необоснованно. Предмет каждой из указанных гуманитарных и юридических наук остается неизменным. Никаких попыток изъятия тех или иных проблем, связанных с правами человека, из их ведения не предполагается. Напротив, создание новой науки поможет исследователям, работающим в отраслевых науках [31, стр. 24].

Основная проблема «узаконивания»

дисциплины прав человека как самостоятельного курса заключается в том, что сам этот феномен весьма многогранен, в связи с этим различия его смысла неизбежны. И ученые разных стран ищут ответы на одни и те же вопросы разными способами. Защищая свои концепции и взгляды, они подгоняют под них ценности, институты и нормы науки прав человека, оценивают реалии состояния прав человека не только как явление многогранное, но и как предмет, имеющий очень зыбкие грани. Сам факт расплывчатости и многогранности этого явления в науке юриспруденции легко поддается таким – нередко односторонним – интерпретациям, которые не всегда соответствуют более правильному пониманию развития материи права. Итак, рассмотрим, как ученые подходят к определению предмета прав человека.

Предмет науки – это определенный круг вопросов, которые она изучает, учитывая то, что предмет – это всякое материальное и нематериальное явление, то, на что направлена мысль. Юридическая наука (юриспруденция) изучает право, различные аспекты правоприменительной деятельности, т. е. определенный круг общественных отношений, регулируемых правом. Наличие четко отграниченных от других, смежных дисциплин предмета свидетельствует о научной зрелости, относительной самостоятельности и потенциальной эффективности отрасли знаний и академической дисциплины [26, стр. 5].

Предметом науки прав человека является одна из высших ценностей человеческой цивилизации, охватывающая самые различные аспекты индивидуального и общественного бытия, – права человека. Наука о правах человека рассматривает их не только как явление юридическое; она раскрывает связь этих прав с политикой, нравственностью, философией, религией, поскольку права человека – это сложное, многомерное образование [30, стр. 3]. В различные эпохи проблема прав человека, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала либо религиозное, либо этическое, либо философское звучание [10].

Р. Касен, один из авторов проекта Всеобщей декларации прав человека, лауреат Нобелевской премии мира, в интерпретации Д.З. Мутагирова, определяет науку прав человека, «как особую ветвь общественных наук, предметом которой является изучение человеческих отношений и человеческого достоинства при определении прав и способностей, необходимых для полного

развития личности каждого человека» [27, стр. 15].

По имению известного исследователя прав и свобод человека, автора одного из первых учебников по правам человека К.Васака, наука о правах человека для современных общественных наук играет ту же роль, что и философия для средневековья, она объединяет все науки и обогащается ими, она доминирует над нами и является «наукой наук» [34, р. XI]. Бесспорно, К.Васак прав, и с его мнением нельзя не согласиться, так как и в средневековье, и в наши дни мы обнаруживаем много схожего, нуждающегося в разъяснениях. Если в средневековье философия спасала человечество от всех догматических, консервативных и во многом ограниченных мировоззренческих взглядов, то в нынешнее время, после двух мировых войн и сотен межэтнических кровопролитий, когда цивилизации и великие имперские государства, следуя по пути глобализации, нарушают права и свободы наций и народов, когда проблемы защиты жизни и свободы миллионов людей всё ещё остаются нерешенными, только такая, безграничная, универсальная ценность, как права человека и наука, изучающая её, способны спасти этот мир.

Л.Б. Назаров решительно выступил за признание науки о правах человека как учения об основных, наиболее общих закономерностях возникновения и развития истории, теории и практики прав и свобод человека [29, стр. 17]. Он признает права человека как универсальную научную дисциплину, способную стать методологической базой развития прав и свобод человека во всех юридических науках.

Е.А. Лукашева, называя данную дисциплину «теория прав человека», отмечает: «Теория прав человека как наука призвана изучать природу и сущность этого явления, его генезис, социальные, философские, политические, этнические, религиозные предпосылки, в контекст которых включается данный феномен» [25, стр. 5]. Она же дает расширенное понимание её предмета: «Предметом данной науки является одна из высших ценностей человеческой цивилизации, охватывающая самые различные аспекты индивидуального и общественного бытия, – права человека» [24, стр. 1]. Подробно анализируя предмет изучения теории права человека, она называет ряд факторов, определяющих необходимость выделения этой учебной дисциплины

как самостоятельной. Особо отмечают автором значимость прав человека в современном мире, отсутствие анализа исторического развития этого явления в отдельно взятой культуре. По мнению профессора Е.А. Лукашева изучение прав и свобод человека как самостоятельное направление право, вступает важным фактором, воздействующего на консолидацию общества, преодоление политического противостояния и нормализующего социальные, экономические и международные отношения [24, стр. 5-11]

А.Х. Саидов, ориентируясь на общепризнанные права человека, пишет: «Свой, не дублирующий другие отрасли знаний, предмет имеет курс «Права человека». В нем изучаются права и свободы человека, закономерности их исторического развития, способы имплементации (применения) в праве различных государств, универсальные механизмы их гарантий, а также экономические, социальные, политические, культурные и иные факторы, оказывающие влияние на права и свободы человека» [32, стр. 9].

С позиции общепризнанных прав человека, вытекающих из международно-правовых договоров и трансформирующихся в национальных правовых системах, А.Х. Саидов оценивает предмет курса «Права человека» как многогранное явление. Характеризируя природу прав человека, он отмечает: «Все сложнейшие государственно-правовые явления кристаллизуются в правах человека, выступающих основой, центральным звеном государственной правовой жизни». Следовательно, вся правовая система должна быть направлена на обеспечение прав и свобод человека. Право, политика и все политико-правовые институты «поворачиваются лицом» к правам и свободам человека. Совершенно справедливо писал Л.И. Глухарев: «Право очеловечивается, гуманизируется и демократизируется, поворачивается лицом к человеку, представляет не только власть, но и индивида» [8, стр. 11].

Человек в начале третьего тысячелетия на законодательном уровне начинает рассматриваться как самая главная ценность во всех общественных отношениях. Его права и свободы как естественные, неотчуждаемые, объективные, исходящие из природы его бытия, являются новыми вызовами либерально-демократическим режимам и гражданским обществам. Права человека в действительности

проявляют наднациональные и экстерриториальные признаки. Проблема признания прав человека исходит из природы самого человека, ибо познание самого человека как живого существа, части природы, общественного явления, разумного творца, субъекта и объекта исторических событий, во многом зависело от уровня признания прав человека и степени их изученности. Поэтому признание науки прав человека должно было стать очередным шагом в направлении познания природы самого человека как социального и правового явления.

Авторы учебника «Права человека» А.Н. Головистикова и Л.Ю. Грудцына под предметом науки прав человека признают одну из высших ценностей человеческой цивилизации, охватывающую самые различные аспекты индивидуального и общественного бытия, – права человека [9, стр. 10]. Это наиболее расширенное понятие предмета прав человека, так как аспекты индивидуального и общественного бытия можно рассматривать как по горизонтали, так и по вертикали общественных отношений.

В работе «Почему важно преподавать права человека» американские ученые М. Стиман-Бренсон и Ю. Турней Прута в интерпретации И.Ф. Ахметова обращают внимание на то, что изучение этих прав должно служить стимулом, условием всеобщего поиска человеческого достоинства, понимания сути международной политики правительства своей страны или правительства другого государства, не говоря уже об уважении к правам человека. Кроме всего прочего, когда молодые люди станут самостоятельными гражданами, они будут иметь значительный потенциал для воздействия на политику правительства как члены общества, выражающие его – общества – мнение [2, стр. 14].

Предметом науки прав человека, по мнению одного из основателей науки по правам человека в современной России Ф.М. Рудинского, являются:

- основные закономерности возникновения и развития категорий достоинства и свободы человека, его прав и их гарантий;
- юридические нормы, закрепляющие эти права и гарантии;
- экономические, социальные, политические, культурные и иные факторы и условия существования указанных общественных явлений;

- политические, философские, правовые, этические и иные учения о правах человека.

Наука прав человека разрабатывает проблемы теории, истории и практики прав человека. Многогранность этой науки предполагает, что ее проблемы могут изучаться различными отраслями гуманитарных и отраслевых наук. Здесь нужно быть особенно внимательным, ибо неправильное определение границ и закономерностей познания человеческой природы и на этой основе – присущих человеку прав и свобод, может породить немало вопросов. В этом аспекте наука прав человека при выявлении отдельных качеств человека опирается на гуманитарные науки в той мере, в которой они описывают наиболее существенные и качественные человеческие ценности, без которых живое существо не может считаться человеком. Наряду с этим каждая общественная наука познает специфическими, свойственными ей методами определенный аспект прав человека. Здесь основное внимание уделяется таким важным объектам науки прав человека, как происхождение и развитие достоинств, прав и свобод человека, реальные нормы и виды прав человека, учения о правах человека.

Автор учебного пособия «Права человека и механизмы их защиты» В.М. Капицын предлагает следующее понимание предмета прав человека – это общественные отношения, складывающиеся по поводу закрепления, регулирования, охраны и защиты прав и свобод человека [23, стр. 5].

Таким образом, можно заключить из вышеизложенного, существуют различные взгляды на предмет и объект изучения науки о правах человека. Исходя из содержания, вида объектов и методики изучения, на которые опираются исследователи, эти взгляды можно классифицировать следующим образом:

- 1) нормативистский подход – опирается на правовые нормы и правовые отношения в ракурсе признания и защиты прав человека. Объектом изучения должны стать реальные правовые нормы и отношения, касающиеся прав и свобод человека. В данном случае право предлагается рассматривать с позиции воплощения прав человека на практике (В.М. Капицын);
- 2) ценностный подход – объектом являются права и свободы человека, с точки зрения их ценностной характеристики. Основной упор делается на выявление критериев

ценности этих прав и свобод, и, следовательно, предметом курса должны служить эти ценности. Но эти ценности в теории пока до конца не определены, а в нормативных актах – относительны. Такой подход исходит из понимания сущности прав человека и, по мнению Л.И. Глухарева, из личностных начал. Внимание здесь акцентируется на антропологическом срезе в правах (подчеркивающее свойство человеческого в человеке) (Е.А. Лукашева, А.Н. Головистикова и Л.Ю. Грудцына);

3) универсальный подход – о правах человека говорится как об универсальном явлении, включающем не только юридические, но и экономические, социальные, политические, культурные и иные факторы, оказывающие влияние на содержание прав и свобод человека. Таким образом, границы предмета науки прав человека здесь значительно расширяются (Ф.М. Рудинский, А.Саидов).

Помимо того, учитывая различные аспекты правопонимания, не исключается возможность дефиниции предмета прав человека с естественно-правовой, социологической, позитивистской, теологической, компрехендной [15; 16; 17; 18; 19] и других точек зрения, в том числе, например, позиций синкретизма современной правовой культуры [4; 5; 6; 7]. Примечательно, что каждое из определений объекта прав человека и предмета имеет множество составляющих, соотносимых с факторами, оправдывающими смысл изложенного материала. Учитывая пространство изучения предмета прав человека, можно предположить, что есть ученые, которые опираются только на теорию и практику, и есть те, кто опирается на исторические аспекты и рассматривают как теоретические, так и практические аспекты этого явления. Наука прав

человека только формируется, и взгляды на нее очень разнообразны, что естественно, и поэтому процесс определения понятия и границ изучения предмета прав человека пока ещё продолжается. Но как быть нам, тем, кто от теоретических диспутов перешел к поиску путей воплощения этих прав?

Думается, сложностей здесь много, но преодолеть их просто необходимо. По нашему мнению, последняя модель (Ф.М. Рудинский, А.Саидов) заслуживает особого доверия и по смыслу, и содержанию. Мы поддерживаем их в том, что права человека – явление весьма многогранное, но в то же время, отстаивая юридическую природу прав человека, следует использовать опыт всех гуманитарных наук, способствующих познанию правовой природы человека. Но все же диапазон своего исследования мы решили ограничить, остановившись на истории, теории и практике прав человека. И даже при такой постановке вопроса поле для изучения оказывается весьма широким. Здесь сама история права – это история поэтапного расширения прав и свобод человека, и проблемы современного состояния прав – неотъемлемая часть этой истории.

Следует отметить, что в большинстве традиционных юридических вузов (за исключением специальных) наука прав человека как самостоятельная дисциплина не преподаётся. Но это не означает, что ученые – юристы не признают важности прав человека в современном мире. Они просто пошли по другому пути изучения данного явления. В основном внимание они уделяли проблемам защиты других интересов, ценностей, обеспечению порядка и стабильности. Их путь проходил через эволюцию отраслей права, и этот процесс поставил во главу угла человека с его правами, свободами, достоинством и потребностью в защите этих ценностей.

Список литературы

1. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2017.
2. Ахметова И. Ф. Международная концепция преподавания прав человека. – М., 2001.
3. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
4. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.

5. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
6. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
7. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
8. Глухарева Л.И. Права человека. Гуманитарный курс. – М.: Логос, 2002. - 176 с.
9. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. – М.: Эксмо, 2006. - 445 с.
10. Грудцына Л. Права человека как наука и учебная дисциплина: заметки о методологических особенностях изучения и преподавания // Право и жизнь. – № 108. www.law-n-life.ru
11. Диноршоев А.М. Механизм защиты прав человека в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 152 с.
12. Диноршоев А.М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – 190 с.
13. Диноршоев А.М. Права человека: Учебник для вузов. – Душанбе, 2010. – 336 с.
14. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность: Монография. – Волгоград: Волг. Филиал РАНХиГС, 2014. – 296 с.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 19-24.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 83-88.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
20. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
21. Искандаров Э.Х. Права человека и национальные механизмы их защиты (на тадж. яз). – Душанбе, 2007.
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
23. Капицын В.М. Права человека и механизмы их защиты: Учебное пособие. – М.: ИКФ «Экмос», 2003. - 288 с.
24. Лукашева Е.А. Введение. Предмет и задачи теории прав человека // Права человека. Учебник для вузов. – М., 1999.
25. Лукашева Е.А. Права человека: Учебник для вузов. – М.: Норма - ИНФРА-М, 2000. – 573 с.
26. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2001. – 656 с.
27. Мутагиров Д.З. Права и свободы человека. – М.: Логос, 2006. - 544 с.
28. Ойев Х.О., Сафаров Б.А. Механизм защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан (на тадж. яз). – Душанбе, 2013.
29. Права человека. История, теория и практика. – М.: Русслит, 1995. - 302 с.
30. Права человека: Учебник для вузов /Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2001. - 573 с.
31. Рудинский Ф.М. Наука прав человека: предмет, функции, современные методологические проблемы // Наука прав человека и проблемы конституционного права. – М., 2006.
32. Саидов А.Х. Общепризнанные права человека. – М.: МЗ Пресс, 2002. - 267 с.
33. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
34. The International Dimenisions of Human Rights / Ed. K.Vasak. – Paris, 1982. - Vol. 1.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
депутат Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации первого
созыва; вице-губернатор Ленинградской области;
Президент и Председатель Совета Ленинградской
торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.),
доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-
Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПОКАЯНИЕ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО. Лекция

***Аннотация.** Рассматриваются взгляды великого русского писателя и философа Ф.М. Достоевского на проблемы добра и зла, преступления и покаяния. Анализируются подходы мыслителя к наказанию преступника, суду присяжных и другим многообразным вопросам с философских позиций. Отмечается, что при этом Достоевский использует всю силу своего художественного дара, воспроизводит в своих произведениях характеры, обстановку и действие, заполняя имеющиеся информационные пробелы художественными образами.*

***Ключевые слова:** Ф.Д. Достоевский; писатель и философ; преступление; наказание; покаяние; добро и зло.*

ISMAGILOV R.F.

CRIME AND REPENTANCE IN THE PHILOSOPHY OF LAW OF F.M. DOSTOEVSKY. Lecture

***The summary.** The views of the great Russian writer and philosopher F.M. Dostoevsky on the problems of good and evil, crime and repentance. Analyzed are the approaches of the thinker to the punishment of the criminal, to the jury and other diverse issues from the philosophical standpoint. It is noted that while Dostoevsky uses all the power of his artistic gift, reproduces in his works characters, atmosphere and action, filling the existing information gaps with artistic images.*

***Key words:** F.D. Dostoevsky; writer and philosopher; a crime; punishment; repentance; good and evil.*

Несовершенство закона и суда для Достоевского означает необходимость их совершенствовать. Достоевский вовсе не призывает отвергнуть закон и суд только потому, что творимое ими добро (в данном случае – защита ребенка) несовершенно, непоследовательно и

половинчато. Разум мирится с половинчатостью добра, зная о его совершенствовании, возрастании и развитии, как и всего живого. Но он не готов примириться даже с частичкой зла, зная о ее небытии и смерти. Здесь также проявляется своего рода онтологическая асимметрия добра и

зла, о которой мы вели речь выше.

Добро и зло – это вечная проблема, она занимала умы мыслителей в античности [3; 9; 16; 21] и средние века [10; 12; 28], в Новое время [13; 22; 24; 25; 26; 27]. Данные вопросы продолжают оставаться актуальными и в настоящее время [6; 8; 11].

Ф.М. Достоевский относился к вопросам добра и зла особенно трепетно. Все равно человек, сопереживающий детским «слезкам к «Боженьке», не может до конца удовлетвориться всеми этими рассуждениями. И мы не случайно назвали ссылку на право как на решение проблемы «плоской». Ребенок, ведь, все же обращается к «Боженьке» и от него ждет защиты! Мы можем и обязаны помочь ему, опираясь на дар «священного права». Но мы не можем брать на себя смелость выступать прямыми проводниками воли Божией, не превращаясь в самозванцев и лицемеров.

Для Достоевского как христианина вопрос искупления греховности ставится в целостной его неотложности, и в чисто моральной, и в правовой плоскости. Зло не является нормальным состоянием человечества – он исходит из такой предпосылки при решении этой проблемы. И надо сказать, ввиду неразрешимости проблемы, что падшие люди, хоть и знают о недопустимости их чувств и мыслей, вовсе не желают возвращаться в состояние невинности. Но это уже что-то другое, когда в жуткой и страшной тьме их бытия появляется вдруг просвет. Бессмысленность собственных усилий может их ослабить и в своем поражении они узнают о страдании, о смысле которого они и не догадывались. «Смешной человек», переживший именно такое развитие, узнает о себе самом: «Но я любил их, может быть, еще больше, чем прежде, когда на лицах их еще не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбил их оскверненную ими землю еще больше, чем когда она была раем за то лишь, что на ней явилось горе».

Именно страдание открывает глаза души на осознание собственной вины. Личные страдания можно еще вынести стоически, но сочувствие к иному, первопричинному страданию дает возможность познать свою вину и понять неотменимость прошлого. «Я говорил им, что все это сделал я один». Здесь мы вновь сталкиваемся с познанием общей вины и возможностью взять ее на себя. И с гениальной находчивостью рассказ

вновь возвращается к первоначальному положению, с которого он и начинался, возвращается к невыносимости создавшейся ситуации, однако теперь уже сознание подготовлено к образу рая и грехопадения, к познанию собственной вины.

Тогда «смешной человек» хотел покончить с собой из-за невыносимости равнодушия, теперь же его убивает страдание оттого, что он не может спасти человечества посредством осознания собственной вины, даже пролитием собственной крови. «Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силою, что сердце мое стеснилось и я почувствовал, что умру, и тут... ну вот тут я и проснулся». С указанием на невозможность такого искупления Достоевский одновременно и ненавязчиво отсылает нас к примеру Христа и к замещающему Его в нас искупительному страданию, которое оказалось возможным для Искупителя, потому что он невинным будучи, взял на себя грех за нас и сделал возможным само искупление.

Следствием грехопадения является преступление, совершаемое человеком. В рассмотренном выше рассказе Достоевский рассмотрел основные этапы эманации форм преступления из первоначального грехопадения. Отрицание преступления как такового может основываться на нескольких вариантах нигилистической критики христианского мировоззрения. С каждым из них Достоевскому пришлось столкнуться. Варианты возможные следующие:

Во-первых, если в мире нет изначального смысла, нет гармонии бытия и включенного в эту гармонию высшего закона справедливости, то значит и нет преступления как такового, а есть лишь нарушение установлений, более или менее обоснованно установленных самим людьми, вследствие чего эти установления не являются морально обязательными.

Во-вторых, преступления не существует, так как человек не обладает свободой воли и его поведение полностью определяется внешними детерминантами, прежде всего – социальной средой или его характером (в наши дни бы указали еще и на генетическую предрасположенность, которая сама по себе оправдывает безнравственные действия; подобные аргументы часто приводятся в защиту гомосексуалистов, но тем самым физиологической предрасположенности, впрочем, никем всерьез не доказанной, отдается предпочтение перед более

высокой формой развития бытия – перед нравственностью). Неоднократно оспаривая эту точку зрения, Достоевский писал, в частности, так: «Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем «среда виновата». Дойдем до того, по клубку, что преступление сочтем даже долгом, благородным протестом против «среды». «Так как общество гадко устроено, то в таком обществе нельзя ужиться без протеста и без преступлений». «Так как общество гадко устроено, то нельзя из него выбиться без ножа в руках». Ведь вот что говорит учение о среде в противоположность христианству, которое, вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается. Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить».

В-третьих, гностическое деление людей на высшие и низшие категории, оправдывает совершение первыми преступления против «твари дрожащей» (эта аргументация подробно рассмотрена в романе «Преступление и наказание»).

Нигилистическим трактовкам преступления Достоевский противопоставляет положительное решение вопроса. Если в мировой гармонии заложена высшая идея нравственной справедливости, то нарушение ее свободным и разумным человеком есть его преступление и грех, несущий в себе определенный «разрыв бытия». Однако эта ситуация не является катастрофической в том смысле, что она может быть разрешена самим свободным человеком. И первый шаг в этом направлении он должен сделать тем, чтобы понять сущность своего преступления и полностью ответить за него. Человек должен осознать свою греховность и иметь мужество спросить себя относительно чужой вины: «Сами-то мы лучше ли подсудимого? Мы вот богаты, обеспечены, а случись нам быть в таком же положении, как он, так, может, сделаем еще хуже, чем он».

В этой связи Достоевский обращает внимание

на особую черту русского народа, склонного жалеть преступника и считать его «несчастливым». С точки зрения нигилиста, народ считает, что преступник есть жертва обстоятельств и как бы не виноват. Но по Достоевскому иначе: народ осознает греховность человека и считает, что в подобных обстоятельствах каждый мог бы согрешить: «Идея эта чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось. На Западе провозглашают ее теперь лишь философы и толковники. Народ же наш провозгласил ее еще задолго до своих философов и толковников. Но из этого не следует, чтобы он не мог быть сбит с толку ложным развитием этой идеи толковником, временно, по крайней мере с краю. Окончательный смысл и последнее слово останутся, без сомнения, всегда за ним, но временно – может быть иначе».

Короче, этим словом «несчастливые» народ как бы говорит «несчастливым»: «Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте – может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас молимся. А пока берите, „несчастливые«, гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей».

Согласитесь, что ничего нет легче, как применить к такому взгляду учение о «среде»: «Общество скверно, потому и мы скверны; но мы богаты, мы обеспечены, нас миновало только случайно то, с чем вы столкнулись. Столкнись мы – сделали бы то же самое, что и вы. Кто виноват? Среда виновата. Итак, есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе».

Вот в этом-то софистическом выводе и состоит тот фортель, о котором я говорил.

Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником. Но, обвиняя себя, он тем-то и доказывает, что не верит в «среду»; верит, напротив, что среда зависит вполне от него, от его непрерывного покаяния и самосовершенствования. Энергия, труд и борьба – вот чем перерабатывается среда. Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства. «Достигнем того, будем лучше, и среда будет лучше». Вот что невысказанно ощущает

сильным чувством в своей сокрытой идее о несчастье преступника русский народ».

Само сознание того, что совершенный проступок преступен, сподвигает человека к последующему раскаянью. Раскаянье в той или иной мере не проходит мимо любого преступника. К такому выводу Достоевский приходит не сразу. Так, в сравнительно ранних «Записках из Мертвого дома», он говорил, что большинство покидали острог, не раскаявшись. Но уже в 1873 г. он пишет в «Дневнике писателя» следующие слова: «Я был в каторге и видал преступников, «решеных» преступников. Повторяю, это была долгая школа. Ни один из них не переставал себя считать преступником. С виду это был страшный и жестокий народ. «Куражились», впрочем, только из глупеньких, новенькие, и над ними смеялись. Большею частью народ был мрачный, задумчивый. Про преступления свои никто не говорил. Никогда не слышал я никакого ропота. О преступлениях своих даже и нельзя было вслух говорить. Случалось, что раздавалось чье-нибудь слово с вызовом и вывертом, и – «вся каторга», как один человек, осаживала выскочку. Про это не принято было говорить. Но, верно говорю, может, ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего. Я видал их одиноко задумчивых, я видал их в церкви молящихся перед исповедью; прислушивался к отдельным внезапным словам их, к их восклицаниям; помню их лица, – о, поверьте, никто из них не считал себя правым в душе своей!».

Внешней стороной раскаяния является наказание за преступление. Достоевский, по сути, повторяет мысль Гегеля о том, что наказание является нравственным правом преступника....

Осознание этого возлагает тяжелый моральный долг на судью и присяжных. Сам факт приговора может быть тяжел для судьи, заставляя его переживать ту боль, которую он причиняет приговоренному. Но если приговора требует сама высшая справедливость, то ради нее судья должен быть готов принять на себя часть страдания, порожденного преступлением: ««Больно, дескать, очень приговорить человека». Ну и что ж, и уйдите с болью. Правда выше вашей боли. В самом деле, ведь если уж мы считаем, что сами иной раз еще хуже преступника, то тем самым признаемся и в том, что наполовину и виноваты в его преступлении. Если он преступил закон, который земля

ему написала, то сами мы виноваты в том, что он стоит теперь перед нами. Ведь если бы мы все были лучше, то и он бы был лучше и не стоял бы теперь перед нами...»

– Так вот тут-то и оправдать?

Нет, напротив: именно тут-то и надо сказать правду и зло назвать злом; но зато половину тяготы приговора взять на себя. Войдем в залу суда с мыслью, что и мы виноваты. Эта боль сердечная, которой все теперь так боятся и с которою мы выйдем из залы суда, и будет для нас наказанием. Если истинна и сильна эта боль, то она нас очистит и сделает лучшими. Ведь сделавшись сами лучшими, мы и средю исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять. А так-то бежать от собственной жалости и, чтобы не страдать самому, сплошь оправдывать – ведь это легко».

Достоевский подробно, в деталях, рассматривает те случаи, когда суды («либерального страха ради») оправдывали преступника и это порождало у последнего еще большее чувство безнаказанности влекло за собой новые, еще более тяжелые преступления. Вот пример: «Мужик забивает жену, увечит ее долгие годы, ругается над нею хуже, чем над собакой. В отчаянии решившись на самоубийство, идет она почти обезумевшая в свой деревенский суд. Там отпускают ее, промямлив ей равнодушно: «Живите согласнее». Да разве это жалость? Это какие-то тупые слова проснувшегося от запоя пьяницы, который едва различает, что вы стоите пред ним, глупо и беспредметно машет на вас рукой, чтобы вы не мешали, у которого еще не ворочается язык, чад и безумие в голове. История этой женщины, впрочем, известна, слишком недавняя. Ее читали во всех газетах и, может быть, еще помнят. Просто-запросто жена от побоев мужа повесилась; мужа судили и нашли достойным снисхождения. Но мне долго еще мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь».

То есть Ф.М. Достоевский подходит к пониманию преступления и наказания с философских позиций. Это очень сложная проблема. Она издавна и до сих пор будирует умы исследователей [2; 17; 18; 19; 20; 23].

Для анализа рассматриваемого дела, и нравственной, и чисто юридической его составляющей, Достоевский применяет своего рода метод «художественного моделирования». Используя всю силу своего художественного дара, он

воспроизводит и характеры, и обстановку, и действие, заполняя имеющиеся информационные лакуны художественными образами. И это не является домысливанием (что непременно получилось бы у художника более низкого уровня), а именно творчеством, воссоздающим для общественного сознания недостающие детали и позволяющим вынести суждение, вполне адекватное действительности. Потом он повторяет этот же прием в статье «Влас», тоже в «Дневнике писателя», анализируя судебную историю двух крестьянских парней, глумившихся над Святыми дарами.

Вопрос о суде присяжных Достоевский по-философски возвышает до всеобщего вопроса о природе абсолютного добра и о нравственном идеале России: «Читал Ваш рассказ о Вашем присяжничестве, и у самого сердце билось от волнения, – писал Достоевский в письме А.Н. Майкову.

18 февраля 1868 г. – Об судах наших (по всему тому, что читал) вот какое составил понятие: нравственная сущность нашего судьи и, главное, нашего присяжного – выше европейской бесконечно: на преступника смотрят христиански. Русские изменники заграничные даже в этом согласны. Но одна вещь как будто еще и не установилась: мне кажется, в этой гуманности с преступником еще много книжного, либерального, несамостоятельного. Иногда это бывает. Впрочем, издали я могу ужасно ошибаться. Но, во всяком случае, наша сущность, в этом отношении, бесконечно выше европейской. И вообще, все понятия нравственные и цели русских – выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте» [4].

Либерализм судов, оправдывающих явных преступников, непонятен народу и воспринимается им как оскорбление его нравственных чувств: «Прямо скажу: строгим наказанием, острогом и каторгой вы, может быть, половину спасли бы из них. Облегчили бы их, а не отяготили. Самоочищение страданием легче, – легче, говорю вам, чем та участь, которую вы делаете многим из них сплошным оправданием их на суде. Вы только вселяете в его душу цинизм, оставляете в нем соблазнительный вопрос и насмешку над вами же. Вы не верите? Над вами же, над судом вашим, над судом всей страны! Вы

вливаете в их душу безверие в правду народную, в правду Божию; оставляете его смущенного... Он уходит и думает: «Э, да вот как теперь, нету строгости. Поумнели, знать. Боятся, может. Значит, оно можно и в другой раз так же. Понятно, коли я был в такой нужде – как же было не своровать». И неужто вы думаете, что, отпуская всех сплошь невиновными или «достойными всякого снисхождения», вы тем даете им шанс исправиться? Станет он вам исправляться! Какая ему беда? «Значит, пожалуй, я и не виновен был вовсе» – вот что он скажет в конце концов. Сами же вы натолкнете его на такой вывод. Главное то, что вера в закон и в народную правду расширяется».

Ф.М. Достоевский, как видим, к суду присяжных относился неоднозначно. Здесь важно отметить, что эта неоднозначность и сегодня сквозит в некоторых научных публикациях [7].

Но сказанное не означает, что Достоевский считал, будто уголовное наказание должно следовать за преступлением автоматически. Судебная практика сложна и всегда требует индивидуального подхода, учитывающего различные жизненные обстоятельства. Бывают такие ситуации, когда требуется и избавить преступника от наказания. Но и в таком случае суд обязан не оставлять нравственную сторону преступления без внимания и должен публично заявить нравственное осуждение, заставляющее вспомнить известные слова Спасителя, избавившего грешницу от жестокой казни, но отпустившего ее словами назидания: «Иди и больше не греши!». «Я содрогнулся, читая то место, когда она подслушивала у постели, я слишком могу понять и представить себе, что она вынесла в этот последний час, с своей бритвой в руках, я очень, очень был рад, когда отпустили г-жу Каирову, и шепчу про себя великое слово: «налагают бремена тяжкие и неудобноносимые»; но Тот, Кто сказал это слово, когда потом прощал преступницу, Тот прибавил: «иди и не греши». Стало быть, грех все-таки назвал грехом; простил, но не оправдал его; а г-н Утин говорит: «она была бы не женщина, а камень, существо без сердца», так что даже не понимает, как можно поступить было иначе. Я только робко осмеливаюсь заметить, что зло надо было все-таки назвать злом, несмотря ни на какую гуманность, а не возносить почти что до подвига». Вообще можно заметить, что в многочисленных и пространственных публикациях

Достоевского о судебных процессах, преступлениях, наказаниях доминирующими являются две основные для него идеи: идея народа как носителя высшей святой истины и идея субстанциального равенства личностей. К народу Достоевский апеллирует, негодуя по поводу несправедливого оправдательного приговора суда. О нравственном чувстве народа и о его воспитании Достоевский заботится прежде всего, осуждая подобные приговоры.

Отрицание сущностного равенства между людьми как источника преступления и оправдание права на преступление для человека «высшей породы» становится специальным объектом исследования в романе «Преступление и наказание». Такого рода преступления, по мысли Достоевского, разрушают саму ткань человеческого единства. Убийство, совершенное Раскольниковым вследствие принятия им нигилистической концепции, по глубокому замечанию известного русского юриста и философа А.И. Александрова, воздвигло между ним и другими людьми незримую стену. «Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения, – пишет Достоевский, – вдруг сознательно сказались душе его. Не низость его сердечных излияний перед Ильей Петровичем, не низость и поручикова торжества над ним перевернули вдруг так ему сердце. О, какое ему дело теперь до собственной подлости, до всех этих амбиций, поручиков, немок, взысканий, контор и проч., и проч.! Если б его приговорили даже сжечь в эту минуту, то и тогда он не шевельнулся бы, даже вряд ли прослушал бы приговор внимательно. С ним совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое. Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всю силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям в квартальной конторе, и будь это всё его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни; он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения. И что всего мучительнее – это было более ощущение, чем сознание, чем понятие; непосредственное ощущение, мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнью пережитых

им ощущений» [5, стр. 139].

Не признав своего человеческого равенства с «вошью»-старушонкой, Раскольников сам буквально перестал быть человеком, выпал из бытия человеком и бытия с другими людьми. Разрушив единственное зеркало в котором человеку дано видеть свое бытие человеком – личность Другого – Раскольников теряет себя во мраке. Его душа при жизни погружается в небытие, в «бесконечное уединение». Другой персонаж романа – Свидригайлов – столь же отвергающий другого человека в своей гордыне и цинизме, приводит свое содержание (которое есть пустота и отъединенность от других людей) в соответствии с формой бытия через самоубийство. Для Раскольникова открывается другой, истинный, по Достоевскому, путь разрешения противоречия: покаяние.

Покаяние здесь само по себе – процесс. Первый шаг к нему – прозрение убийцы, сущностное понимание им онтологической природы своего деяния. А.И. Александров комментирует это так: «Он не может жить так же, как жил до убийства, и тяжкие нравственные муки все более и более захватывают его, поскольку в глубине души Раскольников осознает, что даже эта вредная старушонка – не вошь, а человек. Убийство, совершенное во имя доброго, как казалось, дела, вес равно остается убийством и глубоко ранит и уродует самого убийцу» [1, стр. 47].

Далее – символический акт поклонения земле и народу на Сенной площади. В самой его неудаче (прохожие не поняли происходящего) лежит указание: покаяние – не минутный акт, а долгое дело работы над своей душой. Но и этот акт был важен: Раскольников, не побоявшись стать смешным, смирил гордыню. Важно, что перед этим Соня, соглашаясь идти с Родионом вместе на каторгу (кстати, обычная практика для России того времени, когда преступники ссылались вместе с семьями), предлагает ему свой крест, оставляя себе крест убитой Раскольниковым Лизаветы. Получается, что крест жертвы будет сопровождать Раскольникова на каторге – нюанс, имеющий глубочайший смысл!

Основной же процесс покаяния Достоевский вынес за рамки романа, лишь указав на него в заключение: это – пребывание бывшего студента на каторге, которая восстанавливает разрушенное единство с народом, разрушает «бесконечное

уединение» Раскольникова: «В остроге, в окружающей его среде, он, конечно, многого не замечал, да и не хотел совсем замечать. Он жил, как-то опустив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть. Но под конец многое стало удивлять его, и он, как-то поневоле, стал замечать то, чего прежде и не подозревал. Вообще же и наиболее стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом. Казалось, он и они были разных наций. Он и они смотрели друг на друга недоверчиво и неприязненно. Он знал и понимал общие причины такого разъединения; но никогда не допускал он прежде, чтобы эти причины были на самом деле так глубоки и сильны. В остроге были тоже ссыльные поляки, политические преступники. Те просто считали весь этот люд за невежд и хлопов и презирали их свысока; но Раскольников не мог так смотреть: он ясно видел, что эти невежды во многом гораздо умнее этих самых поляков. Были тут и русские, тоже слишком презиравшие этот народ, – один бывший офицер и два семинариста; Раскольников ясно замечал и их ошибку».

Так, Достоевский вводит в проблему бесконечного равенства, поставленную как проблема признания личностью Другого, тему народа, актуализирующую противоположную проблему – признания Другими самой личности. Решение проблемы осуществляется тем, что она переносится на более высокий уровень, в котором светится видимостью сущностное единство и равенство людей, – на уровень народа как единой духовной общности. Более высокий уровень решения проблемы задается здесь самими качествами народа, который, по глубокому убеждению писателя, обладает глубинными знаниями истины о Христе и сущности абсолютного добра.

В целом, обращаясь к проблеме права, Достоевский все снова и снова искал решение вечной для себя проблемы добра и зла. Вокруг проблемы добра и зла для Достоевского вращались вопросы глубоко познанной им диалектики человеческой души, того места, «где черт с Богом борется», вопросы всемирного человеческого муравейника и его эсхатологической альтернативы, вопросы общественного единения и преодоления раскола между социальными группами, столь актуальные для современной ему (да, и современной нам) России. Решение проблемы добра и зла позволяет понять сущность и смысл

бытия, без чего человек не может жить.

Единство бытия означает тождество бытия и абсолютного добра, тем самым исключая всякую причастность бытию зла. Св. Дионисий Ареопагит писал: «... зло есть не-сущее и его нет в сущем. Зла, как такового, нет нигде...». Зло и бытие несовместимы. Зла нет в природе. Оно является лишь как деяние единичного самосознания, деяние человека, одаренного свободой воли. Творя зло, человек вносит в мир раскол, которого в нем быть не может. Человек посягает на само бытие. Зло-действие, каким бы частным делом оно не представлялось человеку, всегда является преступлением вселенского масштаба, поскольку дает форму бытия небытию. Казалось бы, все это исключает единство бытия. Но бытие само разрешает противоречие, локализуя его в личности. Зло не мыслится как явленность небытия. Оно лишь обнаруживает отсутствие личности.

Человек не есть нечто данное от природы. По сути своего бытия он еще должен осуществить себя как человека, как личность. Но если он творит зло, значит этого осуществления попросту не произошло. Злодейство свидетельствует о ничтожестве злодея. Личности нет. Есть лишь единое бытие, зла и небытия нет. Или же имеет место раздвоение личности, отрицающее ее изначальное синтетическое единство. Раздвоение, по словам Р. Лаута, это отделенность от всеобщего бытия, замкнутость и конечная изоляция в близком к духовной смерти небытию; синтез же есть связь с жизнью мироздания, с Богом, со всем сущим [14, стр. уточним].

Если смысл бытия – в его гармоническом и многоформенном единстве, то наше существование станет осмысленным, если мы научимся распознавать зло, раскроем тайну его небытия и его субъектности, найдем пути преодоления расколов в своей душе, в обществе, в мире. Эти расколы суть явления зла, бессущественная видимость внешней рефлексии, видимость того, что не имеет сущности, не заключает в себе живого бытия. Но через эти расколы, дающие форму явления тому, чего нет, зло проникает в мир еще дальше: в расколотой душе подпольного человека зарождается смерть; возвысившийся над свободой материальный интерес грозит превратить человека в муравья, а пока сеет вокруг себя смерть, убийства и костры; оторвавшийся от народа образованный класс развращает детей и

народ, глумится над стихией, а сам уже тайно готов возгласить: «Пусть умрет народ!».

Ответ на эти многообразные вопросы и проблемы Достоевский готов дать единым словом. И это слово: Богочеловек, личность, исторически реально воплотившийся в человека Бог-Сын. Но самое ценное здесь в том, что этот ответ не имеет ничего общего с внешним морализаторством, с очередной фокуснической фразой. Этот ответ буквально разлит во всем творчестве великого писателя, выстрадавшего его непростой

жизнью. Он воплощен в самой гармонии его романов, в которой мыслитель надеялся увидеть преодоление наступающей дисгармонии абсурдного не-бытия [15].

Сбылись ли и сбываются ли эти надежды? Вместо ответа приведем слова самого Достоевского, сказанные по поводу «Дон-Кихота», но в не меньшей мере относящиеся и к любой из его великих книг: «Эту самую грустную из книг не забудет взять с собою человек на последний суд Божий».

Список литературы

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
2. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.
3. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
4. Достоевский Ф.М. Письмо А.Н. Майкову // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 15.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – Хабаровск, 1973.
6. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
7. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 144-151.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
10. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
11. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию: Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб.: СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
12. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
13. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
14. Лаут Рейнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
15. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 167-172.
16. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
17. Поздняков Э.А. Философия преступления. – М., 2001. – 576 с.
18. Рагимов И.М. О нравственности наказания / Предисл. Х.Д. Алекперова. – СПб.: Юридический Центр, 2016. – 224 с.

19. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.
20. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.
21. Романовская Л.Р. Воспитание добродетели как задача государства в античной философии // Вестник Тюменского государственного университета: Право – 2012. – № 3. - С. 248-252.
22. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
23. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
24. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
25. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
26. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
27. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
28. Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikgol@mail.ru

МИРЗОЕВ Ашурали Кенджаевич,
научный сотрудник Научно-исследовательского института Таджикского национального университета, соискатель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: m.ashurali@mail.ru

ПРОКОФЬЕВ Константин Григорьевич,
и.о. ректора Курганского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Курган, Россия)
E-mail: 775777@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

***Аннотация.** В классической традиции политико-правовой науки и философии права идея государственного суверенитета раскрывается как институциональное проявление субъективности государства, обеспечивающей целостность его органов и самодостаточность в отношении других государств. Деконструкция понятия суверенитета государств-участников Европейского Союза не может быть компенсирована за счет переадресации государственных «компетенций» наднациональным субъектам. С учетом негативного опыта западноевропейских государств Россия должна отстаивать собственное видение формата государственного суверенитета. Оно должно состоять в утверждении отношения к суверенитету как к правовой ценности, имеющей не только собственно юридическое, но и нравственное измерение*

***Ключевые слова:** государство; общество; право; Европейский союз; Российская Федерация; суверенитет.*

KLIMENKO O.A.
MIRZOEV A.K.
PROKOFIEV K.G.

THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF ENSURING THE NATIONAL INTERESTS OF RUSSIA

***The summary.** In the classical tradition of political and legal science and the philosophy of law, the idea of state sovereignty is revealed as an institutional manifestation of the subjectivity of the state, ensuring the integrity of its bodies and self-sufficiency in relation to other states. Deconstruction of the concept of sovereignty of the member states of the European Union can not be compensated by redirecting state "competencies" to supranational actors. Given the negative experience of Western*

European states, Russia must defend its own vision of the format of state sovereignty. It should consist in affirming the attitude to sovereignty as a legal value that has not only the legal, but also the moral dimension

Ke ywords: *state; society; right; European Union; Russian Federation; sovereignty.*

На рубеже XX – XXI вв. проблема суверенитета оказалась в числе важнейших вопросов, на которые предстоит ответить современной юридической науке [5; 13; 29; 30; 31; 40; 41]. Длительное время интерес к данной теме имел чисто академический характер. Казалось бы, после практической реализации идей Н. Макиавелли и Ж. Бодена [22; 24; 32] в принципах Вестфальского мира, а идей Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Э. Ваттеля [17; 38] – в «Декларации прав человека и гражданина», основные контуры понятия суверенитета окончательно закреплены в европейском правосознании. А после их трансцендентальной методологической огранки И. Кантом [19; 26; 27] и духовного переосмысления Г. Гегелем [16; 21; 23] остается лишь уточнить отдельные детали сложившейся теоретико-правовой концепции суверенитета. Однако ситуация существенно изменилась в условиях современных противоречивых процессов глобализации и контрглобализации, когда наследие теоретиков вестфальской модели государственности впервые подверглось серьезному сомнению [25; 35]. Понятие суверенитета составляет центральный элемент понятия государства. Без суверенитета нет и не может быть полноценного государства. Угроза полной или даже частичной потери государством своего суверенитета автоматически ставит под вопрос безопасность общества, личности и самого этого государства. Однако именно понятие суверенитета в его классическом понимании, закрепленном в традициях вестфальского типа государственности, оказалось сегодня в центре критики [1; 2; 7; 14; 33; 37; 42].

Особенно актуальной эта проблема стала для стран Западной Европы, для которых процессы глобализации прежде всего ассоциировались с евроинтеграцией. Европейский Союз за время своего существования прошел в своем развитии несколько этапов. Развитие Европейского Союза ведет к тому, что он все более и более приобретает черты, сообщающие ему признаки

политической организации, подобной государству. Здесь неизбежно возникают отсылки к историческому опыту европейской интеграции, которая уже в эпоху раннего Средневековья воспринималась как основа европейской идентичности. При таком понимании «подлинно европейским» считалось то, что так или иначе соотносилось с идеей римской имперской государственности (историческая Римская империя, империя Карла Великого, Священная Римская империя германской нации, папство и т.д.). С другой стороны, обусловленный глобализационными процессами кризис «вестфальского» типа государственности, о котором в последнее время говорят видные европейские интеллектуалы, требует новых интерпретаций самого понятия государства. В таком случае, вопрос о признаках государственности в системе новой европейской интеграции приобретает особую актуальность.

Сегодня государства-члены Европейского союза стремительно, по историческим меркам, теряют свой суверенитет. Причем этот процесс идет неравномерно, при равных правовых формах он имеет существенно различные экономические, социальные и политические последствия для государств, являющихся благоприобретателями результатов евроинтеграции, и для государств, находящихся в явной зависимости от них. Перспектива деструкции Европейского союза с полным или частичным возвратом суверенитета национальным государствам еще более актуализирует проблему определения правовой сущности суверенитета, его основных признаков, правовых механизмов воспроизводства.

Необходимость разрешения проблем, возникающих в процессе практического взаимодействия политических структур и правовых институтов Евросоюза с его государствами-членами, а также в процессе реализации контртенденций евроинтеграции и еврорегионализации, бесспорно, воспроизводящих на региональном уровне Западной Европы глобальные тенденции, побуждает провести своего рода научную «ревизию»

понятия суверенитета. Прежде всего это связано с вопросами политико-правовой трактовки трансформации суверенитета государств-членов Европейского союза: «Сегодня все снова и снова воспроизводится разный подход государств-членов относительно его будущего... В этой точке сосредоточены представления о границе между политическим и юридическим, между мечтой и действительностью. С чисто юридической стороны определение правовой природы Европейского союза прежде всего зависит от политической суверенной воли государств, являющихся его членами. Является фактом то, что юридическое определение европейского сообщества практически невозможно. Какие бы не предпринимались для этого попытки, они в конечном итоге сводили его к традиционной категории межгосударственного объединения. Но такой подход представляется проблематичным, если считать, что вопрос о правовой природе Европейского союза зависит от определения правовой природы отчуждения компетенций государств-членов» [45, стр. 253].

В западноевропейской традиции правовой мысли идея суверенитета традиционно базировалась на двух понятиях – понятии государства и понятии нации – которые в своей взаимосвязи формировали единый дискурс. Представления о природе суверенитета, развитые просветителями XVIII в., закреплялись во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и в Конституции Французской республики 1791 года: «Постепенно понятие суверенитета трансформировалось благодаря своей существенной открытости и посредством своей чисто формальной природе. Понятие суверенитета – это понятие функции, а не субстанции. Все это ведет к изменению в истории содержания этого понятия. В дальнейшем революция перенесла понятие суверенитета монарха на народ» [45, стр. 138].

Это представление о «переносе» понятия суверенитета с монарха на народ, во-первых, фиксировало правовое содержание реального исторического события – крушения французской монархии и установления республики, во-вторых, идея просветителей о том, что источником суверенитета может быть народ, получила, можно сказать, практическое подтверждение. Однако из этого вовсе не следовало, что отныне только народ можно было признавать законным

источником суверенитета. В большинстве стран таким источником по-прежнему признавался монарх. Вопрос о том, является ли этот факт некоторого рода юридической фикцией или же он опосредован ходом истории точно также, как и народный суверенитет, оставался открытым.

Можно привести примеры государств, например, теократических монархий (государство Ватикан), которые являются в полной мере суверенными и суверенитет которых никто не может оспорить. Но в то же время утверждение о том, что источником этого суверенитета выступает народ, представляется достаточно сомнительным. По крайней мере, даже если с позиций светской науки не принимать ссылки на Бога как на источник суверенитета таких государств, то в качестве такого источника может быть признана религиозная община, понятие которой мы вовсе не можем отождествить с понятием народа.

Также вызывает вопросы и распространяемая в мировой, в том числе и в отечественной правовой науке, точка зрения, согласно которой современная теория суверенитета признает суверенитет лишь в отношении демократического государства или, по крайней мере, тесно связывает его понятие с представлениями о демократии и защитой прав человека. «Почти до 20-х годов XX в. понятие суверенитета практически не увязывалось с признанием прав человека. Эти понятия существовали как бы параллельно. Лишь в XX в., особенно во второй его половине, идея, что суверенитет государства не может служить основанием для ограничения прав человека, а также, что не признающее прав человека государство не может быть признано суверенным, постепенно стало завоевывать всеобщее признание, хотя в отдельные годы и в некоторых странах еще продолжали отстаивать принцип примата интересов государства над интересами личности» [34, стр. 181].

Здесь также возникают сомнения, связанные с соображениями как эмпирического, так и теоретического порядка. Во-первых, известно достаточно много государств, суверенитет которых никто не оспаривает, но в которых однозначно не соблюдаются права человека и которые точно не являются демократическими. Достаточным примером может служить Саудовская Аравия. Во-вторых, из того факта, что в большинстве современных государств источником суверенитета признается воля народа, еще никак не

следует возможность дедуцировать понятие суверенитета из аналитически расчлененного понятия воли народа. Во всяком случае не приходилось встречать теоретических или логических доказательств того, что понятие суверенитета может быть дедуцировано только из понятия воли народа и что его нельзя точно также дедуцировать из понятия воли монарха, воли класса, воли религиозной группы и даже из воли Бога.

Как нам представляется, дело состоит в том, что понятие суверенитета в теории государства является первичным понятием, выражающим, если использовать определение Гегеля, «идеальность всех особенных правомочий». В своей «Философии права» Гегель прямо указывал на всеобщий характер понятия суверенитета, сводящих в свою внутреннюю сущность (идеальность) все особенные определения государства, которые именно поэтому следуют из понятия суверенитета и зависят от него, а не наоборот [9, стр. 316-318]. Согласно этой точке зрения, организация, обладающая политической властью, для того чтобы существовать в форме государства, должно обладать тем качеством, которое обозначается комплексным синтетическим понятием суверенитета. Суверенитет выражает автономность и субъектность политической организации, без которого его существование уже не будет существованием именно государства. Вопрос о том, будет ли это государство абсолютной теократической монархией или демократической республикой, по отношению к вопросу обладания политической организацией суверенитетом, уже вторичен. Точно также, как и вопросы о соблюдении прав человека, его демократических свобод, обеспечении его безопасности и т.п. В противном случае окажется, что мы экстраполируем особенное содержание понятия на его всеобщее содержание, что методологически недопустимо.

Как и теоретическое понятие суверенитета общий принцип суверенитета выполняет в процессе общественного развития двойную функцию: инструментальную и структурирующую. В таком случае принцип национального суверенитета выражает связь между нацией, ее действительным суверенитетом и единой национальной государственностью и может рассматриваться в своих двух аспектах: суверенитет государства и суверенитет народа. «Принцип национального суверенитета получил

как материальное, в принципе переносимое на другие инстанции содержание (суверенитет государства), так и абстрактное, неотчуждаемое содержание (демократический суверенитет). Ядро суверенитета складывается не из комплекса компетенций – его составляет экспликация народом первоисточника власти. Такое понимание соответствует изначальному значению понятия национального суверенитета в том виде, как оно сложилось ко времени революции» [45, стр. 206]. По мнению исследователя, это различие между государственным суверенитетом и суверенитетом народа, которое соответствует национальной конституции (в данном контексте речь идет о конституции Французской республики), позволяет согласовать национальную теорию суверенитета с реалиями Европейского союза. Лишь при таком условии понятие национального суверенитета еще может выполнять свои функции в европейском контексте без того, чтобы угрожать европейской интеграции.

Обозначение суверенитета государства как совокупности компетенций преимущественно международного характера позволяет осуществить перенесение этих компетенций на европейское сообщество, не затрагивая при этом сам принцип национального суверенитета, так как национальный суверенитет в таком случае оказывается делимым только в аспекте суверенитета государства, но не в аспекте суверенитета народа. «Благодаря этому можно оправдать перенос компетенций государственного суверенитета на Европейский союз без того, чтобы национальный суверенитет стал пустым звуком: изначальная иррациональность текста французской конституции отсылает к «священной иррациональности» французской теории суверенитета» [45, стр. 206]. Как нам представляется, такого рода «плюрализация» понятия суверенитета несовместима с его трактовкой как субъектности государства, поскольку субъект по самой сущности своей монистичен [28, стр. 61-64].

В результате мы видим, что хотя само понятие суверенитета и является многозначным, вместе с тем в правосознании европейских народов оно тесно связано с представлением о «едином и неделимом» суверенитете, что, без сомнения, создает непреодолимые сложности при трансляции суверенитета государств на Европейский Союз как на некое транснациональное государство. Но именно для преодоления такого рода

точки зрения все чаще раздаются призывы к интерпретации понятия суверенитета в качестве совокупности «компетенций». Вместе с тем такой подход сам по себе не решает вопроса о возможности переноса ядра суверенитета или порога возможной «трансляции компетенций» на Европейский Союз. Ведь, все равно остается открытым вопрос о том, когда эта трансляция компетенций достигнет уровня, при котором эта «совокупность компетенций» станет лишь пустой оболочкой. При этом нужно ответить и на вопрос о том, как быть с системой конституционной защиты суверенитета.

В связи с такой постановкой вопроса ряд исследователей говорит о том, что процесс конституционализации европейской интеграции может привести к преобразованию национальных конституций в своего рода «дуальные конституции», которые в рамках установленной правовой системы уже не будут соответствовать «существенным условиям обеспечения национального суверенитета» [45, стр. 115]. При этом отмечается, что в рамках своей правовой компетенции Конституционный совет ограничился тем, что установил неприемлемость складывающихся в новом транснациональном политико-правовом образовании существенных условий сохранения национального суверенитета [45, стр. 115].

В этой связи нам также представляется неприемлемым столь категоричное противопоставление друг другу суверенитета государства и суверенитета народа и «дуализация» понятия суверенитета в ущерб идее его изначальной монистической целостности. Европейские авторы говорят о неделимости национального суверенитета, сами опасаясь при этом, что данное понятие окажется «пустым звуком». Но, далее, непонятно, на каком основании можно отказать в этом качестве неделимости суверенитету государства. В конечном счете, европейские правоведы постмодернистского толка пытаются уверить своих читателей в том, что существует не один, а два суверенитета. Лежащий в их основании единый суверенитет в таком случае и становится совершенно «пустым звуком», всего лишь абстрактным родовым понятием.

Представляется, что здесь за рассуждениями постмодернистов о критической деструкции понятий, скрывается не более чем докантовская метафизика, для которой понятия – это не выражение действительного внутреннего единства

вещей, а не более чем формально-логические абстрактные категории, которыми можно произвольно оперировать, осуществляя в отношении них чисто логические операции. Как результат, создается не более чем видимость того, что имеет место содержательный анализ понятий, который подменяется чисто идеологическим обоснованием тех или иных политических решений.

Постмодернистская деструкция правовых категорий оборачивается возвратом теории права на уровень мышления XVIII века без сохранения характерной для эпохи Просвещения установки на апологетику национального суверенитета государств «вестфальской модели». В итоге получается следующая теоретическая, а точнее говоря формально-логическая конструкция: делимому суверенитету государства с отчуждаемыми «компетенциями» противопоставит неделимый суверенитет народа, а объединяющий их общий суверенитет представляется либо абстрактной родовой категорией, либо кантовской «вещью-в-себе».

Но и в этом случае выглядят совершенно произвольными суждения о том, что допустим перенос компетенций суверенитета государства на наднациональный субъект. В таком случае нет никаких оснований допустить такого рода возможность и для суверенитета народа. И нельзя отрицать того, что такого рода допущения уже делаются.

Ряд авторов, прежде всего теоретики функционализма и неофункционализма (Д. Митрани, Э. Хаас, Л. Линдберг и др.), открыто говорят об «эрозии» суверенитета и стремятся относиться к этому процессу как объективному предмету анализа. Они изучали процессы добровольного создания больших по масштабам политических объединений, которые сознательно воздерживаются от применения силы в отношении между составляющими его элементами [44, стр. 4]. В центре внимания неофункционалистов стоял вопрос, каким образом и в силу каких причин государства добровольно ограничивают свой суверенитет, одновременно приобретая новые средства для урегулирования конфликтов между собой. Таким образом, под интеграцией (в правовом значении этого термина) неофункционалисты понимали «процесс, посредством которого лояльность политических акторов нескольких национальных образований смещается в сторону нового наднационального центра

принятия решений, который становится центром политической активности. Конечным результатом процесса политической интеграции является новое политическое сообщество» [44, стр. 433]. Таким образом, в центре внимания данной научной парадигмы находились проблемы «эрозии» рассредоточения суверенитета. В итоге остается открытым вопрос о последствиях, в том числе и правовых, которые может иметь делегирование Евросоюзу суверенных «компетенций» от государств, являющихся благоприобретателями интеграции, и от тех государств, для которых, деструкция суверенитета, напротив, ведет к снижению уровня экономического потенциала и социально-политической стабильности, уровня безопасности личности и общества.

С учетом негативного опыта западноевропейских государств основные приоритеты политики Российской Федерации в области интеграционных процессов, несущих в себе явную или скрытую угрозу государственному суверенитету, должны быть связаны с вопросами, в которых наиболее отчетливо просматриваются параметры соотношения внутренней и внешней политики, направленные на обеспечение государственной безопасности России [4; 6; 8; 10; 11; 12; 39]. А именно, с вопросами:

- обеспечения суверенитета государства в сфере международных экономических отношений;
- обеспечения безопасности государства прежде всего в области военной, продовольственной, энергетической, сырьевой, информационной, экологической безопасности (особую угрозу, связанную с глобализационными процессами составляет активное включение транснациональной организованной преступности во внешне-экономическую деятельность);
- обеспечения устойчивого развития России: в собственно экономической сфере; в социальной сфере; в сфере идеологии, культуры, духовной жизни с точки зрения их экономического обеспечения.

При этом Россия должна отстаивать собственное видение формата государственного суверенитета. Оно должно состоять в утверждении отношения к суверенитету как к правовой ценности, имеющей не только собственно юридическое, но и нравственное измерение [20, стр. 196-197]. Именно как

ценность нравственно-правового порядка идея суверенитета может объединять различные народы и культуры вопреки негативным тенденциям стремительно партикуляризирующегося мира [3].

Если для Запада сегодня своеобразным манифестом становится положение Макса Вебера о том, что международная политика и мораль несовместимы, то Россия с ее глубокими традициями изучения отношения права и нравственности [36, стр. 173-175] должна занять прямо противоположную позицию. Эта позиция, конечно же, найдет отклик и поддержку мирового сообщества, особенно в сфере международного права, где добросовестность, ответственность, разумность признаются естественными условиями договорных отношений. Ценностный подход к понятию суверенитета, альтернативный грубому прагматизму, должен способствовать утверждению начал справедливости в системе международно-правового регулирования транснациональных отношений, исключая какую-либо дифференциацию государств или ущемление их суверенитета в зависимости от уровня экономического развития в международно-договорных отношениях или при участии в деятельности международных организаций [15; 18].

Опыт зарубежной интеграции показал, что невозможно одновременно осуществлять формирование глубоко интегрированного экономического и политического организма с сохранением действия принципа национального суверенитета в его традиционных формах. Вместе с тем обеспечение суверенитета – приоритетная задача государства. Позитивное разрешение данного противоречия возможно лишь в том случае, если оно станет источником действительного развития государства и национального права, стимулом для выработки новых, адекватных реалиям современного мира, форм утверждения суверенитета государства как основы обеспечения национальных интересов России.

Включение суверенного государства в систему мировых интеграционных процессов станет тогда эффективным, когда оно будет основано на сбалансированности интересов всех его участников, государств, транснациональных корпораций, международных организаций. Интересы интегрированного сообщества как целого заключаются в максимально полном удовлетворении

потребностей его участников. Они состоят в поддержании экономических условий воспроизводства данной социальной общности на более высоком уровне, что предполагает обеспечение социально-экономической стабильности, полной занятости, экономического роста, производственной и технологической эффективности, научно-технического прогресса, поддержание достойного качества жизни населения, сохранение естественной среды обитания.

Противоречия между объективными интересами интегрированного сообщества, как на региональном, так и на универсальном уровне, с одной стороны, и комплексом национальных интересов, с другой, должны решаться на основе признания безусловного приоритета последних. Полагаем, что эти приоритеты должны закрепляться на законодательном уровне как элемент общей стратегии участия Российской Федерации в международной интеграции на различных уровнях.

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры в противодействии коррупции, экстремизму и посягательству на государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 47-58.
2. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 182-195.
3. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Клименко О.А. Государственный суверенитет как конституционная ценность (сравнительный анализ трактовки понятия суверенитета Кантом и Гегелем) // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55). – С. 116-122.
4. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003. – 250 с.
5. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
6. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
7. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
8. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М.: Модуль, 2000. – 234 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
10. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
11. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
12. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1.
13. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
14. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
15. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
16. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности //

- Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 138-144. – в сб. 344 с.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
 18. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
 19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
 20. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И. Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 193-197.
 21. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 191-196.
 22. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 53-57.
 23. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
 24. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22-28.
 25. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
 26. Лежнева О.Ю. Мораль, право, суд: Кант о свободе и ответственности личности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 181-187.
 27. Лежнева О.Ю., Пономарев А.А., Пылева О.В. Учение И. Канта о конституционных правах и свободах личности и традиция Просвещения // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55). – С. 122-126.
 28. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). – СПб: НОИР, 2011.
 29. Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150.
 30. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внутренних качеств суверенитета // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 58-69.
 31. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внешних качеств суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 174-181.
 32. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
 33. Мирзоев А.К. Юридические средства обеспечения государственного суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 27-41.
 34. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 1. Государство / Отв. ред. М.Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 557 с.
 35. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
 36. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
 37. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.
 38. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5.

- С. 173-179.
39. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008. – 272 с.
 40. Хабиров Р.Ф. Общее представление о методологии теоретико-правового подхода к исследованию суверенитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 17-21.
 41. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.
 42. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 339 с.
 43. Dougherty J., Pfaltzgraff R.L. Contending Theories of International Relations. A Com-prehensive Survey. 3d ed. N.Y.: Harper Collins, 1990.
 44. Haas Ernst B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // Regional Organization: Theory and Research Ed. by Leon N. Lindberg and Stuart A. Scheingold. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 4 -8.
 45. Lepoivre H., Staatlichkeit und Souveranitat in der Eurapaischen Union am Beispiel Frankreichs. – Frankfurt am Main etc.: Lang, 2003.

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
первый заместитель Председателя комитета по энергетике Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)

E-mail: stateduma@duma.gov.ru

ДЕНИСОВ Антон Михайлович,
аспирант кафедры теории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург) (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: denisov@lawexp.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И. КАНТА КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК УЧЕНИЯ ФРИДРИХА КАРЛА ФОН САВИНЬИ

Аннотация. Историзм К. фон Савиньи занимает промежуточное положение между научными позициями И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Для Канта историзм связан с движением человечества к цели совершенного государства и права, который установлен идеалом внеисторического чистого разума, вынесенным за пределы сущности социально-правовых явлений. Для Савиньи сама история государства и права включает в себе сущность этих социально-правовых явлений, а значит, адекватна их содержанию.

Ключевые слова: Кант; Савиньи; право; государство; свобода; правовой идеал.

**ANANSKIKH I.A
DENISOV A.M.**

PHILOSOPHY OF LAW I. KANT AS ONE OF THE PREREQUISITES OF THE TEACHINGS OF FREDERICK CHARLES VON SAVIGNY

The summary. Historicism of F.K. von Savigny occupies an intermediate position between the scientific positions of I. Kant and G.V.F. Hegel. For Kant, historicism is associated with the movement of mankind towards the goal of a perfect state and law, which is established by the ideal of an extra-historical pure mind, which is passed beyond the essence of social and legal phenomena. For Savigny, the very history of the state and law includes the essence of these social and legal phenomena, and, therefore, is adequate to their content.

Key words: Kant; Savigny; right; the state; freedom; legal ideal.

Еще в эпоху античности сложилось две основных линии в политико-правовой науке: линия Платона, акцентировавшего внимание на вечных, абсолютных началах справедливости и государства, и линия Аристотеля, который наряду с анализом сущности закона и

государства, обращался и к процессам их исторического становления. Платоновский ракурс исследования оставался в течение веков приоритетным. Обоснование права через непосредственную отсылку к абсолютному, предложенное Платоном [4, стр. 16-17; 2; 17; 20; 25],

представлялось в античности и в средние века вполне очевидным. Усиление альтернативной парадигмы было связано в Новое время с творчеством Н. Макиавелли, Г. Гроция и просветителей XVIII в., прежде всего Ш.-Л. Монтескье и Дж. Вико [11; 16; 22], преодолевавших установку новоевропейского рационализма о неизменности оснований права в вечных постулатах разума и оказавших самое значительное влияние на формирование германской государственно-правовой науки [21, стр. 11-19; 23, стр. 170-190].

Идея историзма сравнительно поздно входит в круг системообразующих понятий теории права к концу XVIII в. Она была в основном чужда как античному мышлению с его пониманием права как субстанциального первоэлемента бытия, так и новоевропейскому теоретизированию, выведшему базовые нормы права из принципов разума и общественного договора. В своей полной реализации идея правового историзма впервые выступает лишь в двух теоретико-правовых системах: у Г.В.Ф. Гегеля и у Савиньи [3]. В XVIII в. идеи историзма в учении о праве и государстве Монтескье и идеи приоритета природы над культурой и государством Руссо во многом позволяли преодолеть ограниченность новоевропейского рационализма [24]. Однако для крупнейшего мыслителя той эпохи Иммануила Канта, заложившего предпосылки диалектического метода мышления, исторический подход был в целом еще чужд [1; 7; 12]. В немецкой классической философии идея историзма в праве развивается позже Шеллингом и Гегелем, хотя и под прямым влиянием идей Монтескье. Для Канта же еще право и государство – это лишь формы, априорно развивающиеся из разума, точнее говоря: из способности разума к различению добра и зла [26, стр. 11].

В этом смысле Кант остается в рамках новоевропейских рационалистических парадигм, от которых стремился отойти уже Монтескье. В традиции Нового времени разум трактуется как система способностей познания, в одинаковой мере присущей каждому познающему субъекту в любом месте и в любую эпоху. Если разум не имеет истории, то тем более ее не имеет продукт разума, в данном случае – право [8, стр. 50-62; 13].

«Кантовская теория права формировалась как новая парадигма правовой мысли прежде всего по отношению к парадигмам естественного права

и общественного договора... Кантом была сформирована совершенно новая в мировой истории парадигма правовой мысли. Во-первых, исторически проявившийся естественно-правовой подход не приемлем для Канта, поскольку право для него не является объективной субстанцией. Субстанциалистская модель для критического философа сопрягается с методом прежнего догматизма, который оперировал с определениями мышления (в данном случае – с определениями права) как с определениями «вещей-в-себе». Во-вторых, по Канту, право не может иметь своим источником и непосредственно общественный договор. В таком случае всякое трансцендентальное основание права сводилось бы к чисто позитивному праву. Общественный договор... не имеет никакого отношения к трансцендентальным основаниям права, которые собственно и делают право правом, т.е. тем, что парадоксальным образом сочетает в себе, с одной стороны, предписывающий человеку норму действия закон, а с другой, его свободу. В том как раз и состоит своего рода тайна права, что оно должно заключать в себе противоречие двух моментов: свободы и насилия. Для рассудка вынести это противоречие можно лишь, нивелируя тот или иной момент, что, собственно, мы и имеем в двух вышеназванных парадигмах» [15, стр. 42-43].

Кант, возвышаясь над рассудочным мышлением и утверждая права разума, ведет дело к установлению диалектического единства двух противоположностей в праве: насилия и свободы. Будучи основоположником немецкой классической философии, основанной на трансцендентальной идее свободы, Кант решительно разводит сферу необходимости, куда он отнес внешний опыт, и сферу свободы, анализ которой приводит его к понятию права. Автор «Критики практического разума» настаивает на противоположности нравственного закона и чувственной природы человека. И эта противоположность имеет принципиальное значение для его учения о праве, личности и государстве. Но вместе с тем, стремясь к синтезу правовой свободы и правового насилия, Кант подчеркивает, что эта противоположность не может существовать без единства, которое осуществляется моралью.

Практический разум требует единства противоположностей необходимости и свободы, чувственной природы и разумной воли. Однако поскольку единство свободы и насилия

устанавливается лишь в форме морали, постольку и вся кантовская трактовка государства и права остается чисто моралистической трактовкой: «В кантовском моральном учении о праве, находящемся еще под заметным влиянием естественно-правовых представлений Нового времени, речь идет именно о моральной, а не о правовой ценности позитивного права и государства. Сама идея республиканизма (этой кантовской версии правового государства) обосновывается Кантом как максима морального сознания, как требование морального категорического императива» [18, стр. 491-492]. На место апеллирования к абстрактной природной необходимости, характерного для политико-правовых учений Нового времени, Кант ставит столь же абстрактную отсылку к моральному принципу. Но в его трактовке этот моральный принцип столь же мало связан с историческим дискурсом, как и природная необходимость.

Тем не менее в своей статье 1784 г. «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант все же ставит вопрос об историческом развитии человечества и форм его социальной организации, в том числе и права. Однако это не должно вводить нас в заблуждение относительно места учения Канта в процессе становления идеи правового историзма. Здесь речь идет, скорее, о движении человечества к ранее сформированной цели совершенного государства и права, нежели о развитии самих институтов права и государства, когда каждое из их состояний будет обладать некоторой степенью совершенства, адекватной своей эпохе.

Не случайно, само совершенное государство как цель истории и даже саму историю Кант трактует натуралистически, связывая их с общим планом природы: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в таком обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, – только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве...» [10, стр. 944-945]. Замечательно, что Кант видит цель государства и права в создании условий

для развития первоначальных задатков человеческого рода. Это вполне конкретная гуманистическая цель существования человека и общества, которую провозгласило Просвещение и к которой в дальнейшем стремились все великие гуманисты XIX – XX вв., такие как Шопенгауэр, Маркс, Достоевский, Ленин, Ганди и др. Но при этом он отказывается признать, что предшествующая история государства также являлась историей ступеней воплощения этой цели в жизнь. И дальнейшее движение истории всякий раз обуславливалось именно противоречием между гуманистической сущностью государства и неадекватной этой сущности формой ее явленности.

Для Канта противоречие – это только трансцендентальная иллюзия разума, критерий заблуждения как ограничительная линия для рассудка. Для Гегеля, напротив, противоречие есть критерий истины. Для Гегеля сам факт того, что на ранних ступенях истории государство и право выступают в формах, прямо противоположных их сущности, говорит лишь о том, что в них заложен импульс к развитию. Ф.К. Савиньи занимает здесь промежуточную позицию. Для него история государства и права уже заключает в себе их сущность, а значит, адекватна их содержанию. Но, с другой стороны, Савиньи не мыслит диалектически, а значит не может раскрыть всеобщее содержание в особенных формах отдельного «народного духа». Поэтому он совершенно неизбежно должен был замкнуться на особенных формах права и государства.

Идея историзма, как мы видели, сравнительно поздно входит в круг системообразующих понятий теории права. Она была чужда как античному мышлению с его пониманием права как субстанциального первоэлемента бытия, так и новоевропейскому теоретизированию, выведшему базовые нормы права из принципов разума и общественного договора. В своей полной реализации она впервые выступает лишь в двух системах учения о праве: у Гегеля и у Савиньи.

Понимание истории как особой сферы бытия, имеющей свои особые законы, не сводимые к законам природы или человеческой психологии, стало достижением только немецкой классической философии права, которая открыла новый этап развития правовой мысли. «Сама философия права имеет исторически три возможных варианта. Первый основан на идее естественной субстанции права. Классическое выражение этой

идеи – естественное право как субстанция позитивного права у Фомы Аквинского [5; 9]. Второй: идея позитивного права, выведенная из действия субъекта – общественный договор Гоббса и Локка [6]. Ограниченность состоит в том, что в первом случае дается субстанция права без субъективности, а с другой – субъективность без субстанции. Третий вариант – немецкая классика, которая понимала основу права как активную единую «субстанцию-субъект». Последняя связывалась с восстановленным христианским пониманием свободы, но уже с философски раскрытым его смыслом (наиболее полно и конкретно раскрытым в гегелевском понятии духа). Классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы» [14, стр. 43]. Таким образом, понимание основы права как «субстанции-субъекта» свободы, имеющей субъективное и объективное измерение, должно было иметь своим результатом введение в правоведение идеи историзма, поскольку именно история в трактовке немецких классиков предстает объективностью свободы.

Трактуя с этих позиций понятия государства и права, Савиньи различает государство как «исторически действующую сущность» от государства как «лишь существующего» (экзистирующего). В качестве первой государство заключает в себе сущностную связь законов, или законодательство как таковое, которая и составляет то, что он называет «государственным правом». При этом законодательство не следует представлять себе как простую совокупность налично данных, позитивных норм, скорее это – их внутренняя сущность, которой не присуще ничего случайного или произвольного. Понять, что такое это «законодательство» в специфической трактовке Савиньи, а также познать его содержание, можно лишь рассматривая его как исторический феномен. При этом он еще раз обращает внимание на то, что, «историческое» – значить не только нечто данное, но данное с необходимостью, в том смысле, как понимал это слово [27, стр. 228-230].

Речь идет о том, что государство, при таком его понимании Савиньи, не вырастает из некоего

произвола исторических акторов, но, скорее, напротив, противостоит этому произволу. В качестве некоего всеобщего государства, «государства вообще», оно реализует себя в тех или иных исторических формах своего проявления как «степени ограничения единичного», т.е. ограничения возможного произвола общества или личности, действующих вопреки объективной необходимости, воплощенной во всеобщем государстве. Это ограничение реализует себя в налично данных законах, которые именно поэтому являются в своей основе объективными и необходимыми. Соответственно, и науки о законодательстве и праве, согласно Савиньи, должны пониматься как науки объективные и одновременно исторические.

В их основе, считал немецких правовед, должна лежать отсылка к некоторому правовому идеалу. Этот идеал нигде не дан в явлении и не может быть схвачен чисто эмпирически, но вместе с тем именно он должен лежать в основе науки о законодательстве. Апелляция к идеалу в правовой науке была в основном характерна для неокантианской традиции. Она представляла собой аналог кантовского «идеала чистого разума», который был введен Кантом в заключительной части «Критики чистого разума». Согласно Канту, разум будет лишь тогда стремиться к познанию, когда он сможет предположить этот процесс завершенным, а значит, он должен допустить идеал разума, обладающего всей полнотой знания.

Аналог этой интеллектуальной конструкции предложил в начале XX века Г. Кельзен в своей теории «основной нормы». «Основная норма», по Кельзену, не обладает эмпирическим аналогом и потому не может быть вербально выражена, однако мысль о ней как о правовом идеале необходима для правового разума, чтобы придать всем остальным, т.е. частным, нормам качества объективности и обязательности [19].

Вполне можно было бы посчитать, что аналогичным подход представлен и у Савиньи. Однако основатель исторической школы юристов не был кантианцем и представление о правовом идеале он взял не из «Критики чистого разума», а как указывает современный немецкий исследователь, из творчества немецких романтиков рубежа XVIII – XIX вв., к которым он был особенно близок и с которыми, например, с Якобом Гриммом, находился в постоянной переписке [27, стр. 330-333].

Из числа романтиков, повлиявших на учение Савиньи о правовом идеале, особенно выделяется Ф. Гельдерлин, который в своем романе «Гиперион» развивал представление об идеале как о следовании природе вещей и о подчинении этой природе, вопреки предписывающим постулатам рассудка.

В эстетическом плане такого рода учение об идеале развивал Ф. Шеллинг, на которого особенно часто указывают как на мыслителя, вдохновившего Савиньи на разработку иррационалистического учения об историческом начале права. Думаем, что специфический иррационализм Савиньи также мог получить что-то вроде легитимации в ученом сообществе после того, как он был введен в науку таким влиятельнейшим автором как великий философ Шеллинг, о чем шла речь выше.

Носителем иррационального идеала Савиньи видел народ. В этом контексте своей правовой теории немецкий ученый предпочитал говорить не о «гражданском обществе», а о «народе».

Гражданское общество как внутренне структурированное целое для Савиньи было не более чем внешним носителем того субстанциального духовного, рационально не выразимого содержания, которое и составляло внутреннее содержание «народа» как исторической данности. Однако народ для Савиньи должен действовать в государстве и реализовывать себя через государство.

Таким образом, в процессе своей творческой эволюции Савиньи, как нам кажется, в трактовке отношения «государство – гражданское общество», или «государство – народ», все более отходит от кантовской парадигмы и сближается с гегелевской трактовкой. Различие проявляется лишь в методологии, прежде всего в трактовке понятия народа: абсолютно-идеалистической, как у Гегеля, или иррационалистической, как у Савиньи. Это позволило более поздним авторам (например, К.А. Неволину) без особого насилия над материалом, попытаться примирить теоретические посылки двух классиков.

Список литературы

1. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Клименко О.А. Государственный суверенитет как конституционная ценность (сравнительный анализ трактовки понятия суверенитета Кантом и Гегелем) // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55).
2. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
3. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181-185.
4. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 176-184.
6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
9. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
10. Кант И. Метафизические начала естествознания. – М.: Мысль, 1999. – 1712 с.
11. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический

- журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
12. Лежнева О.Ю. Мораль, право, суд: Кант о свободе и ответственности личности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 181-187.
 13. Лежнева О.Ю., Пономарев А.А., Пылева О.В. Учение И. Канта о конституционных правах и свободах личности и традиция Просвещения // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55). – С. 122-126.
 14. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6.- С. 42-47.
 15. Масленников Д.В., Пономарев А.В. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. – 2016. – № 6. – С. 42-43.
 16. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
 17. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
 18. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2009.
 19. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
 20. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26
 21. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
 22. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
 23. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013.- № 10. – С. 170-191.
 24. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
 25. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревна, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревна М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
 26. Prauss G. Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel. Munchen: Verlag Karl Alber, 2008.
 27. Ruckert J. Idealismus, Jurisprudenz und Politik bei Friedrich Carl von Savigny / Joachim Ruckert. – Ebelsbach : Gremer, 1984.

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович,
юрист по корпоративному праву компании
Eurasian Resources Group (Люксембург)
E-mail: ismagilovir@gmail.com

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна,
судья Московского городского арбитражного суда
(г. Москва, Россия)
E-mail: Urbova@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ГОСУДАРСТВО КАК ИСТИНА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

***Аннотация.** В гегелевской концепции государства системообразующую роль играло понятие его субъективности, которая трактовалась как самоопределяемость, самодостаточность и внутренняя содержательность явления государства. Государство является полной формой осуществления духовного содержания общества и в этом смысле оно трактуется Гегелем как всеобщее первичное начало по отношению к гражданскому обществу и к личности, как его истина, как «разумная жизнь самосознающей свободы». Защита интересов государства как выражения высшей нравственной идеи составляет основу и исходный пункт обеспечения гармонии общества и личности.*

***Ключевые слова:** Гегель; государство; личность; гражданское общество; свобода; право.*

ISMAGILOV I.R.
LEZHNEVA O.Yu.

THE STATE AS THE TRUTH OF CIVIL SOCIETY IN THE PHILOSOPHY OF LAW OF G,V,F. HEGEL

***The summary.** In the Hegelian concept of the state, the concept of his subjectivity played a system-forming role, which was interpreted as self-determination, self-sufficiency and internal content of the state phenomenon. The state is the complete form of the realization of the spiritual content of society and in this sense it is treated by Hegel as a universal primary principle in relation to civil society and to the individual, as his truth, as the "rational life of self-conscious freedom." Protecting the interests of the state as an expression of the highest moral idea is the basis and starting point for ensuring harmony of society and the individual.*

***Key words:** Hegel; the state; personality; civil society; freedom; right.*

Анализируя диалектику отношения государства и гражданского общества, Гегель трактует последнее как своего рода «внешнее государство» [4, стр. 342]. Целостность личности, общества и государства, по Гегелю, обнаруживается прежде всего посредством того, что государство, будучи

высшей ступенью развития семьи и гражданского общества, является их основанием и предпосылкой. Методологически обосновать такой подход? как и вообще дать синтетическую модель социальных процессов, можно лишь на основе разработанного Гегелем диалектического метода

познания в соответствии с базовым принципом системности.

Согласно гегелевской диалектической методологии, истинное основание всякого процесса раскрывается в его результате. То, с чего начинается процесс, его начало, еще является чем-то неистинным, совершенно противоречит своему понятию. Это противоречие как раз и является источником развития содержания. Поэтому абстрактная атомарная личность, выступающая субъектом договорных отношений, содержит в себе противоречие, состоящее в том, что она является лишь абстракцией всей полноты духовного содержания, которое раскрывается в понятии государства, несущего в себе высшую нравственную идею.

Гегель, кстати, именно поэтому одобрительно высказывался в своей «Истории философии» об аристотелевской теории происхождения государства: в «Политике» государство исторически является результатом сложения и развития селений (аналог гражданского общества), но логически, по сути своей, первично, поскольку более глубоко раскрывает ту нравственную идею, которую несет в себе и общество, и личность. То, что он неоднократно и в разных работах возвращается к этой мысли, показывает ее важность для правоведа-диалектика. В «Философии права» он пишет об этом так: «Так как в ходе развития научного понятия государство является как результат, а между тем оно оказывается подлинным основанием, то первое опосредование и эта видимость также снимает себя и переходит в непосредственность. Поэтому в действительности государство есть вообще первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента; в развитии гражданского общества нравственная субстанция обретает свою бесконечную форму, которая содержит в себе два момента: 1) момент бесконечного различия вплоть до для себя сущего в себе бытия самосознания и 2) момент формы всеобщности, заключающийся в образовании, в форме мысли, посредством чего дух становится для себя в законах и институтах, в своей мыслимой воле объективным и действительным как органическая тотальность» [3, стр. 378]. Понять и выразить целостность личности, общества и государства как единую «органическую тотальность» с тем, чтобы потом трансформировать это новое

понимание в комплекс конкретных определений суда, форм государства, суверенитета и т.п. – в этом видит Гегель свою главную задачу в области политико-правовой науки.

С точки зрения методологии правоведения интересно развитие субъекта права от уровня абстрактной личности к уровню системной единицы гражданского общества. На уровне абстрактного права Гегель рассматривает личность, реализующую труд как свою свободную волю посредством ее объективации в вещи [3, стр. 101]. Возникающее здесь отношение «признание» одной личностью другой в качестве равного и свободного субъекта преодолевает отношения раба и господина (эта диалектика подробно исследовалась еще в «Феноменологии духа» [18]. Другими словами: преодолевается возможность и необходимость внеэкономического, насильственного, принуждения к труду и возникает необходимость обмена собственностью, которая образуется в процессе труда и опосредующих его социальных отношений, внешне добровольно, в форме отношений договора [3, стр. 127-130]. По сути, речь идет о правовом опосредствовании экономических отношений рыночного типа, основанных на отношении стоимости: «... в вещь или в ее выполнение вносится различие непосредственного специфического качества от субстанциального в ней, от ее стоимости, в которой это качественное изменяется в количественную определенность; одна собственность может сравниться с другой и может быть качественно приравнена к другой, совершенно с ней разнородной. Таким образом, она полагается вообще, как абстрактная, всеобщая вещь» [4, стр. 330].

Система разделения труда порождает различное, фиксируемое посредством социальных и социально-правовых механизмов, положение крупных групп людей в обществе. Эти группы Гегель, следуя традиции своего времени и сохраняя терминологию «Йенской реальной философии» [12, стр. 184-187], называет сословиями. В более поздних социологических теориях их назовут классами, социальными группами или стратами. Особенно удачную по своей емкости характеристику сословиям Гегель дает в «Философии духа»: «Везде, где существует гражданское общество и вместе с ним государство, вступают в силу и сословия с их различиями. Ибо всеобщая субстанция существует как живая лишь

постольку, поскольку она органически обособляется; история государственных устройств есть история образования этих сословий, правовых отношений [4, стр. 344].

Таким образом, множественность субъектов, в которых сначала выступало у Гегеля гражданское общество, а именно: семей, теперь концентрируется им в устойчивых формах единства – сословиях. Концентрация субъектов в сословиях определяется, по Гегелю, экономическими отношениями. Но Гегель настаивает на том, что над этой множественностью структурных единиц гражданского общества, должно возвышаться некоторое всеобщее единство, пусть даже абстрактное. Таким единством для гражданского общества является закон. Закон – это пока еще, действительно, совершенно абстрактное единство, поскольку в нем нет деятельности. Истинным единством гражданского общества выступит государство как его активная, деятельная «душа». Но форма закона как внешнего выражения единства гражданского общества является столь же необходимой. Но и здесь уже проявляется деятельность государства, поскольку именно государство дает праву внешнюю форму закона. Нужно отметить, что в этой внешней форме закона, согласно Гегелю, проявляется право и именно право, охватывающее целостность личности, общества и государства. Право заявляет о себе в форме закона как об истинно всеобщем начале гражданского общества, которое теперь становится чем-то действительно объективным: «То, что есть право в себе, положено в его объективном наличном бытии, т. е. определено для сознания мыслью и известно как то, что есть и признано правом, как закон; посредством этого определения право есть вообще позитивное право» [3, стр. 247].

Поскольку закон – это только абстрактная форма проявления всеобщего содержания личности, общества и государства, постольку он не может сам, непосредственно, определять содержание каждого особенного социального отношения. Праву здесь не хватает начала субъективности и это отсутствие необходимо должно восполниться субъективностью личности. Таким образом, Гегель определяет значение суда и судьбы в системе отношения личности, общества, государства и права. Только суд может выполнять функцию «подведения данного случая под закон, восстанавливающий право» [3, стр. 260].

Суд для него – это своего рода выражение духа субъективности гражданского общества. Поскольку истинным субъектом суда является гражданское общество в целом, то судопроизводство, по Гегелю, обязательно должно быть публичным. Публичный характер судопроизводства определяется прежде всего тем, что оно апеллирует к всеобщности права, имеющей значение для всего общества: «Право требовать публичности судопроизводства основано на том, что цель суда есть право, которое в качестве всеобщего должно совершаться в присутствии всеобщего; основано оно также и на том, что граждане приходят к убеждению, что осуществляется действительно право» [3, стр. 260].

Из тех же общетеоретических соображений Гегель обосновывает и необходимость суда присяжных: «Право самосознания, момент субъективной свободы, может рассматриваться как субстанциальная точка зрения в вопросе о необходимости публичного судопроизводства и так называемых судов присяжных» [3, стр. 263]. Присяжные выносят суждение о фактическом составе преступления. Профессиональный судья определяет применение закона к данному конкретному случаю [4, стр. 347-348]. Таким образом, достигается гармония в соотношении профессионального знания законов и необходимой доступности правопонимания для каждого члена общества, что для Гегеля, как мы видели, составляет существенное, внутреннее, определение самого права. По Гегелю, «нравственная субстанция», обнимающая различия в системе взаимосвязей и взаимодействий субъектов гражданского общества, нуждается в некотором центре субъективности, задающей ей целостность. Такой «центр субъективности» гражданское общество находит в государстве, его самосознании, его институтах, и, наконец, в институте главы государства (у Гегеля – это конституционный монарх). На уровне же самого по себе гражданского общества, «внешнего государства», его субъективность получает лишь форму олицетворения, которой как раз и является институт суда, со своими присяжными заседателями.

Безусловно, данная мысль немецкого классика не является бесспорной, особенно относительно суда присяжных. Она вызывала дискуссию у его современников, обсуждается в юридической литературе и в XXI веке [6].

Относя суд к сфере гражданского общества,

Гегель не противопоставляет его государству и государственной власти, а наоборот, рассматривает как связующее звено между двумя формами явления единой нравственной субстанции общества. Суд, как устойчивый институт, обнаруживает внутреннее содержание гражданского общества, этого в трактовке Гегеля «внешнего государства», а потому сам может трактоваться как первое проявление государственного начала в гражданском обществе. Точно по такому же основанию Гегель считает возможным отнести к сфере гражданского общества также и полицию [3, стр. 265-274]. С другой стороны, полиция и корпорация в учении Гегеля составляют переход к государству, когда раскрывается всеобщий смысл их цели, «сфера гражданского общества переходит в государство» [2, стр. 278].

Согласно Гегелю, защита интересов государства имеет всеобщее значение в силу всеобщей природы самого государства. Всеобщность для Гегеля означает не примат некоторой абстрактной идеи над ее особенными воплощениями (личностью, структурными элементами и институтами общества, правовыми институтами и т.п.), а наоборот: глубокое взаимопроникновение всеобщего и особенного. Для Гегеля всеобщее не имеет иной формы своего существования кроме гармонии и порядка взаимодействия особенного и единичного. Отрицание сущностной гармонии в системе отношений «государство – гражданское общество», а также гармонии бытия в целом, характерное для гностического мировосприятия, исключает возможность адекватного понимания гегелевской диалектики [12, стр. 183-186]. В учении Гегеля всеобщее относится к особенному и единичному как душа к телу. В этом гармоничном единстве особенного и всеобщего как раз и состоит гегелевская диалектика. Ее проекция во времени порождает процесс исторического, включая все его содержание и все его смыслы [5, стр. 182-185].

До сих пор Гегеля чаще всего трактуют в объективно-идеалистическом смысле, предполагающем именно доминирование всеобщей идеи над особенным и единичным, что полностью противоречит смыслу гегелевской диалектики. Ключевое для системы Гегеля понятие духа рассматривали лишь как субстанцию единства природы, общества и человека, отсюда следовали малосодержательные характеристики типа гегелевского «панлогизма». То, что Гегель

понимал дух равным образом как субъект и что для «работы» с таким предметом как «субъект» требовалась особая мыслительная практика, не исключаящая, а в специфически гегелевском смысле слова «снимающая» трансцендентализм [9, стр. 61-64], ускользало от внимания интерпретаторов. В свою очередь и диалектический метод Гегеля по большей части сводили к плоской схеме «тезис-антитезис-синтез» или в лучшем случае к «борьбе противоположностей» и к революционному «тарану». Гегелевская абсолютная идея понималась не как метод (чем было наполнено содержание этой категории в последнем разделе «Науки логики» [2, стр. 754-772]), а как предпосылка, из которой можно дедуцировать содержание всех наук без обращения к эмпирическому материалу. Это было, конечно же, полной редукцией диалектики Гегеля к уровню докантовской метафизики, включая рационалистические концепции права и государства XVII – XVIII вв. [13, стр. 12-15] и полностью противоречило и букве, и духу его учения.

В области теории права и государства это имело следствием одностороннюю трактовку учения Гегеля в качестве крайнего этатизма. Учение мыслителя, излагавшего свое понимание права и государства как диалектику всеобщего и единичного, искажали, произвольно абстрагируя момент всеобщности. В таком случае можно было говорить о примате абсолютного над личностью и далее – о подчинении личности «тотальному государству». Это имело следствием либо историческое недоразумение вроде сочинения К. Поппера «Открытое общество и его враги» [10], либо более трагические последствия, когда таким образом «перелицованного» Гегеля взяли на вооружение адепты нацистских теорий права (Р. Сменд, Э. Кауфманн, К. Ларенц [18; 19; 20], в определенной мере К. Шмитт [21], а также такой крупный знаток Гегеля как Т. Хэринг [17]). Хотя нацисты считали Гегеля «чуждым по крови философом», на уровне теоретических работ о праве и государстве они весьма интенсивно апеллировали к извращенному ими гегелевскому политико-правовому учению [16, стр. 191-207]. Крайности либерализма (К. Поппер) и фашизма сходятся прежде всего в общем для них гностическом отрицании внутренней гармонии особенного и единичного [7; 8]. Поэтому для них просто отсутствует та субстанция особенного, в которой всеобщее может реализоваться как его сущность

и смысл.

В соответствии с диалектическим методом для Гегеля особенно важно показать внутреннюю целостность личности, общества и государства, связанную воедино общей правовой субстанцией. Поэтому понятия гражданского общества и государства он не противопоставляет друг другу, а рассматривает как ступени развития одного понятия. Соответственно, и институты гражданского общества и государства Гегель не противопоставляет, исследуя в процессе их взаимодействия, что является актуальным и для современной политико-правовой науки.

По Гегелю, государство составляет истину гражданского общества и семьи, чем определяется его аксиологическая значимость. Согласно оценке М. Симека, гегелевская концепция государства может быть интерпретирована только как теоретическая модель правового государства и в этом смысле оно является более современным, чем все теоретические построения позитивизма, включая попперовские концепции «открытого общества» и так называемого «тоталитаризма»: «Право, как «наличное бытие абсолютного понятия, знающая самое себя свобода», составляет основной принцип современного государства и пронизывает все плоскости и измерения современной жизни. Оно конституирует собственно область ценностей новой, насквозь интерсубъективной, нормативности, которая, следуя своей претензии на общезначимость, легитимирует субъективное сознание и волю индивида, и потому может быть принята современным обществом» [22, стр. 42]. Развивая эту мысль, М. Симек дает следующую итоговую оценку гегелевской теории государства: «Гегелевская концепция свободного правового государства как носителя и представителя современной системы нравственности пережила своих многочисленных более или менее поверхностных критиков, что вполне очевидно. Пережила для того, чтобы сегодня в эпоху позднего модерна именно для нашего времени раскрыть свой универсальный острый смысл, свою философскую глубину и живую актуальность» [22, стр. 49].

Эта актуальность, на которую обращает внимание немецкий автор, нам видится прежде всего в том, что никто так последовательно как Гегель не отказывается от механистической трактовки сущности государства, укоренившейся в правовой теории со времен Т. Гоббса

[15, стр. 171- 174]. Для него «государство – не механизм, а разумная жизнь самосознющей свободы, система нравственного мира» [3, стр. 299]. В этой выразительной характеристике стоит сделать акцент на понимании государства как «самосознания свободы». Тогда становится понятным, почему в своем учении Гегель подчеркивал такое качество государства как субъективность, которую он понимал как его самоопределяемость, самодостаточность и внутреннюю содержательность. Опираясь на такое понимание сущности государства, следует не «минимизировать» его участие в жизни общества, как это предлагалось делать в нашем недавнем прошлом, а наоборот, рассматривать его наряду с личностью и семьей как высшую социальную ценность [14, стр. 174-178].

Государство должно противостоять любой попытке какой-либо особенной части гражданского общества возвысить свой интерес и представления о ценности над интересом всего общества. Поэтому задача государства состоит в обеспечении такого контроля над обществом, которое должно обеспечить его качества как структурированного гражданского общества, должно препятствовать его вырождению в агрегат социальных общностей.

В этом случае гражданское общество из сложного социального объединения, в основе которого лежат общности, скрепленные отношениями моральности (прежде всего: семья), превратится в простую сумму простых атомарных личностей, «агрегат лиц», по Гегелю. То есть (если вспомнить соответствующий фрагмент «Энциклопедии...» [4, стр. 360]) от состояния «*populus*» деградирует до состояния «*vulgus*», толпы. В случае деградации общества деградирует и государство, либо возвращаясь к ступени «войны всех против всех», либо превращаясь в деспотическое государство. Государство, основанное на власти толпы, по мысли Гегеля, не может не быть деспотическим государством. Упрощение объекта управления неизбежно ведет и к упрощению субъекта. Опыт так называемых «цветных революций», в основе самого механизма которых лежит именно апелляция к воле толпы, подтверждает это всей очевидностью.

Поэтому сохраняют свою актуальность слова Гегеля о том, что «... в этом отношении единственной целью государства является то, чтобы народ не получал существования, не достигал

власти и не совершал действий в качестве такого агрегата» [4, стр. 360]. Эти слова, а также то развитие, которое они получают в данном параграфе «Энциклопедии...» [4, стр. 360-361], могут иметь актуальное значение для критики программ деструктивных сил в российском обществе, в основе которых лежит скрытая апелляция к воле толпы, а в области рефлексии – представление о том, что именно такое «состояние бесправности, безнравственности и неразумия вообще» и должно быть объявлено «состоянием истинной свободы» [4, стр. 361].

«В формально-структурированном аспекте гражданское общество, – считают В.А. Бачинин и В.П. Сальников, – представляет собой сложную, многомерную социальную целостность, которая, будучи открытой, самоорганизующейся системой естественно складывающихся социальных отношений между индивидами как частными лицами, активно обменивается веществом, энергией и информацией со своим главным контрагентом – государством. В гражданском обществе каждый человек предстает не как подданный государства, но как самоценный индивидуум, имеющий свои личные, частные жизненные цели, которые могут либо совпадать с интересами государства, либо противоречить им». Они обращают внимание на то, что в «формально-структурном аспекте гражданское общество представляет собой совокупность существующих, нарождающихся и активно функционирующих общностей – добровольных объединений, союзов, организаций. Одна из ведущих задач всех этих общностей состоит в том, чтобы дать индивидам

возможность общаться на почве сходных практических духовных интересов. Они не позволяют гражданам уподобиться некоей россыпи автономных атомов, предлагая множество разнообразных форм социальной кооперации. Через них гражданское общество как социальный макроститут, поощряет различные проявления человеческой солидарности» [1, стр. 133].

При такой ситуации возникает идеальная возможность обеспечивать государству контроль над обществом, чтобы оно выступало в качестве гражданского, а обществу – контролировать государство, оберегать его от чрезмерного диктата над существующими общностями.

В соответствии с классическими представлениями о сущности отношения государства и общества, наиболее полно и глубоко представленными в философии права Гегеля, государство является формой объективации национальной нравственной идеи и защита интересов государства составляет первичный фактор обеспечения гармонии и безопасности общества и личности. В своей трактовке государства как «разумной жизни самосознающей свободы» Гегель находит средства для выражения субъектной стороны права и государства, если вспомнить о его классическом определении духа как субстанции-субъекте свободы. Тем самым в гегелевской теории государства раскрывается истина учения о суде как выражении субъектности гражданского общества и истина учения о субъективности личности, которое было предзадано уже самим понятием свободной воли и учением немецкого классика о ее объективации.

Список литературы

1. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / Изд. подгот. Д.В.Масленников. – СПб: Наука, 1997. – 799 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
5. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-185.
6. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 144-151.
7. Маков Б.В., Масленников Д.В. О судьбе гностицизма в европейской культуре // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. СПб.: Санкт-Петербургский университет Государственной

- противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – 2014. – № 1. – С. 5-13.
8. Масленников Д.В. «Злая тьма манихейская...» (Гностицизм как источник культа зла в истории европейского общества) // Образование. Экономика. Общество. Научно-практический образовательный журнал. – 2009. – № 5-6. – С. 61-67.
 9. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). – СПб: НОИР, 2011.
 10. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
 11. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
 12. Сальников В.П., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в «Йенской реальной философии» Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 181-188.
 13. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
 14. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
 15. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013.- № 10. – С. 170-191.
 16. Grossmann A. Recht verkehrt. Hegels Rechtsphilosophie im Neuhegelianismus // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von M. Wischke, A. Przylebski. Würzburg: Königshausen – Neumann, 2010. S. 191 – 208.
 17. Haering Th.L. Hegel. Sein Wollen und sein Werk. Eine chronologisch Entwicklungsgeschichte der Gedanken und der Sprache Hegels. Bd. II. Leipzig, 1938
 18. Kuch H. Herr und Knecht: Anerkennung und symbolische Macht im Anschluss an Hegel. – Frankfurt am Main ; New York : Campus, cop. 2013
 19. Larenz K. Deutsche Rechtserneuerung und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1934.
 20. Larenz K. Rechts- und Staatsphilosophie der Gegenwart. B., 1931.
 21. Schmitt C. Nationalsozialistisches Rechtsdenken. B., 1935.
 22. Siemek M. Hegel als Philosoph des modernen Rechtsstaates // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von M. Wischke, A. Przylebski. Würzburg: Königshausen – Neumann, 2010/

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 от 01 июля 2010 г.

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ» (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шердин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2017, № 9

Выход в свет 29.09.2017. Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 267.

Отпечатано на полиграфической базе
Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru